

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1 9 6 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

4

1969

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ян Итасиньский</i> (ПНР). 25 лет Польской Народной Республике	3
<i>А. Клеванский</i> . В. И. Ленин и борьба за создание революционной партии чехословацкого пролетариата	16
<i>Р. П. Гришина</i> . Из истории идеологической борьбы БКП в 1929—1934 гг.	29
<i>Т. П. Блинова, Г. М. Славин, М. М. Сумарокова</i> . К истории создания Коммунистической партии Югославии	36
<i>И. Н. Киселев</i> . Научные связи Академии наук СССР с Польской академией наук	44
<i>В. И. Фрейдзон</i> . Об особенностях формирования нации в хорватских землях	53
<i>А. А. Ильшин</i> . Опыт типологического сопоставления	63
<i>Т. А. Иванова</i> . Еще раз о «русских письменах»	72
<i>С. Б. Бернштейн</i> . Из болгарской лексикологии и лексикографии	76

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Е. Львова</i> . Из истории болгарского искусства конца XVIII — первой половины XIX века	81
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>П. Ольшанский</i> . СССР и славянские страны в «Документах внешней политики СССР»	86
<i>Альбин Копруковняк</i> (ПНР). «Rocznik Lubelski», t. I—X	90
<i>В. В. Захаров</i> . Новейшие работы хорватских и советских историков об аграрных отношениях в Задарском дистрикте X—XIV вв.	97
<i>В. К. Волков</i> . Новые работы уральских балканистов	101
<i>А. Мьельников, W. Zeil</i> . Bolzano und die Sorben	103
<i>Е. П. Наумов</i> . Новое издание «Летописи попа Дуклянина»	105
<i>Л. К. Andrej Cerveňak</i> . Vojanský a Turgenev	108

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>И. К. Горский.</i> «Садружнасьць літаратур»	109
<i>Л. Калнынь.</i> Studien zur sprachlichen Interferenz	111
<i>А. Е. Сунрун.</i> R. Olesch. Bibliographie zum Dravänpopolabischen	114

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1968 г. (продолжение)	115
Содержание иностранных журналов	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>И. К.</i> Доклад посла Я. Птасиньского	121
<i>Н. В. Зуева, Е. М. Шатохина.</i> IV симпозиум по проблеме национального развития славянских народов	121
<i>В. П.</i> Защита диссертации	124
<i>Э. А. Джапаридзе.</i> <u>Ирина Григорьевна Сенкевич</u>	125
<i>А. С. Мельничук.</i> <u>Ярослав Бауэр</u>	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), *И. Ф. БЭЛЗА*, *Л. Б. ВАЛЕВ*, *В. Г. КАРАСЕВ*,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), *Д. Ф. МАРКОВ*, *И. С. МИЛЛЕР*,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, *Ю. А. ПИСАРЕВ*, *Г. М. СЛАВИН*, *Б. Ф. СТАХЕЕВ* (зам. главного редактора), *Н. И. ТОЛСТОЙ* (зам. главного редактора), *И. М. ШЕПТУНОВ*, *Я. Б. ШИМЕРАЛЬ*
 Ответственный секретарь *В. В. ЗЕЛЕНИН*

ЯН ПТАСИНЬСКИЙ

Член ЦК ПОРП,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Польской Народной Республики
в Советском Союзе

25 ЛЕТ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

22 июля 1944 г. на части польской земли, освобожденной Красной Армией и возрожденным Войском Польским, был провозглашен Манифест Польского комитета национального освобождения — первого в истории польского народа подлинно демократического, рабоче-крестьянского правительства. Этот день вошел в историю как дата образования Народной Польши. Ежегодно он торжественно отмечается как наш национальный праздник. Эта дата символизирует двойную победу польского народа — возрождение независимой государственности после пятилетней кровавой гитлеровской оккупации и установление власти трудящихся.

22 июля 1969 г. исполняется 25 лет с того памятного дня, когда по всей нашей стране, по уже освобожденным городам и селам, по польским землям, еще скованным цепями фашистского рабства, разнеслись слова Манифеста ПКНО. Они возвещали польскому народу приближающуюся победу над силами немецкого фашизма, возрождение нашей родины в старых пястовских границах, переход государственной власти в руки трудящихся масс города и деревни. Существование народной власти на протяжении четверти века подтверждает, что 22 июля 1944 г. является поворотным пунктом в истории польского государства, в общественно-экономической жизни польской нации.

1

Манифест ПКНО был тем историческим документом, который, с одной стороны, победоносно увенчал длительный и тяжелый период борьбы прогрессивных и революционных сил во главе с рабочим классом за государственную власть, а с другой стороны, открыл новый период борьбы за социалистические преобразования в стране и польском обществе. Борьба за права трудящихся масс, за социальное и национальное освобождение уходит своими корнями в далекое прошлое польского народа. Долгие годы эта борьба шла по двум различным направлениям, которые лишь иногда соединялись. Только в период гитлеровской оккупации Польская рабочая партия объединила борьбу за социальное и национальное освобождение в единое национально-освободительное движение, в котором роль гегемона выполнял рабочий класс, руководимый марксистско-ленинской партией.

«Сложный характер исторической судьбы поляков, полный противоречий и контрастов ход нашей истории, — говорил Вл. Гомулка, — накопил большой политический опыт и обогатил уроками прошлого, которые составляют неотъемлемую часть польской политической мысли». В гуще противоречий и контрастов нашей истории, в процессе развития и расцвета, поражений и неудач, из сплетения внутренних конфликтов в тяжелые годы гитлеровской оккупации родилась в рядах Польской рабочей партии новая политическая мысль польской демократии. Эта политическая мысль, развитая главным образом Вл. Гомулкой, легла в основу Манифеста Польского комитета национального освобождения. Она и сейчас лежит в основе развития и расцвета Народной Польши.

Политическая мысль польских коммунистов развивалась параллельно, вместе с ростом национально-освободительной борьбы, проходившей под руководством Польской рабочей партии. Уже в своей первой декларации Польская рабочая партия «призывает к борьбе за свободную и независимую Польшу, в которой народ сам будет решать свою судьбу». По первоначальной концепции ПРП предполагалось организовать Национальные комитеты борьбы, которые должны были объединить антиоккупационные силы, руководить борьбой против гитлеровских захватчиков, а после освобождения польских земель стать органами власти. С намерением создать широкий национальный фронт для борьбы с оккупантами Польская рабочая партия начала переговоры с краевой делегатурой эмигрантского правительства, соглашаясь подчинить свои военные организации общему руководству. Польская рабочая партия в это время выражала согласие войти в состав правительства, которое могло быть образовано в результате договоренности между действующими в стране политическими партиями за исключением санационных группировок. ПРП не исключала возможности участия в этом правительстве лиц, входящих в эмигрантское правительство (генерала Сикорского и др.), при условии, что вопрос о составе правительства решался бы на указанном основании. Переговоры с краевой делегатурой эмигрантского правительства не привели к соглашению, поэтому замысел создания Национальных комитетов борьбы не был реализован.

Изменение положения на военных фронтах в благоприятном направлении для сил антигитлеровской коалиции, а особенно блестящие победы Красной Армии под Сталинградом, Ростовом, Курском и Харьковом, а также развитие в оккупированной стране национально-освободительной борьбы, на которую эти победы оказали существенное влияние, побудили Польскую рабочую партию выступить с инициативой объединения левых и демократических сил в стране. 1 марта 1943 г. Польская рабочая партия опубликовала свою декларацию «За что мы боремся?» (так называемую малую декларацию), в которой заявляла, что «государственная власть в будущей Польше должна перейти в руки представителей самых широких слоев народа, представляющих интересы рабочих, крестьян и интеллигенции. В будущей Польше внутренняя и внешняя политика должна соответствовать потребностям и интересам всего народа». Эта декларация определяла программу политических и социально-экономических преобразований после изгнания оккупантов из Польши. Она предусматривала создание всех органов власти в стране в соответствии с волей большинства нации; национализацию промышленности, транспорта, банков; безвозмездную экспроприацию помещичьих хозяйств, распределение их земель между малоземельными крестьянами и сельскохозяйственными рабочими; всеобщее бесплатное обучение. В состав польского государства следовало включить все польские земли. Спорные территориальные вопросы должны быть разрешены на основе права наций на самоопределение. Внешняя

политика будет опираться на союз с Советским Союзом. Положения мартовской декларации были развиты в «Программной декларации Польской рабочей партии» (так называемой большой декларации) в ноябре 1943 г.

Основываясь на программных положениях Польской рабочей партии, Вл. Гомулка в статье «О политической мысли польской демократии» («Трыбуна вольности», I IX 1943) выдвинул концепцию объединения левых и демократических сил вокруг ПРП. «Чтобы быть в состоянии начать бескомпромиссную борьбу с осужденной политикой прошлого, необходимо ясно и определенно сказать, чем следует ее заменить. А этого, кроме Польской рабочей партии, не сделала ни одна политическая организация польской демократии в стране... Пора взять слово политическим организациям польской демократии». Вл. Гомулка призывал политические партии польской демократии, а именно: Стронництво людове, Рабочую партию польских социалистов, демократические группы — смело сделать выводы из уроков прошлого, реалистически определить свое отношение к современному положению, смело вступить на путь исторических преобразований. Объединение сил польской демократии, самостоятельная, руководящаяся благом народа политическая мысль демократического лагеря, его самостоятельная вооруженная сила — Армия людова — «это проблемы, которые должна позитивно решить польская демократия, если она хочет стать духовным и политическим вождем нации». Главными политическими принципами, на которых будет основываться сила Польши и благосостояние ее нации, Вл. Гомулка считал демократический и свободный общественный строй, добрососедские и дружественные отношения с СССР.

Политические партии, связанные с эмигрантским правительством, в течение всего периода оккупации занимали резко враждебную позицию по отношению к ПРП и ее концепции создания национального фронта. Оставаясь на позициях санационной, антидемократической конституции 1935 г., они фактически намеревались реставрировать довоенный строй. Борьба с гитлеровскими оккупантами, которую развернула Польская рабочая партия, приближение восточного фронта к границам Польши, создание польских вооруженных сил в СССР — все это создавало благоприятные условия для формирования лагеря польских левых сил, сконцентрированных вокруг ПРП. В Рабочей партии польских социалистов усиливались тенденции к совместным действиям с ПРП и к сотрудничеству с Советским Союзом. В рядах крестьянского движения, особенно в его местных организациях, росли симпатии к ПРП и ее освободительной программе, что в феврале 1944 г. привело к образованию организации «Воля люду». Все чаще происходили совместные действия отрядов Гвардии людовой и Батальонов хлопских с участием подразделений Армии крайовой. Было создано объединенное командование под названием Армии людовой, в которой отдельные военные формирования сохраняли свою автономию.

Пришла пора организационного оформления объединенного демократического фронта. В «Манифесте демократических общественно-политических и военных организаций в Польше», написанном 15 декабря 1943 г. Вл. Гомулкой, в то время уже Генеральным секретарем ПРП, указывалось, что польское эмигрантское правительство сегодня уже никого не представляет, что обстановка требует создания нового представительства нации, которое станет во главе борьбы с гитлеровскими оккупантами, укажет польскому народу путь, по которому он должен идти. Крайова рада народова, — гласил Манифест, — по строит свою внешнюю политику, опираясь на искреннюю дружбу и сотрудничество с союзниками, в первую очередь с СССР, включит насильственно германизированные земли в польский государственный организм, установит восточные границы в соответ-

ствии с желанием населения этих земель и на основе дружественного соглашения с Советским Союзом. Манифест предусматривал проведение существенных социальных и экономических реформ в освобожденной стране. В новогоднюю ночь с 1943 на 1944 г. была создана Крайовая рада народа — антифашистский, демократический парламент подпольной Польши. Постановлением КРН организуется Армия людова — вооруженная сила лагеря польской демократии. Политическая концепция, главную роль в разработке и защите которой сыграл Вл. Гомулка, стала реальной действительностью.

Вокруг КРН объединяются патриотические и демократические силы всей страны. Организуются местные, воеводские, повятовые, городские и гминные рады народов, фабричные, фольварочные и сельские комитеты. В подполье формируется зародыш органов народной власти. В ходе борьбы Армия людова превращается в мощную вооруженную силу; ее численность достигает 60-ти тыс. человек. Устанавливается верховное руководство Крайовой рады народовой Союзом польских патриотов в СССР и созданной на территории Советского Союза Польской армией. Следует помнить, что параллельно в подполье существовала сеть организаций с собственной вооруженной силой, связанных с эмигрантским правительством. Приближался переломный момент в жизни польского народа — освобождение от гитлеровской оккупации и борьба за характер государственной власти в Польше.

2

На первой освобожденной полоске польской земли, в повятовом городе Хелме был провозглашен Манифест ПКНО. В форме государственного акта были выражены сформировавшиеся в огне национально-освободительной борьбы основные концепции развития Польши в условиях нового народно-демократического строя. В этом документе определялись основные принципы нового строя, как-то: создание аппарата власти, исходящей из народа и служащей народу, проведение глубоких социально-экономических реформ, и прежде всего аграрной реформы и национализации основных отраслей народного хозяйства. В этом историческом документе была сформулирована программа борьбы за освобождение всех польских земель, включая и земли, которые много лет назад были насильственно отняты у Польши и германизованы. Манифест определял принципы внешней политики новой Польши, основой которых должны быть дружба и польско-советское братство по оружию, превращенные в прочный союз и добрососедское сотрудничество.

Созданный Крайовой радой народовой Польский комитет национального освобождения являлся временным исполнительным органом для руководства освободительной борьбой народа, завоевания независимости и восстановления польской государственности. Он опирался на единство действий демократических партий и организаций: Польской рабочей партии, возрожденной на основе левицы ПРПС Польской социалистической партии, выросшего из организации «Воля люду» Стронництва людоваго, а также Демократической партии, образовавшейся из демократических групп и клубов. ПКНО пользовался поддержкой значительной части рабочего класса, малоземельного и среднего крестьянства, а также прогрессивной трудящейся интеллигенции. В соответствии с волей народа, выраженной в постановлениях и резолюциях, проявлявшейся в самоотверженной работе по восстановлению государственной жизни, в создании возрожденного Войска Польского, ПКНО 31 декабря 1944 г. был преобразован во Временное правительство.

Политические группировки, связанные с эмигрантским правительством, не признавали новой народной власти и не отказывались от попыток ее свержения. В стремлении захватить власть эмигрантское правительство и его представительства в стране приняли безумное решение организовать восстание в Варшаве. Одновременно на освобожденной территории их политические и военные организации бойкотировали набор в армию, мешали нормализации жизни, создавали атмосферу неуверенности. Не редки были тайные убийства демократических деятелей, офицеров Войска Польского, крестьян и сельскохозяйственных рабочих, делящих помещичьи земли. Народная власть, преодолевая трудности, связанные с возрождением разрушенной страны, с необходимостью военных усилий для освобождения еще оккупированной территории, освоением возвращенных земель, вынуждена была принять навязанную ей реакцией вооруженную борьбу.

«Демократия, которая взяла в свои руки власть 22 июля 1944 г., — говорил Вл. Гомулка, — это не та самая демократия, которая также в ноябре 1918 г. оказалась у власти в Люблине и не сумела ее удержать». На защиту народной власти встали трудящиеся массы, а коммунисты были в первых рядах борьбы с реакцией и контрреволюцией. Одновременно народная власть создавала условия для тех, кто заблуждался, позволяя им выйти из подполья и включиться в процесс строительства новой жизни. Что же касается некоторых руководителей эмиграции, Миколайчика (Стронництво людове) и Станьчика (ППС), то народная власть заявила, что если они искренне хотят служить интересам народа и Польши, то должны прекратить всякое сотрудничество с реакцией и принять участие в строительстве новой демократической Польши.

В соответствии с московским соглашением между представителями демократии в стране и некоторыми руководителями эмиграции было образовано в июне 1945 г. при посредничестве «великой тройки» Правительство национального единства, в состав которого вошло несколько представителей партий, участвовавших в эмигрантском правительстве, во главе с вице-премьером Миколайчиком. Это правительство вскоре было признано Великобританией, Соединенными Штатами и другими капиталистическими государствами. Таким образом, правительство Народной Польши вышло на арену международной политики как единственный, никем не оспариваемый представитель польской нации. Но Миколайчик вошел в состав Правительства национального единства не затем, чтобы вместе с демократическим лагерем строить новую Польшу, а для того, чтобы легально при поддержке вооруженного реакционного подполья захватить государственную власть и восстановить в Польше старый довоенный буржуазно-помещичий строй. С этой целью он создал свою собственную политическую партию Польске стронництво людове, которая стала опорой всех реакционных и контрреволюционных сил в стране. Тактическую игру Миколайчика разоблачил Вл. Гомулка в докладе на варшавском активе ПРП 21 октября 1945 г., заявив: «реакция хотела бы предоставить пану Миколайчику роль троянского коня и только в этой роли она хочет видеть его в Правительстве национального единства и блоке демократических организаций».

Политический курс Миколайчика привел к новой конфронтации сил блока демократических организаций с силами легальной и нелегальной реакции в Польше, которыми руководил Миколайчик. Следует заметить, что именно в этот период особенно усиливается вооруженная бандитская деятельность реакционного подполья. Лидер реакции и оппозиции не сумел сделать должных выводов из поражения на народном референдуме в июне 1946 г. В выборах в Законодательный сейм в январе 1947 г. опора

Миколайчика — Польске стронництво людове — потерпела второе поражение. Вскоре после этого сам Миколайчик нелегально бежал за границу.

Борьба с соединенными силами реакции и оппозицией Миколайчика усилила блок демократических партий, привела к объединению основной части польской нации вокруг программы строительства новой демократической Польши. Победа демократических сил положила начало процессу политической интеграции польской нации. В декабре 1948 г. Польская рабочая партия и Польская социалистическая партия объединились, образовав марксистско-ленинскую Польскую объединенную рабочую партию. Процесс интеграции начался также в крестьянском движении, в результате чего возникла Объединенная крестьянская партия. В состав Демократической партии вошла очищенная от реакционных элементов Партия труда. Демократические организации, признав руководящую роль ПОРП, сегодня составляют основу Фронта национального единства. Благодаря этому могло сложиться морально-политическое единство польской нации — основная предпосылка наших достижений в строительстве социализма.

3

«Демократическая Польша, — говорил в первую годовщину образования ПКНО Вл. Гомулка, — экономически возродится на гораздо более высоком уровне, чем перед войной». Это не были слова, брошенные на ветер, или использованные в агитационных целях избирательной кампании. В них содержалась глубокая вера в справедливость наших идей, в силу рабочего класса и всего польского народа. Каков итог возрождения польской экономики в 25-ю годовщину народной власти в Польше?

Национальный доход, наиболее общий показатель развития народного хозяйства, по сравнению с довоенным уровнем, сегодня выше почти в 4,5 раза. Доля общественного хозяйства в национальном доходе достигает 80%, в 1947 г. она составляла 36,9%. Это означает, что социалистическая экономика стала главным источником национального богатства. В довоенной Польше основным источником национального дохода было сельское хозяйство, его доля в национальном доходе достигала 51%; в настоящее время она уменьшилась до 17%. Это доказывает, что Польша из сельскохозяйственной страны, какой она была в межвоенный период, превратилась в страну современной индустрии. Такой она является сегодня. Распределение национального дохода с учетом будущего страны, предназначение $\frac{1}{3}$ части на капиталовложение, позволило сохранить неослабевающий темп развития всего народного хозяйства.

Основой в создании национального дохода является промышленность, доля которой в нем составляет 55%. Общий объем промышленной продукции по сравнению с довоенным возрос в 14 раз. Это означает, что польская промышленность теперь в течение одного месяца производит больше, чем перед войной за год. Почти 70% промышленной продукции дают вновь построенные или генерально реконструированные предприятия, возникшие за время народной власти. Это ставит польскую промышленность в ряд наиболее молодых индустрий в Европе. При этом принципиальным образом изменилась структура польской промышленности.

Прежде всего была расширена энергетическая и сырьевая база. Добыча каменного угля по сравнению с 1938 г. увеличилась почти в 3,5 раза. За годы буржуазно-помещичьей власти добыча угля по сравнению с 1913 г. упала на 7%. Возросла добыча бурого угля, упавшая в межвоенный период. В 5 раз увеличилась добыча природного газа по сравнению с довоенным периодом. Сегодня Польша является одним из основных производителей серы, и входит в ведущую группу европейских государств по про-

изводству меди. Производство электрической энергии, основанное на собственных энергетических запасах, по сравнению с 1938 г. увеличилось более чем в 11 раз и в 1968 г. составляло 55,5 млрд *квт*. Выплавка стали в 1968 г. достигла 11 млн *т*, превысив довоенный уровень почти в 9 раз. Производство чугуна соответственно возросло почти в 3 раза. На собственной сырьевой и энергетической базе, а также на сырье, получаемом из СССР, развилась польская перерабатывающая промышленность, главным образом машиностроительная и химическая.

Доля машиностроительной промышленности в общей промышленной продукции Народной Польши в настоящее время составляет 30%, а доля химической промышленности — 10%. Появились неизвестные в довоенной Польше отрасли промышленности, такие как: судостроение, моторостроение, строительство турбин большой мощности, машин для горно-добывающей промышленности. Развились также такие современные отрасли промышленности, как электротехника и электроника. Построены новые предприятия по производству минеральных удобрений, средств защиты растений, синтетических волокон и материалов. Получили развитие также отрасли промышленности, удовлетворяющие широкие потребности населения.

По сравнению с довоенным периодом производство хлопчатобумажных тканей увеличилось более чем в 3 раза, шерстяных тканей — почти в 3,5 раза, шелковых — в 6 раз, трикотажных изделий — в 10 раз. Создана современная обувная промышленность, которая производит в год 125 млн пар обуви, что в 8 раз больше, чем до войны. Построены новые предприятия, выпускающие телевизоры, холодильники, пылесосы, полотеры, магнитофоны и т. п. Шагнула вперед промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья, прежде всего мяса, рыбы, молока, растительных жиров; производство мяса промышленного убоя возросло по сравнению с довоенным периодом в 6 раз, сахара в три раза, а добыча морской рыбы увеличилась почти в 31 раз.

Народная Польша смогла осуществить мечту многих поколений поляков о превращении страны в морскую державу. Довоенная Польша не была в состоянии создать морское хозяйство, осуществить лозунг пионеров мореходства «земля кормит — море обогащает». Правда, тоннаж польского торгового флота в 1938 г. составлял 120 тыс. *т* дедвейт, но 54% этого тоннажа приходилось на долю пассажирского флота, служащего для перевозки польских эмигрантов, искавших хлеба, которого им не могла обеспечить родина. Сегодня тоннаж польского морского флота в 15 раз больше, чем в 1938 г., а учитывая только торговый флот — почти в 30 раз. Через польские морские порты проходит 32,3 млн *т* груза, главным образом внешнеторгового.

Существенные изменения произошли за 25 лет в области сельского хозяйства. Урожай зерна в прошлом году достиг 21 *ц с га*, то есть был почти в два раза больше, чем в довоенный период. Количество скота на 100 *га* используемых в сельском хозяйстве угодий в 1967 г. увеличилось по сравнению с 1938 г. на 32%, а поголовье свиней почти в 2,5 раза. Производство мяса на 100 *га* используемых сельскохозяйственных угодий возросло за то же время почти в 3 раза, а молока — более чем в 2 раза. Сельское хозяйство располагает более чем 170 тыс. тракторов с соответствующим комплектом машин. Это означает, что один условный трактор приходится примерно на 100 *га* обрабатываемой земли, а в социалистическом секторе сельского хозяйства на 30 *га*. На 1 *га* возделываемой земли в этом году вносилось 10 *кг* минеральных удобрений в переводе на активное вещество.

Внешний торговый оборот в межвоенный период находился на низком уровне, структура его была исключительно невыгодна для польской эко-

номики. Свыше 90% экспорта в это время составляли топливо, материалы и сырье, продукты сельского хозяйства. Топливо, материалы и сырье (60% экспорта) вывозились, так как не могли быть переработаны на месте. Большая доля в экспорте продуктов сельского хозяйства (30%) была связана прежде всего с низким уровнем потребления в стране. В настоящее время Народная Польша экспортирует свыше 20% своей промышленной продукции. Машины и установки, промышленные товары широкого потребления составляли в 1968 г. 53,2% всего экспорта. В импорте доля этой группы товаров равнялась 41,5%.

Принципиальным образом изменились географические направления польской внешней торговли. В межвоенный период наиболее значительной была торговля с Германией (свыше 23% товарооборота), с Великобританией (14,6%), США (3,9%). Товарооборот довоенной Польши с СССР был минимальным, так же как и с Чехословакией и балканскими государствами. Достаточно сказать, что до войны товарооборот Польши с государствами, которые сегодня входят в европейское социалистическое содружество, не превышал 8% всего товарооборота. В 1968 г. товарооборот Народной Польши с социалистическими государствами составлял 65%, в том числе со странами СЭВ — 61,3%. Торговля с СССР составляет почти 35% всего товарооборота польской внешней торговли, участие Польши в товарообороте СССР — 10%. Внешняя торговля в определенном смысле отражает степень экономических связей между социалистическими странами, главным образом, между странами СЭВ.

Народная Польша от буржуазно-помещичьего правительства унаследовала сильные диспропорции в размещении промышленности. Значительные районы страны, особенно к востоку от Вислы, северо-восточная часть страны, Подкарпатье отставали в экономическом отношении. Народное государство своей политикой капиталовложений решало важную задачу ликвидировать диспропорции в размещении промышленности. В Люблинском воеводстве были построены заводы, производящие грузовики (Люблин), крупный химический комбинат (Пулавы); в Белостокском — текстильные предприятия (Замбров); в Ольштынском — фабрика автомобильных шин. В Плоцке возник большой комбинат петрохимии, в Остроленке — бумажно-целлюлозный комбинат. Был создан Тарнобжежский серный бассейн. В Жешовском воеводстве расширены и модернизированы машиностроительные предприятия. В Кракове построен самый крупный металлургический комбинат им. Ленина, в Турошове создана крупная энергетическая база. В Варшаве вступили в строй комбинат качественных сталей и завод легковых автомобилей. Большие химические комбинаты начали работать в Освенциме, Кендзежине, строятся химические комбинаты в Гданьске, Щецине, Влоцлавке. Большой бассейн по добыче меди функционирует в Легнице. Возникли центры судостроительной промышленности в Гданьске, Гдыне и Щецине. Построены и расширены тысячи промышленных предприятий во всех районах Польши. Благодаря этому уменьшились различия в уровне промышленного развития отдельных воеводств, более рационально стали использоваться резервы рабочей силы, выровнялся уровень жизни населения. Польша от края и до края, в целом и в отдельных районах, возродилась экономически на несравнимо более высоком уровне, чем перед войной.

Польские земли, как известно, в годы последней войны на протяжении более пяти лет подвергались разорению и опустошению гитлеровскими оккупантами; кроме того, они дважды становились районом военных действий. В результате страна понесла огромные людские и материальные потери. В 1939—1945 гг. погибло 22% населения, 38% национального достояния было уничтожено, 19,6 тыс. промышленных предприятий раз-

рушено, то есть почти 66% их общего количества. Железнодорожный транспорт пострадал на 84%. Было уничтожено 162 тыс. жилых домов в городах и 354 тыс. крестьянских дворов. Материальные потери в сельском хозяйстве составили 35% его довоенного объема. Варшава, Вроцлав, Гданьск и многие другие польские города были стерты с лица земли. Сравнив эти разрушения, вызванные войной и гитлеровской оккупацией, и современный уровень польской национальной экономики, можно себе представить невероятные усилия польского народа по восстановлению и развитию экономического потенциала страны. Следует добавить, что в первые годы после освобождения на возвращенные земли было переселено несколько миллионов человек. Трудно в истории человечества, кроме СССР, найти подобные примеры столь быстрого развития экономической жизни после таких разрушений.

Источником «польского экономического чуда» стала вера народа в то, что в условиях социалистического строя он работает только на себя, что результаты его труда не превращаются в груды золота в зарубежных банках, а служат развитию народного хозяйства. Источником успехов польского народа является братская помощь первой страны социализма — СССР, которую она оказала при строительстве около 200 важных ключевых объектов польской промышленности, а также поставками в кредит машин, промышленного оборудования и сырья. Источником развития польского народного хозяйства является братское сотрудничество и взаимная помощь стран социалистического содружества.

4

«Польша, которую мы строим,— говорил Вл. Гомулка в первую годовщину ПКНО,— экономически возродится быстрее других стран, менее разрушенных, чем Польша». Эти слова Вл. Гомулка сказал сразу после окончания войны, когда еще дымились военные пожарища, лежали в руинах сожженные города, были разрушены фабрики, когда вся страна представляла собою страшное кладбище войны. После 25 лет социалистического строительства в Польше можно подвести его итог и сравнить с развитием некоторых западных государств, достигших высокого уровня развития в межвоенный период и испытавших тяготы войны в меньшей степени. Это будет не только доказательством того, что социалистическая Польша ликвидирует оставленную ей историей многовековую отсталость, но одновременно и убедительным примером преимуществ социалистического строя перед капиталистическим.

Систематически растет участие Польши в мировом промышленном производстве. По сравнению с довоенным периодом (а ведь мир идет вперед в своем развитии) доля Польши в мировом производстве электроэнергии возросла с 0,9% в 1938 г. до 1,3% в 1967 г., благодаря чему по производству электрической энергии Польша заняла 12-е место в мире. В мировой добыче каменного угля доля Польши увеличилась с 3,1% в 1938 г. до 5,9% в 1967. В этой области она занимает пятое место в мире. До войны Польша не добывала бурого угля, а в 1967 г. ее доля в мировой добыче этого сырья составляла 3,3% (девятое место в мире). В мировом производстве стали Польша увеличила свою долю с 1,3% в 1938 г. до 2,1% в 1967 г., сейчас она находится на девятом месте в мире. Перед войной Польша не строила судов, теперь уже ряд лет она числится в первой десятке государств, строящих океанские суда. В производстве многих основных промышленных товаров Польша сегодня входит в первую десятку промышленных стран мира. Можно со всей ответственностью заявить, что в течение последних 25 лет Народная Польша заняла достойное место в ряду промышленно развитых стран мира.

Более адекватным будет сравнение промышленной продукции, приходящейся на душу населения, так как трудно сравнивать экономический потенциал Польши с потенциалом стран, имеющих большую территорию и большее население. В 1938 г. производство электрической энергии на душу населения во всем мире было почти в 2 раза больше, чем в Польше, а в 1967 г. Польша производила уже 1605 *квт*, когда среднее мировое производство равнялось 1058 *квт*. Выплавка стали на душу населения в 1938 г. в мире была больше, чем в Польше, на 49%, а в 1967 г. в Польше была в 2,3 раза больше мировой. Соответственные показатели производства серной кислоты в 1938 г. были 5,2 *кг*, в мире — 7,7 *кг*; в 1967 г. в Польше — 38 *кг*, во всем мире — 22 *кг*. И еще последнее, чтобы не обременять цифрами, — в 1938 г. Польша производила 38 *кг* цемента на душу населения, в 1967 г. — 349 *кг*; мировое производство соответственно — 39 и 137 *кг*.

Экономисты подсчитали, что по количеству промышленной продукции на душу населения Польша отставала от Англии на 71 год, от Франции — на 47 лет. В 1950 г. это время сократилось не на много; по отношению к Англии оно составляло 69 лет, к Франции — 37 лет. Показатели 1967 г. отделяли уже Польшу от Англии только на 17 лет, а от Франции — только на 7. Можно с удовлетворением отметить, что новая польская пятилетка 1971—1975 гг. сведет это различие к минимуму и есть основания надеяться, что ликвидирует его вообще. Такое предположение подтверждается темпом роста польской промышленности, выпуск которой в 1968 г. по сравнению с 1967 г. увеличился на 9,3%.

Какие общие выводы мы можем сделать из проведенных сопоставлений? Социалистический строй в Польше позволил направить соответствующие средства на развитие отраслей, имеющих решающее значение для ее экономического развития в целом. Капиталовложения, особенно капиталоемкие, будут в ближайшие годы в значительно большей степени, чем до последнего времени, влиять на дальнейшее развитие народного хозяйства. Социалистическая система высвободила небывалую энергию трудящихся масс, укрепила их сознание в том, что они работают для себя, для страны, во имя будущего грядущих поколений. Подобными успехами могут гордиться все социалистические страны. Если экономические потенциалы социалистических государств будут еще теснее связаны в рамках СЭВ, наш полный успех в экономическом соревновании с капиталистическим миром будет гарантирован.

«Новая возрожденная Польша, — говорил Вл. Гомулка в июле 1945 г., не будет посылать своих детей на чужбину за хлебом». Говоря об этой печальной странице из прошлого польского народа, Вл. Гомулка имел в виду отношение господствующих классов к трудящимся массам, массовую безработицу в городе и деревне, десятки тысяч людей, ежегодно покидающих родной край в поисках куска хлеба, сезонных рабочих, отправляющихся на заработки в Германию. Новая возрождающаяся Польша хотела быть настоящей матерью для всех своих детей, независимо от их происхождения, расы и вероисповедания. Этим объясняются первые призывы к тем, кто покинул родину, вернуться и отдать свои силы для восстановления разрушенной страны. На этот призыв тысячи шахтеров вернулись из Франции в Польшу. Из-за океана возвращались те, для кого родина не перестала быть родной матерью.

Народная Польша не теоретически, а на практике, ввела в жизнь принцип: право на труд для каждого гражданина. Сегодня в социалистической Польше нет проблемы безработицы, есть только проблема нехватки рабочих рук. Число работающих в Польше в прошлом году достигло 10 млн чел., вне сельского хозяйства было занято 92,2%. По сравнению с довоенным периодом принципиально изменилась структура трудо-

вой занятости. Работающие в промышленности в 1968 г. составляли 42% всех занятых в народном хозяйстве, в то время как до войны их численность едва достигала 29,7%. В довоенной структуре занятости 70,3% составляли работающие в сельском хозяйстве. Народная Польша, ликвидировав ужасы безработицы, тяготевшие над городом и деревней в межвоенный период, создала условия для полного обеспечения работой всех граждан. Достаточно сказать, что на новых предприятиях, построенных в Народной Польше, работает 60% всех занятых в промышленности. Это привело к значительным изменениям в структуре населения, в уровне его жизни, образовании, в культуре быта и т. п.: городское население теперь составляет 51,2% всего населения, в то время как до войны — только 27%.

До войны Польша была одной из европейских стран со значительным количеством неграмотных. Не умеющих читать и писать насчитывалось 5,5 млн чел. К этому добавлялся еще 1 млн лиц, умеющих лишь читать, большая часть из них — только богослужебные книги. Правящие круги Польши не были заинтересованы во всеобщем образовании населения. Последние реформы в области начального образования, проведенные за несколько лет до войны, еще более ухудшили положение с народным образованием: над трудящимися массами навис призрак почти всеобщей неграмотности. Народная Польша полностью ликвидировала неграмотность, ввела 8-летнее обязательное обучение, создала систему профессионального образования. В настоящее время 86% выпускников начальных школ продолжают учебу. Почти вся молодежь учится в средней школе. Высшие учебные заведения в довоенной Польше существовали только для избранных. За все 20 лет ее существования их окончило только 83 тыс. учащихся. В юбилейный 25-й год ПНР высшие учебные заведения кончат полмиллиона человек. Народная Польша стала страной просвещенных и образованных людей.

Всеобщее образование создает условия для распространения и развития культуры. Лозунг — «культура в массы» не может быть реализован в условиях неграмотности. Поэтому в межвоенный период достижениями национальной и общечеловеческой культуры могли пользоваться только немногие. В довоенный период ежегодный тираж книг и брошюр составлял 29,2 млн. В прошлом году было выпущено 116,2 млн экз., т. е. в 5,5 раза больше, чем в межвоенный период. Общий тираж газет и журналов в прошлом году достиг 2,8 млрд экз. Это означает, что на каждого гражданина страны приходится 63 экз. газет и 18 экз. журналов. Сеть библиотек в настоящее время насчитывает 50,5 тыс., а в довоенный период их было 34,3 тыс. Количество книг в книгохранилищах теперь почти в 16,5 раза больше, чем в довоенной Польше. Число зрителей, посещающих театры, эстрадные представления и цирки, в 1967 г. было в 6 раз больше, чем до войны. К этому следует добавить широкий охват населения сетью радио и телевидения. Так лозунг «культура в массы» стал в Народной Польше реальной действительностью.

Наряду с подъемом общей культуры повышался жизненный уровень населения. Потребление мяса и жиров на душу населения увеличилось почти в 3 раза, молока — на 50%, яиц — на 60%. Потребление хлопчатобумажных тканей возросло более чем в 2 раза, шерстяных — в 2,5 раза, шелковых — почти в 6,5 раза. Следует заметить, что средние данные для межвоенного периода из-за значительного разрыва потребления не давали реальной картины жизни трудящихся масс. Только в условиях народной власти потребление основных товаров стало в принципе равномерным. Значительно улучшились жилищные условия. Число лиц, приходящихся на одну комнату, уменьшилось с 2,68 в межвоенном периоде до 1,5 в 1967 г.

В программной декларации ПРП в ноябре 1943 г. в разделе под знаменательным названием «Не может быть свободной та нация, которая угнетает другие» были изложены принципы внешней политики польской демократии после изгнания оккупантов из страны. «Не войны, — гласит декларация, — а дружбы и сотрудничества с братскими славянскими народами, граничащими с нами на востоке, требует и ищет польский народ». Эти слова были сказаны в то время, когда польская реакция в стране и за границей развязала дикую шовинистическую антисоветскую кампанию. Эта кампания велась с целью порабощения земель, этнографически непольских, «вопреки праву наций на самоопределение, с целью установления господства польских кресовых зубров и польской реакции над украинским и белорусским народами». Эта безумная, бессмысленная и губительная магнатско-шляхетская политика противоречила национальным интересам Польши, интересам трудящихся масс. Она привела к утрате этнографически польских земель на западе, к подавлению польского национального восстания в Силезии, стала причиной того, что был проигран плебисцит в Вармии и на Мазурах. Она бросила Польшу в объятия западных держав, которые называли ее «твердыней христианства», говорили, что она находится на переднем крае «санитарного кордона», а в действительности рассматривали как пешку на шахматном поле своих политических комбинаций. Ждать пришлось недолго. Сентябрь 1939 г. показал, что предостережения польских коммунистов были обоснованными. Польша осталась один на один с Германией, а западные союзники не спешили с обещанной помощью. Борьба за физическое сохранение нации в долгие годы гитлеровской оккупации позволила целиком рассчитывать с прошлым, с политикой имущих классов, которая неоднократно в нашей истории приводила к национальным катастрофам. Из трагических уроков истории польский народ сделал продуманные и последовательные выводы, направленные на принципиальные изменения в польской внешней политике.

В основе польской внешней политики, базирующейся на национальном историческом опыте, должны лежать братское сотрудничество и союз с Советским Союзом, первым социалистическим государством, нашим великим восточным соседом. Пришло время, когда национальные интересы Польши слились с классовыми интересами трудящихся масс. Нужны были долгие годы тяжкого опыта, чтобы все поняли, что польские революционеры, боровшиеся на баррикадах Великого Октября, защищавшие Советскую власть от контрреволюционных банд, выступавшие против нападения Пилсудского на Страну Советов, боролись за свободную и независимую Польшу. Такова была диалектика истории, которую, чтобы понять, надо пережить. Эту диалектику хорошо понимали польские коммунисты, они разъясняли эту истину народу, несмотря на расстрелы и тюрьмы. В тяжелые годы оккупации смысл диалектики истории доходил до сознания все более широких масс населения.

В польских партизанских отрядах сражались многие советские люди, в советских партизанских отрядах боролось много поляков, создавались совместные польско-советские партизанские отряды. 1-я дивизия им. Тадеуша Костюшки была сформирована в СССР, она вступила в борьбу на советской земле, плечом к плечу с солдатами Красной Армии. Союз наших братских народов вырос на поле битвы, скреплен совместно пролитой кровью в борьбе за освобождение советских земель, за свободу польского народа. Братство, рожденное на полях сражений, длительная и прекрасная традиция борьбы польских, русских, украинских, белорусских и

литовских революционеров, общность идейных и политических целей сделали наш союз прочным, вечным и нерушимым. Благодаря этому Польша смогла возродиться как свободная и независимая страна в старых исторических границах. Только благодаря союзу с СССР Польша возвратила старые пястовские земли, захваченные алчным немецким милитаризмом и фашизмом.

Союз с СССР Народная Польша сделала краеугольным камнем своей внешней политики. В этом союзе польский народ видит не только залог своей безопасности и независимого существования. Он является основой развития и расцвета Польской Народной Республики.

Благодаря ему Польша заняла достойное место на международной арене. Польско-советский союз и братское сотрудничество наших государств и народов имеет существенное значение для единства всех социалистических стран. Единство социалистических государств является фундаментом единства международного коммунистического и рабочего движения. Сознавая эту истину, во имя победы социализма во всем мире действуют и будут действовать польские коммунисты и весь наш народ. Почти 100 лет назад Людвик Варыньский, руководитель первой марксистской партии в Польше, сказал знаменательные слова: «Наша родина — это весь мир... Мы не представляем ни враждебных себе государств, ни народов. Мы земляки, члены одной великой народности, „более несчастной, чем Польша, народности пролетариев“. Знамя этого народа — это наше знамя, его интересы — это наши интересы, его победа всегда будет нашей победой». Данное Варыньским определение интернационализма всегда было ведущей идеей польских революционеров и осталось такой и в наши дни.

Народная Польша оказалась в очень благоприятном положении. Она окружена социалистическими государствами, и ее границы — это границы мира. Нас соединяют узы дружбы с братской социалистической Чехословакией, сердечные отношения с первым государством немецких рабочих и крестьян — Германской Демократической Республикой. Народная Польша связана союзами и братским сотрудничеством с другими социалистическими государствами. Что нас всегда беспокоит — это возрождение милитаристских и реваншистских сил в Федеративной Республике Германии. Там возрождается дух Бисмарка, фридрихов и вильгельмов, там появляется дух Гитлера. Теперь они рядятся в другие одежды, одевают другие маски, иными словами выражают свое кредо, но их цель и программа остались теми же, без всяких изменений. Они все больше стремятся вычеркнуть из памяти поражение гитлеровского рейха, возродить мощь немецкого милитаризма и империализма, чтобы уготовить миру новую кровавую бойню.

Мы должны быть бдительны по отношению к возрождающемуся немецкому милитаризму, который составляет главную империалистическую силу в Европе. Опыт учит, что империализм всегда представляет потенциальную опасность войны. Он действует явно и скрыто. До последнего времени американские самолеты бомбардировали города и села ДРВ, они продолжают сеять смерть и разрушение в Южном Вьетнаме. Не без поддержки со стороны США израильские агрессоры продолжают провокации на линии прекращения огня на Ближнем Востоке. Империализм ищет уязвимые места в социалистической системе, чтобы развалить ее изнутри. Стратегии и тактике сил империализма следует противопоставить единство социалистических государств, их совместные действия. Такова основная концепция внешней политики ПНР. Варшавский договор — это щит социалистических государств; сотрудничество в рамках СЭВ — основа развития их экономического и военного потенциала.

А. КЛЕВАНСКИЙ

В. И. ЛЕНИН И БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

Создание революционной партии рабочего класса в каждой стране — многосторонний и сложный процесс, ход которого обусловлен целым рядом обстоятельств международного, национального, политического, экономического, идеологического и культурного развития. В. И. Ленин указывал, что, проделывая везде однородную подготовку к победе над буржуазией, рабочее движение каждой страны совершает это *по-своему*. Нужно, учил он, применять основные принципы коммунизма, *правильно видоизменяя их в частностях*, применительно к национальным особенностям каждой страны, сообразно оригинальным чертам ее экономики, политики, культуры, национального состава. Ленин призывал бороться с шаблоном, механическим выравниванием в тактике, в правилах борьбы, исследовать, изучать, отыскивать, угадывать, схватывать конкретное, специфическое в подходах к разрешению одной, общей интернациональной задачи, к победе над оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабочего движения, к свержению буржуазии, к установлению диктатуры пролетариата¹. Компартии большинства европейских стран возникли в результате раскола старых социал-демократических партий — раскола, явившегося результатом того, что во время войны лидеры этих партий изменили интересам пролетариата, а после войны, вступив в коалицию с буржуазией, проводили трусливую, соглашательскую политику. Таким образом, носителями раскола и раздробления рабочего движения явились правоопортунистические и центристские элементы старой социал-демократии, а носителями объединения пролетариата на почве борьбы за его интересы стали молодые коммунистические партии.

Октябрьская социалистическая революция в России послужила мощным катализатором в развитии борьбы пролетариата против строя, установленного в только что возникшей буржуазной Чехословацкой республике. В годы послевоенного революционного подъема рабочий класс добился восьмичасового рабочего дня, признания прав профсоюзных организаций на предприятиях, заключения коллективных договоров, улучшения социального страхования, повышения заработной платы и осуществления ряда других экономических требований. Он отстаивал свободу слова, печати, собраний и организаций, энергично используя оружие стачки против всякой попытки нарушения его демократических прав.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77.

Однако сила натиска пробудившегося к активной политической жизни более чем трехмиллионного рабочего класса республики была ослаблена существовавшей еще со времен австро-венгерской монархии разобщенностью его рядов по партийной, профсоюзной и национальной принадлежности. Организационная раздробленность рабочего движения и идейный разброд, порожденный оппортунизмом, разъедавшим рабочее движение еще задолго до войны, в полной мере сказались теперь, в годы, когда после войны и русской революции зашатались основы капиталистического строя.

Восстановление национальной государственности, происшедшее в результате буржуазно-демократической революции, гегемоном которой явилась национальная буржуазия, объективно способствовало распространению националистических и конституционных иллюзий в широких слоях народа. Распространению буржуазно-националистической идеологии всемерно содействовало оппортунистическое руководство чехословацкой социал-демократической партии, выдвигавшее как главный аргумент для оправдания политики коалиции с буржуазией возможность утраты добытой в тяжелой борьбе национальной независимости.

Правые лидеры социал-демократии пытались убедить рабочих, что ныне главная и первоочередная задача — укрепить республику, ибо эта республика якобы «полусоциалистическая». Рабочий класс, утверждали они, может добиться социальной справедливости только путем сотрудничества с буржуазными партиями. Проповедуя теорию классового мира, искажая историю борьбы за национальную независимость, лживо изображая национальную буржуазию носительницей идеалов суверенитета и демократии, правые социал-демократические лидеры пытались затормозить развитие революционной активности пролетариата.

Ход и решения первого после образования республики, XII съезда социал-демократической партии наглядно подтвердили это. В центре выступлений большинства лидеров стоял тезис — «Все силы на упрочение республики». Они призывали все действия партии в будущем подчинить этому «высшему» интересу. Оппортунистическое руководство партии сознательно проводило эту националистическую линию, а большинство делегатов съезда еще не понимало основного положения революционного марксизма, что *безусловная* обязанность для марксиста отстаивать самый последовательный демократизм во всех частях национального вопроса — задача, — как указывал В. И. Ленин, — главным образом, отрицательная. А дальше ее идти в поддержке национализма пролетариат не может, ибо дальше начинается „позитивная“ (положительная) деятельность *буржуазии*, стремящейся к *укреплению* национализма»². Выступления представителей левого революционного меньшинства на съезде не могли выправить его общей оппортунистической линии, однако они показывали, что в рядах социал-демократии начинается неизбежная кристаллизация революционной оппозиции оппортунистическому руководству.

XII съезд партии не дал рабочему классу Чехословакии ни ясной оценки сложившейся обстановки, ни революционной программы действия. Однако под воздействием внутренних объективных условий послевоенного развития неизбежно обострялась классовая борьба в республике. Рост забастовочного движения, голодные волнения в начале 1919 г. были первыми признаками начинающегося освобождения широких трудящихся масс от националистического угара и демократических иллюзий.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 132.

«Хотя у нас есть 8-часовой рабочий день, — с горечью замечал известный чехословацкий поэт Йозеф Гора, — однако остальные 16 часов есть время подумать о том, чего у нас нет»³. Тяжелое положение народных масс, недовольство коалиционной политикой толкало передовые элементы чехословацкого рабочего класса к поискам действенных путей для претворения в жизнь социалистических идеалов. Обстановка в стране и в мире настоятельно диктовала необходимость идейно-политического и организационного размежевания действительных революционеров-интернационалистов с оппортунистическими, националистическими элементами. Революционные силы выделяются и консолидируются в чехословацкой социалистической партии, в молодежном и женском движении, в организациях легионеров, в среде студенчества и интеллигенции и, что важнее всего, во всех национальных социал-демократических и профсоюзных организациях республики. Основным центром, вокруг которого шло объединение всего истинно революционного, что было в чехословацком рабочем классе и народе, стало левое революционное крыло чехословацкой социал-демократической партии, а пропагандистом революционных идей — начавший выходить с февраля 1919 г. в Праге еженедельник «Социальный демократ» — «газета для воспитания классового сознания рабочих», как гласил его подзаголовок.

Важную роль в идейном развитии и объединении революционных сил сыграли чехословацкие коммунисты, вернувшиеся на родину из Советской России. В горниле пролетарской революции и гражданской войны в России, в ожесточенных классовых битвах, равных которым не знала история, процесс освобождения заброшенных сюда судьбой чешских и словацких пролетариев от реформистических и националистических предрассудков шел неизмеримо быстрее и интенсивнее. Поставив перед собой цель — перенести «революционный факел, зажженный русским пролетариатом», на родину, чехословацкие революционеры в России уже в мае 1918 г. объединились в рядах Чехословацкой коммунистической секции РКП(б), чтобы, как гласило принятое московским съездом обращение к «Русским товарищам», «защитить вашу и поддержать нашу революцию»⁴. Возвращавшиеся на родину из Советской России чехословацкие интернационалисты явились горячими пропагандистами революционных идей, перед которыми оказались бессильны государственные границы, буржуазная юстиция и полицейские дубинки. Обогащенные опытом русской революции, гражданской войны, государственного, военного и партийного строительства — сотни чехословацких коммунистов вливались в ряды тех, кто, по образному выражению Богумира Шмерала, квасил революционное тесто в Чехословацкой республике.

Идеологическому росту и организационному укреплению левых элементов в чехословацком рабочем движении содействовали обострение революционного кризиса в Европе, пролетарская революция в Словакии, совершенная при братской помощи венгерского рабочего класса, и создание III Коммунистического Интернационала, явившееся поворотным пунктом в развитии международного рабочего движения.

Коминтерн считал своей первой задачей разъяснение исторического значения, необходимости и закономерности новой, пролетарской демократии — диктатуры пролетариата, привлечение авангарда международного рабочего класса под ее знамя, создание коммунистических партий, объединение и укрепление национальных отрядов всемирной армии коммуни-

³ «Akademie», č. 12. Praha, 1920, s. 600.

⁴ «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 6.

стов. Это требовало полной идейной и политической победы над оппортунизмом и социал-шовинизмом, решительного организационного разрыва с реформистами. Солидаризируясь с идейно-организационными принципами Коминтерна, чехословацкие коммунисты в России призывали своих товарищей на родине к борьбе за претворение этих принципов в жизнь. В политической резолюции, принятой на конференции в марте 1919 г. в Москве, они приветствовали «достижение национальной самостоятельности чехословацких земель», но одновременно отмечали, что «этой независимостью требования социалистического пролетариата Чехии не были удовлетворены ни в коей мере, и, если он желает быть действительно свободным, то должен добиться всего того, чего с помощью диктатуры пролетариата добился революционный пролетариат Советской России». Это, заявляла резолюция, можно достичь лишь в ожесточенной классовой борьбе с собственной буржуазией, разоблачая предательство социал-демократических и национал-социалистических ее защитников. Создание Коммунистической партии и широкая пропаганда ее идей — сейчас важнейшая задача, подчеркивали чехословацкие коммунисты⁵.

Первый конгресс Коминтерна, провозгласивший на весь мир принципы коммунистов, послужил мощным стимулом к освобождению передовых элементов чехословацкого рабочего класса от реформистской и националистической идеологии, способствовал выработке ими самостоятельной революционной тактики и организационному самоопределению. На II и III конгрессах Коминтерна перед пролетарским авангардом во весь рост была поставлена вторая историческая задача — задача завоевания масс для победы революции. Для достижения этой цели требовалось решительное преодоление ошибок левого доктринерства, опасных сектантских тенденций внутри коммунистического движения, серьезно затруднявших переход широких масс трудящихся и эксплуатируемых на сторону коммунизма.

Документы этих конгрессов, выступления В. И. Ленина, личные контакты с ним помогли чехословацким революционерам на основе общих идейных и организационных принципов революционной борьбы выработать применительно к условиям своей страны правильную тактическую линию создания массовой пролетарской партии нового типа.

Следует отметить, что в конце 1918 — начале 1919 г. отдельные представители левых социал-демократов и социалистов, а вначале и чехословацкие коммунисты, вернувшиеся из России, решительно высказывались за выход революционных элементов из социал-демократической и социалистической партий и создание самостоятельной, пока хотя бы небольшой, коммунистической партии. Но в условиях Чехословакии, где значительная часть рабочего класса была политически организована, немедленное создание партии, противопоставляющей себя массовой и влиятельной социал-демократии, могло бы привести к изоляции коммунистического авангарда, превращению его в узкую секту.

В. И. Ленин, указывая на необходимость учета специфики рабочего движения каждой страны при выработке революционной тактики, давал такого рода советы и лично чехословацким коммунистам. По свидетельству А. Муны, председателя ЦИК Чехословацкой коммунистической секции РКП (б), В. И. Ленин, беседуя с ним в середине ноября 1918 г. перед его отъездом на родину, прямо и недвусмысленно предостерегал от простого копирования тактики русских коммунистов и подчеркивал, что следует принимать во внимание конкретные условия, существующие в Цент-

⁵ «Průkopník svobody», 9 III 1919.

ральной Европе вообще и в Чехословакии в частности ⁶. И чехословацкие коммунисты, вернувшись на родину, руководствуясь этими ленинскими указаниями, пришли к выводу о необходимости отказаться от своего первоначального намерения. Они учли, что несмотря на рост недовольства оппортунистической политикой руководства чехословацкой социал-демократической партии оно продолжало пользоваться доверием и оказывало влияние на значительную часть организованных рабочих. Они учли также, что внутри социал-демократии существовала тогда реальная возможность для агитации и пропаганды коммунистических взглядов, для критики оппортунистов и центристов. Поэтому коммунисты приняли решение вступить в ряды социал-демократии. Объединившись с левыми социал-демократами, они создали мощную революционную фракцию в недрах партии. В декабре 1919 г. произошло организационное оформление революционного крыла чехословацкой социал-демократии — «марксистской левой», — как временного объединения, ставившего своей целью возвращение всей партии на позиции революционного марксизма. С момента своего создания «марксистская левая», существовавшая как политическое течение внутри чехословацкой социал-демократии, стала действительным выразителем настроений большинства организованного рабочего класса республики. В ее деятельности нашли свое отражение как сильные, так и слабые стороны чехословацкого рабочего движения тех лет. Полные революционного энтузиазма, горячей веры в силу рабочего движения и неминуемую победу социализма, левые стремились к коренному изменению политического курса партии, но при этом они еще находились под серьезным влиянием теории стихийности, недооценивали руководящую роль партии в боевой организации масс. Для них была характерна недооценка крестьянского вопроса, ошибки в национальном вопросе; часть из них еще далеко не полностью отрешилась от оппортунистического груза и потому нередко была непоследовательна в борьбе против оппортунистического крыла партии, против центристов и верила в возможность «путем товарищеской критики» убедить лидеров в ошибочности их политики. Наряду с этим в «марксистской левой», а особенно в немецкой левой социал-демократии и среди бывших анархо-коммунистов были левацкие тенденции, проявлявшиеся в пренебрежении к парламентским методам борьбы, нежелании и неумении анализировать реальную обстановку, вести кропотливую и трудную повседневную работу по собиранию и сплочению революционных сил.

Величайшим подспорьем для чехословацких революционеров в борьбе за партию нового типа, массовую революционную партию, явилось знакомство с работами В. И. Ленина, широкое распространение которых в Чехословакии началось именно в эти первые послевоенные годы. Естественно, что первые переводы работ В. И. Ленина на чешский и словацкий языки предприняли чехословацкие коммунисты в России. В январе-феврале 1919 г. выходявшая в Москве газета «Прукопник свободы» опубликовала письмо В. И. Ленина «Рабочим Европы и Америки» ⁷. Одновременно появилось сообщение о подготовке к печати ленинских книг «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и «Государство и революция» ⁸.

⁶ «Velezrádný proces kladenský, podrobný a přehledný obraz přelíčení se 14 obžalovanými komunisty před šestičlenným vyjimečným senátem v Praze ve dnech 31. března — 13. dubna 1921». Praha, 1921, s. 17.

⁷ «Průkopník svobody», 27 I, 7 II 1919.

⁸ Там же, 28 II, 9 III 1919. В отчете о деятельности ЦИК Чехословацкой секции РКП(б) за сентябрь — декабрь 1919 г. сообщалось о выходе в свет этих ленинских работ, при этом указывалось, что книга «Государство и революция» издана тиражом в 10 000 экз. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, д. 275, л. 15.

В середине мая заменившая «Прукопник свободы» газета «Правда» начинает публикацию тезисов В. И. Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата⁹. В начале 1920 г. были переведены и нелегально переправлены в Чехословакию с возвращавшимися на родину коммунистами статьи В. И. Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», «Задачи пролетариата в нашей революции» и некоторые другие¹⁰.

Почти одновременно предпринял переводы трудов В. И. Ленина на чешский язык «Рабочий кружок» — революционная организация чехословацких эмигрантов в Чикаго, издавая в серии «Социалистическая библиотека» в 1919 г. брошюру «Советы за работой», в которую вошли статьи В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» и «Главная задача наших дней»¹¹. В 1920 г. в этой серии под общим названием «Новый тип власти» были опубликованы три другие работы Ленина — «Задачи пролетариата в нашей революции», «Один из коренных вопросов революции» и «Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата»¹². В изданную в том же году в Чикаго брошюру «Третий Интернационал» вошли ленинские статьи «Третий Интернационал и его место в истории» и «Условия приема в Коммунистический Интернационал»¹³. Еще более широкое ознакомление передовой чехословацкой общественности с ленинскими работами началось тогда, когда их систематически стали публиковать газеты и журналы левых социал-демократов и социалистов.

В марте 1919 г. кладненская «Свобода» опубликовала на своих страницах изложение работы В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский». В феврале «Свобода», а в мае брненский «Дельнички денник» печатают отрывки из ленинской книги «Государство и революция». В мае сокращенный перевод первой главы книги публикует журнал анархо-коммунистов «Червень». В октябре книгу систематически печатает пражский «Социální демократ». Осенью же газеты левых социал-демократов и социалистов опубликовали тезисы и доклад В. И. Ленина о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре. В 1920 г. полный перевод книги «Государство и революция» выходит в издательствах «Червень» и «Социální демократ». Одновременно «Социální демократ» выпускает отдельной брошюрой «Великий почин». «Свобода», «Ровность», «Форвертс», «Червень» и другие центральные и местные газеты левых печатают статьи Ленина о Коммунистическом Интернационале, его выступления на конгрессах, а также обширные выдержки из книги «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме». С работами Ленина общественность Чехословакии знакомилась не только в переводах на чешский язык, но и на словацком, немецком, венгерском и польском языках. «Только ленинизм, — всиоминал позднее К. Готвальд, — открыл глаза сотням тысяч социал-демократических рабочих. Я еще сегодня вспоминаю, что творилось во мне, когда я читал первую ленинскую книгу. Это была книга „Государство и революция“. Она была для меня откровением. Мне как будто открыли глаза и сразу же стало ясно многое, около чего я ходил долгие годы, как слепой»¹⁴. «Статьи и книги Ленина воздействовали тогда на нас, — писал руководитель немецких левых социал-демократов в Чехословакии К. Крей-

⁹ «Pravda», 17 V 1919.

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, д. 86, л. 8 об.

¹¹ N. L e n i n. Sověty při dile. Mezinárodní postavení Ruské Sovětské republiky a základní problémy revoluce. Chicago, Illinois, Dělnický kroužek, 1919.

¹² N. L e n i n. Nový typ vlády. Všechna moc sovětům. These. Chicago, Illinois, 1920.

¹³ N. L e n i n. Třetí Internacionála. Chicago, Illinois, 1920.

¹⁴ K. G o t t w a l d. Spisy, sv. VI, s. 75.

бих,— как в молодости первое чтение сочинений Маркса и Энгельса. Для нас как бы еще раз возродился революционный марксизм»¹⁵.

Так в Чехословакии, как и во всей Западной Европе, начинался тот, по определению В. И. Ленина, «трудный, медленный, мучительный переход» от желания быть революционным и от разговоров о революции к действительной революционной работе¹⁶. Этот переход лучших элементов чехословацкого рабочего класса под революционное знамя марксизма-ленинизма проходил медленно и трудно еще и потому, что, как отмечал В. И. Ленин, «в Западной Европе почти нет людей, переживших скольнибудь крупные революции; опыт великих революций там почти совершенно забыт...»¹⁷. Именно поэтому В. И. Ленин всемерно использовал каждую возможность, чтобы поделиться с товарищами из братских партий опытом русских революций, обобщенным большевиками опытом международного революционного движения.

В марте 1920 г. в Москву приехал один из самых авторитетных руководителей «марксистской левой» Б. Шмераль. Он был одним из немногих видных деятелей II Интернационала, после Октябрьской революции искренне порвавших с оппортунистическим прошлым и решительно выступивших против реформизма и национализма, разьедавших чехословацкое рабочее движение после войны.

В беседах с руководителями Коминтерна и РКП(б) Б. Шмераль высказал глубокое убеждение в том, что в нынешней революционной обстановке пролетариат обязан выдвинуть и осуществить свои великие цели. Однако именно преданность этим целям и идеалам заставила Б. Шмерала искренне сомневаться, не будет ли его имя, на котором лежит печать прошлой деятельности, служить лишним препятствием в борьбе за их осуществление. Шмераль откровенно говорил, что его часто мучили сомнения, найдет ли он в решительные минуты достаточно мужества, не подведет ли? Именно потому приехал он в Россию, «чтобы непосредственным соприкосновением с русской революцией еще раз проверить самого себя, укрепить твердость своего убеждения, усилить свою отвагу»¹⁸.

В. И. Ленин, внимательно следивший за развитием революционного движения в Чехословацкой республике, использовавший малейшую возможность, чтобы получить наиболее полную и объективную информацию о положении в стране, в рабочем движении, в партии и ее руководстве, для того чтобы товарищеским советом, принципиальной критикой, ободряющим словом помочь чехословацким революционерам, дважды беседовал с Б. Шмералем. «Его интересовал,— вспоминал позднее Б. Шмераль,— каждый самый маленький факт, который я могу ему сообщить о положении и настроениях в Чехословакии и в средней Европе». В первой беседе (5 мая 1920 г.) В. И. Ленина больше всего занимал национальный вопрос в республике, ибо, как заявил он Б. Шмералу, положение в чехословацком рабочем движении очень сложно именно вследствие того, что путь к объединению чешского и немецкого пролетариата крайне затрудняется всем предшествующим развитием. «Вы должны,— настаивал он,— добиться того, чтобы чешский и немецкий пролетариат как можно скорее очутился у вас в одном фронте. Если бы этого не случилось, классовая борьба проходила бы у вас в более болезненных формах». Подчеркнув значение борьбы за национальную независимость, Ленин в то же время отметил, что в современную эпоху эта борьба будет все более приобретать

¹⁵ «Rudé právo», 24 I 1928.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 90.

¹⁷ Там же.

¹⁸ B. Š m e r a l. Pravda o sovětovém Rusku. Praha, 1920, s. 25; «Rudé právo», 5. 11 III 1924.

характер борьбы антиимпериалистической, ибо практика жизни скоро покажет целым нациям обманчивость формального осуществления принципа национального самоопределения. «Во всех вновь созданных малых государствах, — отметил В. И. Ленин, — и в колониях трудящиеся увидят на практике, как недостаточно и для нации в целом освобождение только политическое». Вместе с тем В. И. Ленин предупреждал Б. Шмерала, что с предрассудками мелкой буржуазии, ее национальным эгоизмом, ее национальной ограниченностью придется считаться и тогда, когда между чешским и немецким пролетариатом недоверие будет уже преодолено.

21 мая во время второй беседы, проходившей в кремлевской квартире В. И. Ленина, он уже подробно говорил с Б. Шмералем о создании Коммунистической партии в Чехословакии. В. И. Ленин поддержал чехословацких левых социал-демократов в избранной ими, в соответствии с условиями своей страны, с своеобразными обстоятельствами развития рабочего движения, тактике пропаганды принципов III Интернационала в недрах старой партии с тем, чтобы, не теряя связи с основной массой организованных рабочих, создать массовую революционную партию нового типа¹⁹. Двухмесячное пребывание в Советской России стало поистине переломным для всей последующей политической деятельности Б. Шмерала. «Я пришел из другого мира, — писал он в вышедшей в том же году книге „Правда о Советской России“, — пришел другим человеком. То, что делается в России, огромно, головокругительно, благородно, разумно, необходимо, непреодолимо...»²⁰. Нет никакого сомнения в том, что именно теперь ленинизм начинает завоевывать на свою сторону лучших представителей чехословацкого рабочего движения. «Марксистская левая», как справедливо отмечают чехословацкие исследователи, со второй половины 1920 г. делает решительный шаг вперед от пропаганды общих принципов коммунизма и критики политики старого партийного руководства к разработке конкретной программы, стратегии и тактики борьбы пролетариата за власть в республике.

Рост влияния левых в чешской, словацкой, немецкой и в других социал-демократических партиях и организациях республики был тесно связан с развитием революционных выступлений народа, боровшегося за улучшение экономического положения, проведение национализации и аграрной реформы, против антисоветской интервенционистской политики держав Антанты, за установление дружеских отношений с Советской Россией.

Усиление революционного движения в Европе — в Германии, Австрии, Италии, Румынии, героический поход Красной Армии к стенам Варшавы и Львова, поход, вызвавший, по определению В. И. Ленина, неслыханный международный политический кризис²¹, — все это в совокупности содействовало тому, что создавались благоприятные условия для дальнейших наступательных действий чехословацкого пролетариата. Обострение классовых противоречий в стране стало источником дальнейшей активизации борьбы внутри социал-демократии. Показателем роста влияния «марксистской левой» явились выборы делегатов на очередной XIII съезд партии. Левые получили преобладающее число голосов в Брненском, Кладненском, Оломоуцком, Годовинском, Пардубицком краях, а также в Словакии и Закарпатской Украине. Две трети местных партийных организаций высказались за их программу. В целом можно утверждать, что основная масса членов социал-демократической партии шла за левы-

¹⁹ В. Шмерал. Ibid., s. 214; Б. Шмераль. Из дневника «Воспоминания о Ленине», т. 2. М., 1957, стр. 518—520.

²⁰ В. Шмерал. Ibid., s. 3.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 325.

ми или сочувствовала им. Интересно в этом отношении свидетельство такого внимательного наблюдателя, как З. Неедлы; «за левыми идут рабочие массы, — писал он, — за правыми же — незначительная часть партийной бюрократии. Я познакомился со значительной частью Чехии и Моравии и везде, поскольку речь шла о рабочих, я видел только левых; „правый“ является буквально белой вороной. Собственно вся масса социал-демократии сегодня „является левой“²².

В этой обстановке правое руководство предприняло решительные шаги для того, чтобы расколоть партию, ибо видело в этом единственную возможность предотвратить переход основной массы ее членов на позиции революционного марксизма. Решением президиума партии, в котором правые имели большинство, съезд партии был отсрочен, были назначены новые выборы делегатов, а сторонникам Коминтерна было фактически запрещено принимать в них участие. Но это была поистине «пиррова победа» оппортунистов. Выступив инициаторами раскола, правые показали свою слабость и растерянность. Так под знаком победы левых в борьбе за партийные массы шел к своему логическому завершению процесс размежевания революционеров и реформистов, естественный и необходимый, ибо, как образно выразился один чехословацкий коммунист в письме к своему товарищу, не могла далее существовать единая партия, представители одного крыла которой сидели в Граде (в правительстве), а другого — в Панкраце (в тюрьме)²³.

Вопреки стараниям оказавшегося изолированным правого руководства, съезд партии состоялся в назначенный срок и закрепил успех левого, революционного, большинства. Съезд решительно отверг политику коалиции с буржуазией, подчеркнул, что гарантией действительной независимости республики является только победа рабочего класса и установление его диктатуры. Съезд поддержал принципы III Интернационала и предложил вновь избранному Исполкому подготовить вступление партии в Коминтерн. Был поставлен вопрос об изменении названия партии, но возобладало мнение «адвокатов», утверждавших, что смена названия партии лишит ее юридических прав на партийное имущество²⁴. Представители немецкой, венгерской и польской левой социал-демократии выразили на съезде готовность объединиться с чешскими и словацкими революционерами. Однако, ссылаясь на существовавшие еще националистические настроения среди чешских и словацких рабочих, большинство съезда сочло, что время для организационного слияния отдельных революционных национальных групп социал-демократии еще не настало. Это, в частности, свидетельствовало о том, что среди руководства «марксистской левой» еще не было должного понимания того, что победить национализм можно, лишь открыто противопоставив ему знамя пролетарского интернационализма. Осудив раскольническую деятельность правых лидеров, съезд, однако, не положил окончательной организационной грани между оппортунистами и революционерами-марксистами. «В рамках нашей партии, — говорилось в обращении съезда ко всем социал-демократам республики, — достаточно места для всяких взглядов и направлений».

После съезда в республике фактически действовали две партии со своими руководящими центрами, печатными органами, различными программами и тактическими принципами, однако процесс размежевания в чехословацкой социал-демократии еще далеко не закончился.

Расколом социал-демократической партии и изменением международной обстановки к концу 1920 г. (некоторое ослабление революционного

²² Z d. Nejedly. O lidovou republiku, d. I. Praha, 1948, s. 143.

²³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 335, л. 41 об.

²⁴ А. З а п о т ц к и й. Красное зарево над Кладно. М., 1954, стр. 331.

движения в Европе, разгул белого террора в ряде соседних с Чехословакией стран, начало периода известного равновесия классовых сил, борющихся в международном масштабе) воспользовались господствующие классы Чехословакии и правые оппортунисты для перехода в наступление. Призыв на помощь буржуазную юстицию, правые раскольники попытались отобрать у левых приобретенный на средства рядовых членов партии Народный дом в Праге. Это была сознательная провокация, имевшая целью вызвать выступление революционного пролетариата в неблагоприятных для него условиях. В ответ на захват полицией Народного дома Исполком левых призвал рабочих начать всеобщую стачку протеста. Декабрьская политическая забастовка, охватившая более 800 000 промышленных и сельскохозяйственных рабочих страны, сопровождавшаяся местами вооруженными столкновениями бастующих с правительственными войсками, ввергла в панику буржуазию и ее правительство. Однако левое руководство не сумело ни определить наилучших форм движения, ни дать ему наиболее действенные конкретные лозунги. Оно не сумело решить самую трудную, по определению В. И. Ленина, но и самую основную задачу: соединить борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, подчинив первую второй. Декабрьская забастовка, окончившаяся поражением трудящихся, показала, что «марксистская левая» несмотря на большие заслуги перед чехословацким рабочим классом, еще не является партией идеологически достаточно зрелой, а политически и организационно сплоченной и подготовленной, чтобы организовать и возглавить победоносный социалистический переворот. Декабрьские события ускорили процесс создания Коммунистической партии Чехословакии.

В январе 1921 г. на съезде в городе Любохне левые социал-демократы Словакии и Закарпатской Украины заявили о согласии с принципами Коммунистического Интернационала и приняли все условия вступления в него. В феврале чешская, словацкая и немецкая революционная молодежь объединилась в Союзе коммунистической молодежи Чехословакии.

В марте в Либереце на съезде немецких левых социал-демократов была создана временная немецкая секция Коммунистической партии Чехословакии и принято решение о вступлении в III Интернационал. Совершая этот важный шаг, немецкие коммунисты Чехословакии сознавали, что в конце концов успех революционной борьбы в республике будет зависеть от такого же шага левых чешских и словацких социал-демократов и высказали свое согласие с мнением Исполкома Коминтерна, который в приветствии съезду немецких левых заявил, что не скрывает того, что с большей радостью приветствовал бы инициативу создания единой Коммунистической партии в Чехословакии, если бы она исходила из рядов чешских и словацких рабочих, ибо с международной точки зрения «... в массах чешских и словацких рабочих лежит не только центр тяжести революции в Чехословакии, но и центр тяжести революции во всей юго-восточной Европе, а с точки зрения внутренней было бы для дальнейшей борьбы полезней, чтобы инициатива исходила из рядов рабочего класса господствующей нации»²⁵.

Первоначально учредительный съезд Чехословацкой коммунистической партии было намечено созвать в конце марта 1921 г. Однако по инициативе брненской организации «марксистской левой», обосновывавшей свое предложение тем, что съезд еще недостаточно идейно, технически и организационно подготовлен, руководство партии приняло решение отложить его созыв до середины мая. Это решение стало поводом для острой полемики, развернувшейся на страницах левой партийной печати,

²⁵ «Založení komunistické strany Československa». Praha, 1954, s. 96.

главным образом между руководящей группой «марксистской левой» во главе с Б. Шмералем и немецкими коммунистами, группировавшимися вокруг К. Крейбиха и выходившей в Либереце газеты «Форвертс». К. Крейбих и его товарищи, как и некоторые руководящие работники Коминтерна, считали, что медлительность и осторожность Шмерала и его единомышленников не только препятствуют уже назревшему созданию КПЧ, но и тормозят развитие революционного процесса во всей Центральной Европе. Как позднее засвидетельствовал с трибуны учредительного съезда Крейбих, Зиновьев прямо заявил во время личной встречи, что следит за политикой Б. Шмерала с величайшим недоверием²⁶. Дальнейшее развитие событий показало, что эти суждения оказались в значительной степени преувеличенными, в частности из-за не всегда объективной информации, исходившей, по характеристике В. И. Ленина, от «слегка левого крыла», имевшегося в либерекской организации немецких коммунистов.

Состоявшийся 14—16 мая 1921 г. в Праге учредительный съезд, 569 делегатов которого представляли 350 000 чешских, словацких, венгерских и украинских членов партии, единодушно принял решение о переименовании партии в Коммунистическую и о вступлении в Коммунистический Интернационал. Однако вновь из-за опасения, что немедленное объединение с немецкими коммунистами оттолкнет от партии многих чешских социал-демократов, не освободившихся еще от националистических предрассудков, считая и само немецкое движение недостаточно подготовленным для этого, съезд не принял решения об объединении и создании единой партии.

К лету 1921 г. новая обстановка, складывавшаяся в мире, определилась еще более отчетливо.

Революционные выступления пролетариата во всех странах, кроме Советской России, потерпели временное поражение. Буржуазии удалось замедлить темп развития мирового революционного процесса. Опыт выступлений пролетариата ряда европейских стран, в том числе и Чехословакии, диктовал необходимость выработки соответствующих новым условиям тактических приемов борьбы и организационных принципов деятельности молодых коммунистических партий.

Эти задачи был призван решить III конгресс Коминтерна. Нет ничего удивительного, что положение в Чехословакии и ее коммунистическом движении, наряду с германским и итальянским вопросами, привлекло самое пристальное внимание как участников подготовительных заседаний узкого и расширенного Исполкома Коминтерна, так и самого конгресса. В работе конгресса от Чехословакии приняла участие делегация, состоявшая из 29 представителей КПЧ, немецкой коммунистической секции и коммунистической молодежи. В составе чехословацкой делегации, приехавшей в Москву, первоначально не было Б. Шмерала. Ссылаясь на послание Зиновьева французским коммунистам, в котором он вкупе с Серрати и Леви, был охарактеризован как оппортунист, Шмераль попросил Исполком партии освободить его от участия в конгрессе²⁷. При обсуждении чехословацкого вопроса на предварительном заседании Исполкома Коминтерна «левые» из чехословацкой делегации при прямой и косвенной поддержке Зиновьева, Бухарина, Радека, а также сторонников левацкой «теории наступления» из германской, итальянской и венгерской делегаций сосредоточили свою критику главным образом на Б. Шмерале, характеризуя его тактику как оппортунистическую и полуцентристскую. Б. Шмерала упрекали в непоследовательности, колебаниях, излишней

²⁶ «Protokoly sjezdů KSČ», sv. I. Praha, 1958, s. 193.

²⁷ «Příspevky k dějinám KSČ», 1966, č. 6, s. 866—867.

осторожности, а в конце концов и в противодействии созданию централизованной интернациональной Коммунистической партии Чехословакии.

Когда обстановка стала особенно напряженной (большинство чехословацкой делегации заявило, что если критика действительных и мнимых ошибок Шмерала будет и далее вестись в том же духе, то они вынуждены будут взять обратно просьбу о приеме партии в Коминтерн), В. И. Ленин решительно вмешался в дискуссию. По его личному настоянию Б. Шмераль был приглашен в Москву, чтобы принять участие в работе конгресса еще до того, как чехословацкий вопрос будет обсуждаться в комиссии по тактике.

В. И. Ленин, внимательно познакомившись с изложением доклада Б. Шмерала на майском съезде и комментарием К. Крейбиха к нему, опубликованным в либерецком «Форвертсе», попросил у Крейбиха во время личной встречи полный текст доклада в переводе на немецкий язык²⁸. Одновременно В. И. Ленин тщательно изучил и другие материалы майского съезда, опубликованные в чешских и немецких коммунистических газетах²⁹. Разысканный текст машинописного перевода доклада Б. Шмерала на русский язык с пометками В. И. Ленина позволил существенно дополнить наше представление о позиции, занятой Лениным по важнейшим проблемам, обсуждавшимся на конгрессе, и, в частности, по чехословацкому вопросу.

В. И. Ленин выразил согласие с той оценкой изменений в международной обстановке, которую дал Б. Шмераль в своем докладе, с необходимостью в промышленно развитой стране борьбы за создание массовой коммунистической партии, особенно в период спада революционной волны, установкой на упорную и терпеливую работу по привлечению на сторону революции широких слоев трудящихся — рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. В. И. Ленин поддержал Б. Шмерала и в его оценке путчизма, опасности неподготовленных выступлений.

В то же время В. И. Ленин поставил под сомнение утверждение Б. Шмерала о неготовности немецких коммунистов к объединению с чешскими. Не согласился В. И. Ленин и с замечанием Б. Шмерала о возможности оставления в партии людей, высказывающих несогласие с ее взглядами или сомневающимися в правильности отдельных условий приема в Коммунистический Интернационал³⁰.

Во время личной беседы с К. Крейбихом В. И. Ленин решительно заявил, что возражения против якобы чересчур осторожной политики Б. Шмерала не выдерживают критики. «...Коммунистический политик, — подчеркнул В. И. Ленин, — тем более если он стоит во главе массовой партии, обязан действовать осторожно»³¹.

На пленарном заседании конгресса В. И. Ленин категорически отвел и высмеял наскоки «левых» на Б. Шмерала и его сторонников, которые добившись создания массовой партии, ставили своей целью дальнейшую борьбу за большинство рабочего класса республики³². Вместе с тем в выступлениях на заседаниях комиссии по тактике перед представителями немецкой, польской, чехословацкой, венгерской и итальянской делегаций В. И. Ленин серьезно поправил Б. Шмерала в его толковании смысла и сущности координации революционных выступлений. Настаивая на необходимости координации действий пролетариата и его партий в странах Центральной Европы (например, Германии, Чехословакии и Италии),

²⁸ «Ленинский сборник», т. XXXVI. М., 1959, стр. 311.

²⁹ Там же, стр. 288—289.

³⁰ «Přispěvky k dějinám KSC», 1961, č. 2, s. 227—230.

³¹ «Novořili s Leninem». Praha, 1960, s. 37; «Přispěvky k dějinám KSC», 1960, č. 1, s. 99.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 26.

В. И. Ленин предупреждал, что координация и взаимодействие предусматривают не выжидание, а лучшее, более всеобщее и более быстрое подражание хорошим образцам. «Теория, — говорил В. И. Ленин, — что мы совершим революцию, но только после того, как выступят другие, — в корне ошибочна». В. И. Ленин откровенно признал, что его серьезно тревожит, «... действительно ли в Чехословакии дело также дойдет до подготовки наступления или дело ограничится разговорами о трудностях», о которых так много говорили в своих выступлениях Б. Шмераль и некоторые другие чехословацкие делегаты³³.

Для того чтобы найти правильную линию, В. И. Ленин рекомендовал руководящей группе чехословацких коммунистов во главе с Б. Шмералем сделать три шага влево, а немецким коммунистам во главе с К. Крейбихом — шаг вправо, в сторону массовой партии³⁴.

Решительное вмешательство В. И. Ленина в ход и характер обсуждения чехословацкого вопроса на III конгрессе Коминтерна, категорическое осуждение им тех, кто готов был вольно или невольно превратить в спорт борьбу с центризмом и тем самым скомпрометировать революционный марксизм, позволили конгрессу принять решения, которые помогли компартии Чехословакии начать решительную борьбу и против левацких тенденций и против рецидивов центризма. По предложению В. И. Ленина в тезисах конгресса по вопросу о тактике было решено не упоминать имя Б. Шмерала, ибо борьба велась не против него лично, а против полуцентристских тенденций в партии. Одновременно В. И. Ленин предложил Исполкому или Комиссии по тактике составить «подробное письмо к чешской партии с деловой, точной, с цитатами критикой того, что неверно в позиции Шмерала и в чем должны быть осторожнее редакторы Reichenberger, „Vorwärts“»³⁵.

III конгресс Коминтерна принял решение о принятии КПЧ в свои ряды с условием, что в ближайшее время будет создана централизованная, интернациональная Коммунистическая партия Чехословакии.

30 октября 1921 г. в Смихове собрался Объединительный съезд КПЧ, где полностью объединились все коммунистические национальные организации республики. «Представители чешского, словацкого, немецкого, польского, венгерского и украинского пролетариата, — говорилось в резолюции съезда, — собравшись на совместный объединительный съезд, приветствуют решение III конгресса Коммунистического Интернационала, который высказал пожелание о том, чтобы была создана единая интернациональная Коммунистическая партия Чехословакии. Мы готовы провести объединение с тем большим энтузиазмом, что пожелание III конгресса Коминтерна находится в полном согласии с волей пролетариата всех наций нашего государства»³⁶.

Объединение всех революционных сил Чехословацкой республики в составе единой, интернациональной Коммунистической партии, являвшейся одной из самых массовых партий Коммунистического Интернационала, открыло новый период в истории чехословацкого рабочего движения. В борьбе за чистоту марксистско-ленинского учения, с одной стороны, и за творческое применение его основных принципов к чехословацким условиям — с другой, в борьбе с оппортунизмом и центристскими рецидивами, в борьбе с левацкими тенденциями и ультралевым сектантством выковывалось идейное единство партии — основа ее силы, залог ее успехов.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 61.

³⁴ Там же, стр. 60.

³⁵ Там же, стр. 55.

³⁶ «Založení Komunistické strany Československa». Praha, 1954, s. 143.

Р. П. ГРИШИНА

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ БКП в 1929—1934 гг.

В мае 1919 г. состоялся съезд Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов), на котором партия была преобразована в Болгарскую коммунистическую партию. Соучредительница Коммунистического Интернационала, она внесла немалый вклад в теорию и практику международного коммунистического и рабочего движения. Творчески применяя основные положения марксизма-ленинизма, преодолевая большие трудности объективного и субъективного характера, БКП стала признанным руководителем болгарского народа. Под ее руководством болгарский народ добился национального и социального освобождения и ныне успешно строит социалистическое общество.

В настоящей статье мы хотим осветить только некоторые вопросы издательской, пропагандистской и теоретической деятельности БКП в годы мирового экономического кризиса. Характерными чертами политической ситуации в Болгарии в эти годы были, с одной стороны, подъем рабочего движения, начавшийся еще в 1928 г. и достигший своей кульминационной точки в 1932 г., а с другой, ожесточенная борьба в лагере буржуазии. В 1931 г. под напором борьбы трудящихся, в результате парламентских выборов правящая партия «Демократический сговор» потеряла власть и таким образом был прорван фронт фашистской диктатуры. Новое правительство «Народного блока» было коалицией нескольких буржуазных и мелкобуржуазных, нефашистских, партий. Хотя оно унаследовало ряд черт прежнего фашистского режима, открыто фашистские партии и организации перешли в оппозицию. В мае 1934 г. был произведен военно-фашистский переворот и у власти оказалось правительство К. Георгиева, объективно проложившее путь к открытой монархо-фашистской диктатуре.

Экономический кризис, явившийся тяжелым испытанием для всего народа, и обострение классово-борьбы сопровождались усилением реакционной буржуазной пропаганды.

Одним из основных объектов нападок буржуазной пропаганды, как и прежде, оставался Советский Союз. В годы экономического кризиса и подъема движения трудящихся в Болгарии успехи хозяйственной политики партии большевиков и выполнение первого пятилетнего плана вызвали особую ярость болгарской буржуазии. Наряду с непрерывной клеветой на советскую действительность была организована продолжавшаяся несколько месяцев большая кампания в связи с так называемым советским демпингом. Организаторы и участники ее пытались доказать, будто торговая политика Советского Союза, его мнимый демпинг на ми-

ровом рынке были одной из причин тяжелого кризиса, поразившего Болгарию¹.

Экономический кризис был поводом не только для антисоветских кампаний, но и для интенсивной пропаганды буржуазных взглядов на его происхождение и характер. Антикризисные меры правительства, обсуждение возможности выхода из кризиса при сохранении буржуазного строя в парламенте, на страницах печати, различных собраниях, лекциях — все это не могло не привлекать внимания простых людей, более всех ощущавших удары кризиса.

С другой стороны, для буржуазной болгарской мысли начала 30-х годов был характерен интерес к теории и практике итальянского и немецкого фашизма, муссирование проблемы «диктатура — демократия» применительно к болгарским условиям, разработка идеологических принципов болгарского фашизма и пропаганда их. В ряде изданий рекламировались гитлеровские расистские идеи. Еще более широкие размеры приобрела пропаганда итальянского фашистского опыта. Борьба в лагере буржуазии привела в мае 1932 г. к расколу партии «Демократический стовор» и организационному оформлению так называемого «Национально-социального движения» во главе с фашистом А. Цанковым. При всей расплывчатости программы этой партии проповедь классового мира, национализма и национального единства, «свободы» труда и т. п. стала играть все более важную роль в арсенале средств реакционной буржуазной пропаганды.

Вскоре появилось еще несколько откровенно фашистских организаций: в мае 1932 г. возникла «Национал-социалистическая болгарская рабочая партия» гитлеровского типа, в сентябре 1932 г. — «Национальная фашистская задруга», весной 1933 г. был создан «Союз молодежных национальных легионов». В организационном отношении они были слабы и немногочисленны, но каждая из них располагала своим печатным органом и другими средствами для пропаганды.

Разумеется, Болгарской коммунистической партии в ее повседневной борьбе пришлось столкнуться не только с указанными направлениями буржуазной пропаганды, но и с более широким кругом вопросов теоретического и практического характера. Коммунисты должны были противопоставить буржуазной пропаганде свою классовую, марксистско-ленинскую позицию и не только помешать широкому распространению буржуазной идеологии, но и добиться расширения и углубления своего собственного идеологического влияния.

Между тем 1929—1935 гг. были одним из самых трудных периодов в жизни подпольной БКП: в руководстве ее утвердились левосектантские элементы. Ошибки при определении политики и тактики партии, в проведении массовой работы и др. нанесли большой вред самой партии, развитию болгарского рабочего движения. Но и в эти годы благодаря деятельности марксистско-ленинского ядра в партии, БКП достигла немалых успехов².

Главным оружием коммунистов в борьбе с буржуазной пропагандой была печать. Помимо газет и журналов, выходивших подпольно («Работнически вестник», «Комунистическо знаме» и др.), БКП сумела создать целую сеть легальных периодических изданий. Газеты «Работническо

¹ См. В а с и л е в. Антисъветските кампании в България и борбата на демократичните сили за тяхното разобличаване (1930—1931). В сб.: «Октомврийската революция и българо-съветската дружба». София, 1967.

² «История на Българската комунистическа партия». София, 1967, стр. 152—153.

дело» (орган ЦК легальной Рабочей партии), «Работничка», «Единство», молодежные «Младежка дума», «Младежка искра» (орган ЦК Рабочего молодежного союза) и «Млад работник» пользовались большой популярностью среди рабочих. Тираж их был различным в разные годы, но некоторые цифры весьма показательны. Так, тираж наиболее преследуемой властями газеты «Работническо дело» вырос с 4 тыс. экз. в 1927 г. до 13 тыс. в 1932 г.³ «Работничка» в 1931 г. выходила тиражом 5 тыс. экз. Меньшим был тираж центральной профсоюзной газеты «Единство» (3 тыс. экз. в 1929 г.⁴), но наряду с ней выходило, хотя и нерегулярно, с большими перерывами, еще около 15 отраслевых газет: «Кожаро-обушар» (1500 экз.), «Металороботник», «Текстилен работник», «Дърводелски работник» и др.

Условия издания этих газет были очень трудными, хотя они и считались легальными; власти подвергали их постоянным преследованиям. В августе 1929 г. подряд было конфисковано девять номеров «Работническо дело», в августе — сентябре того же года было арестовано 4 редактора газеты по обвинению в нарушении Закона об охране государства. Из 15 номеров газеты «Единство», изданных с августа по декабрь 1929 г., только шесть были разрешены полицией⁵. Гонения на рабочую печать привели к тому, что в 1930 г. вышло всего три номера газеты «Работническо дело», а «Единство» стала выходить только раз в месяц.

Преследование рабочей печати продолжалось и при правительстве «Народного блока». 24 января 1933 г. «Работническо дело» сообщало, что ни один из шести номеров газеты, вышедших с начала нового года, не был разрешен властями. Постоянные конфискации наносили и большой материальный ущерб, ибо полиция запрещала номер уже после того, как весь тираж был отпечатан.

Редакторы рабочих газет, как правило, работали недолго, каждого из них ждала тюрьма. В 30-е годы в Софийской центральной тюрьме существовала «редакторская колония» из нескольких десятков человек⁶. Чтобы не ставить под удар политически грамотных людей, способных действительно осуществлять редакторские функции, болгарские коммунисты прибегали к помощи самоотверженных рабочих, фиктивно выступавших в качестве редактора газеты для обеспечения ее регулярного выхода. Такими были обувщик Владимир Борисов, варненский рабочий Деню Владев, строитель Никола Петров, инвалид войны Георги Кынев и многие другие⁷.

Рабочие газеты играли важную роль в классовом воспитании пролетариата, в разоблачении буржуазной идеологии. В них публиковались директивные статьи ЦК Рабочей партии, профсоюзов, Рабочего молодежного союза, являвшихся проводниками линии подпольной БКП, освещался опыт болгарского и международного рабочего движения, анализировались стачки и другие выступления рабочих. Хотя в материалах печати в той или иной мере отражались левосектантские тенденции, в целом она во многом способствовала формированию революционного мировоззрения масс. Трудности издания рабочих газет заставили коммунистов искать новые, более гибкие формы работы. С февраля 1930 г. был организован выпуск газеты «Ехо». Фактически она была органом ЦК Рабочей партии, формально же считалась независимо-информационной. Линия партии проводилась в этой газете в более завуалированной форме, в ней не помещались директивные материалы ЦК Рабочей партии. Вскоре «Ехо»

³ «Работническо дело», 14 II 1932; I III 1952.

⁴ «Единство», 7 II 1929.

⁵ «Работническо дело», 21 VIII, 19 и 28 IX 1929; «Единство», 7 XII 1929.

⁶ «Работническо дело», 24 I 1933; А. Б о я д ж и е в. Борби и победи. София, 1959, стр. 98.

⁷ «Работническо дело», 2 и 6 III 1952.

превратилось в одну из самых популярных газет, ее ежедневный тираж составлял в 1931 г. 17 тыс. экз.

Для общего представления о размахе деятельности БКП по изданию периодики можно привести такие цифры: в 1931 г. в стране выходили рабочие газеты, журналы, бюллетени 42-х названий, их недельный тираж достигал 250 тыс. экз.⁸ В связи с этим фашистский лидер А. Цанков с раздражением говорил в парламенте: «Уже год, как болгарский большевизм в наступлении. 42 печатных издания! Кто из нас имеет больше одной газеты, больше одного печатного издания. Брошюры, газеты, листовки, литературные листы — масса изданий, — я не говорю о средствах, — выпускается и заливает болгарскую интеллигенцию, болгарский народ»⁹.

БКП уделяла большое внимание налаживанию агитационной работы и улучшению издательской деятельности. В циркуляре ЦК Рабочей партии от 12 февраля 1932 г. рекомендовалось создать при каждом окружном и районном комитете партии специальную комиссию по агитации¹⁰. Вопросы партийной печати обсуждались на II пленуме ЦК Рабочей партии в марте 1932 г. Отмечая достижения в этой области, пленум указывал, что партийная печать еще не вполне справляется с поставленными перед ней задачами, страдает монотонностью, недостаточно освещает некоторые партийные вопросы, ограничивается общей их постановкой¹¹.

Рабочая печать была единственным источником правдивой информации об СССР. На страницах газет и журналов «Работническо дело», «Единство», «Наковалня», «Работнически литературен фронт», «Жупел» и других систематически печатались материалы о строительстве новой жизни в Советском Союзе, раскрывавшие существо миролюбивой внешней политики Советского государства, разоблачавшие буржуазные вымыслы в отношении СССР. В газете «Ехо» существовал специальный раздел, в котором освещалась жизнь Советского Союза.

Для популяризации социалистического строительства в СССР БКП сумела организовать специальную еженедельную газету «Поглед». Она стала выходить с июня 1930 г. Иллюстрированная фотографиями советских заводов, новой техники, а также советских людей — создателей нового общества, газета наглядно пропагандировала прогресс Советского Союза за годы пятилетки. «Поглед» пользовался очень большой популярностью среди болгарских читателей, его тираж достигал 20 тыс. экз. — недостижимый идеал для других прогрессивных еженедельников¹².

Издания БКП подчеркивали значение интернационального долга рабочих, необходимость защиты первого социалистического государства. Характерен в этом отношении первомайский номер журнала «Жупел» за 1931 г. Обложка его была весьма символична: между СССР, изображенным строем фабрик и заводов, над которыми развевается красное знамя с надписью СССР, и миром империалистов, представленным в виде пушек и штыков, нацеленных на СССР, — демонстрация рабочих капиталистических стран, несущих транспаранты с лозунгами: «Война империалистической войне», «Руки прочь от Советского Союза». Такая агитация была действенной, она способствовала воспитанию чувства международной солидарности у рабочих.

⁸ «Коммунистическият Интернационал перед VII Всемирным конгресом», М., 1935, стр. 331.

⁹ «Степографски дневници на XXIII Обикновено Народно събрание», II ред. сесия., кн. 1. София, 1932, стр. 114.

¹⁰ «Работническа партия в България. Сборник от документи и материали». София, 1966, стр. 306.

¹¹ Там же, стр. 314.

¹² Ц. Стефанов. Комунистическият и антифашистският печат през времето на фашистката диктатура в България. София, 1960, стр. 165.

Одновременно болгарские коммунисты вели большую работу по изданию книг и брошюр. План выпуска изданий составлялся Комитетом по печати при отделе агитации и пропаганды ЦК БКП¹³, руководителем которого в эти годы был Жак Натан, ныне академик, крупный экономист и историк.

Книги и брошюры издавались подпольно в сериях «Сърп и чук», «Коммунистическо знаме», «Червено знаме», легальным путем при редакциях «Ехо», «Поглед» и др. Кроме того, было создано несколько издательств, являвшихся формально частновладельческими. Так, вернувшийся в 1932 г. из Советского Союза известный пропагандист марксизма-ленинизма Георгий Бакалов по решению ЦК БКП стал владельцем журнала «Звезда». Этот журнал сыграл важную роль в распространении ленинских идей. В 1933—1934 гг. Г. Бакалов издал ряд собственных и переводных произведений.

Другое такое издательство «Нов свят» было основано Стояном Стоименовым весной 1932 г. Начав свою деятельность как скромный книжный магазин, «Нов свят» вскоре превратился в издательство и стал важным центром распространения советской литературы в стране¹⁴.

Важнейшей задачей партийных издательств был выпуск теоретических трудов классиков марксизма-ленинизма. В 1930 г. была опубликована первая книга 1 тома «Капитала» К. Маркса в переводе Д. Благоева, под редакцией крупного болгарского философа Тодора Павлова. В 1932 г. появилось общедоступное издание «Капитала», предпринятое Г. Бакаловым. Из произведений Ф. Энгельса были опубликованы «Диалектика природы» (1931), «Анти-Дюринг» (1932), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1932).

Большое внимание уделялось изданию трудов В. И. Ленина. В 1929 г. в журнале «Наковалня» была опубликована статья В. И. Ленина «Лучше меньше, да лучше», в 1930 г. вышла такая крупная работа как «Материализм и эмпириокритицизм». В 1932—1934 гг. была издана книга «Империализм как высшая стадия капитализма», речь «Задачи союзов молодежи», произнесенная В. И. Лениным 2 октября 1920 г., книга «Что делать?» и некоторые другие. В журнале «Звезда» только с августа 1933 г. по июнь 1934 г. был опубликован ряд оригинальных ленинских работ: «О „демократии“ и диктатуре», «О брошюре Юниуса», «1 мая». Кроме того, издавались тематические сборники: «Ленин о религии (статьи и письма)» (1932), «Аграрно-крестьянский вопрос» (1933), включавший произведения К. Маркса и В. И. Ленина, сборник работ В. И. Ленина под названием «Борьба марксизма с ревизионизмом и оппортунизмом» (1934). С идеями марксизма-ленинизма знакомили и такие издания, как книги П. Лафарга «Личные воспоминания о Марксе и Энгельсе» (1933), Е. Ярославского «Ленинизм и религия» (1933), В. Сорина «Биография В. И. Ленина» (1933). Часть трудов классиков марксизма-ленинизма выходила в те годы под псевдонимами, но некоторые увидели свет под их собственным именем.

В это трудное время болгарские коммунисты занимались и самостоятельной разработкой марксистской теории, ряда вопросов философии, исторического материализма. Особенно большой вклад в это дело внес Т. Павлов, написавший в 1929 г. работу «Идеализм и материализм», а в 1930 г. большой труд «Ремкеанство и материализм». Эти и другие работы

¹³ Ж. Натан. Спомен за издаването на съветска литература в България през 30-те години. В кн.: «Съветската литература в България», т. II. София, 1964, стр. 161; П. Цанев. Марксистско-ленинската книга през периода на фашистката диктатура. 1923—1944. София, 1965, стр. 53.

¹⁴ Ж. Натан. Там же, стр. 163; С. Стоименов. Страници из техния живот. В сб. «В борба с фашизма», София, 1966, стр. 264 и др.

Т. Павлова сыграли важную роль в распространении и утверждении марксистско-ленинской теории в Болгарии¹⁵.

Другой видный философ — Сава Гановский в эти годы исследовал ряд важных вопросов диалектического и исторического материализма и истории философии. В 1934 г. вышла его монография «Основные направления в философии». Т. Павлов, С. Гановски и другие теоретики были активными пропагандистами марксистско-ленинской философии, постоянно общались с массами, вели большую и ответственную партийную работу. С. Гановски редактировал легальные партийные журналы «Народна просвета», «Работнически литературен фронт» и др. Входил он и в редакцию бакаловского журнала «Звезда». Т. Павлов участвовал, например, в издании газеты «Работническо дело». В одном из номеров этой газеты сообщалось о лекции Т. Павлова, посвященной проблемам материализма и материалистического познания, она предназначалась для широкой публики¹⁶.

Рассматривая с марксистских позиций современное положение страны, коммунисты показывали несостоятельность концепций буржуазных идеологов. Так, буржуазному тезису о том, что кризис в Болгарии — явление случайное и только отражение мирового экономического кризиса, марксисты противопоставили единственно правильное понимание этого вопроса: главная, хотя и не единственная, причина кризиса заключалась в закономерностях послевоенного капиталистического развития страны. В этом отношении большое значение имела опубликованная в ноябре 1930 г. в теоретическом журнале ЦК БКП «Комунистическо знаме» статья В. Коларова «Болгария и мировой экономический кризис». Выяснению причин кризиса 1929 г. способствовала книга В. Ангелова «Экономический кризис» (1929 г.), освещавшая кризисное состояние экономики Болгарии после первой мировой войны. В 1931 г. издательство «Ехо» выпустило книгу Ангелова «Кризис и выход из него», в которой причины и характер кризиса оценивались с марксистских позиций.

В противоположность утверждениям буржуазных идеологов, пытавшихся представить крестьянство как единое целое, коммунисты указывали на усиливающееся классовое расслоение деревни. Резкой отповеди требовала и широко пропагандировавшаяся теория о преимуществах мелкого крестьянского хозяйства перед крупным. Большое значение в связи с этим приобрела популяризация марксистско-ленинского учения по данному вопросу, разъяснение ленинского кооперативного плана и ознакомление с советским опытом по претворению этого плана в жизнь. Этому были посвящены работы Г. И. Маркова «Современное положение сельского хозяйства СССР и капиталистических стран» (1932), М. Ильина «Пять лет, меняющих мир» (о первой советской пятилетке), цветной альбом «СССР строит социализм», выполненный художником А. Жендовым, и многие другие.

Коммунисты разоблачали и буржуазный миф о советском демпинге. В октябре 1930 г. в газете «Ехо» была опубликована работа секретаря ЦК Рабочей партии Петко Напетова «Советский экспорт и мировой экономический кризис». Хотя в этой работе имелись отдельные недостатки¹⁷, в целом она сыграла положительную роль в разъяснении широким массам трудящихся сущности советской торговой политики. Специально этому вопросу были посвящены и беседы, проводившиеся по инициативе Рабочей партии не только в столице, но и в провинции.

¹⁵ М. Д. Бычваров. Из истории борьбы за ленинский этап марксистской философии в Болгарии. «Вопросы философии», 1967, № 12, стр. 67.

¹⁶ «Работническо дело», 11 XI 1929.

¹⁷ Подробнее см.: В. Василев. Там же.

Большое внимание уделили коммунисты и борьбе с фашистской пропагандой. В журнале «Звезда», в повседневной печати Ж. Натан и другие квалифицированные авторы вскрывали сущность фашистского движения вообще и болгарского в частности. Немалое значение для антифашистской пропаганды имела и знаменитая «Коричневая книга», изданная в связи с Лейпцигским процессом и переведенная в Болгарию.

Коммунисты привлекали к борьбе против фашизма передовых общественных деятелей, представителей прогрессивной интеллигенции. Видный ученый-физиолог, общественный деятель и публицист Асен Златаров немало сделал для пропаганды материалистической философии, несмотря на то, что он не всегда был последователен и в объяснении явлений общественной жизни нередко отступал от марксистских позиций. Он часто выступал в коммунистической печати. Ему принадлежало, например, предисловие к книге Е. Либмана «Расовая теория немецких фашистов», изданной в 1933 г. А. Златаров решительно осуждал действия реакционных сил внутри страны и их международных покровителей, выступал против подготовки войны¹⁸.

С разоблачением антидемократического существа фашизма мужественно выступал в эти годы известный писатель Людмил Стоянов. Его травили и преследовали, избивали подосланные хулиганы, но он продолжал свою прогрессивную публицистическую деятельность¹⁹. Большинство писателей было настроено прогрессивно; своей общественно-политической деятельностью и участием в издании антифашистской литературы они оказывали большую помощь коммунистической партии. С другой стороны, коммунисты, стараясь расширить свое идеологическое влияние на интеллигенцию, способствовали созданию ряда прогрессивных обществ, в которых преобладающим было коммунистическое влияние. Так, в 1931 г. были созданы «Союз свободомыслящих», «Общество новых художников», в 1932 г. возник «Союз писателей — борцов и тружеников». Многие члены этих обществ активно участвовали в издательской деятельности БКП. Разнообразная книжная продукция — в большом количестве издавались и художественные произведения советских авторов (М. Горького, И. Эренбурга и др.) — находила активных, интересующихся потребителей. «Читатели жадно поглощали советские книги, и мы с трудом могли удовлетворить их спрос, — вспоминает Ж. Натан. — Так велика была жажда литературы и особенно интерес к советской книге. Отпечатанные книги долго не задерживались в складе»²⁰.

Огромная по условиям того времени издательская, пропагандистская и теоретическая деятельность болгарских коммунистов, хотя и не лишенная определенных недостатков, дала немаловажные результаты. К их числу следует отнести большую приверженность болгарских трудящихся к идеям Болгарской коммунистической партии, к идеям марксизма-ленинизма, сравнительно слабое распространение фашистской идеологии, что сыграло очень важную роль в годы освободительной борьбы болгарского народа и народно-демократической революции. Распространение идейного и политического влияния БКП среди творческой интеллигенции помогло массовому переходу последней на сторону революционного народа и значительно облегчило задачу создания кадров новой социалистической интеллигенции.

¹⁸ См. В. И. З л ы д н е в. Асен Златаров и его общественно-культурная деятельность. Краткие сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР, т. 32, М., 1961, стр. 51.

¹⁹ См. Л. С т о я н о в. Юбилеен сборник. София, 1949, стр. 75—76.

²⁰ Ж. Н а т а н. Там же, стр. 160.

*Т. П. БЛИНОВА, Г. М. СЛАВИН,
М. М. СУМАРОВА*

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЮГОСЛАВИИ

В апреле 1969 г. югославские коммунисты и трудящиеся Социалистической Федеративной Республики Югославии отметили полувековой юбилей Коммунистической партии Югославии (с 1952 г. — Союз коммунистов).

Коммунистическая партия Югославии была создана вскоре после образования единого югославского государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев. В Сербии и югославянских землях Австро-Венгрии, вошедших в состав нового государства, существовали Сербская социал-демократическая партия, Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии, Югославянская социал-демократическая партия (действовавшая в Словении), Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины, Социал-демократическая партия Далмации и социал-демократические организации Бачки, Баната и Бараньи, входившие в Венгерскую социал-демократическую партию. В Черногории и Македонии социал-демократические организации оформились несколько позднее.

Социалистическое движение в Югославии не было единым. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и в результате обострения классовых противоречий в первые же месяцы существования нового государства процесс размежевания в социалистическом движении усилился. Революционные элементы отвергали капитулянтскую политику соглашателей и реформистов и выступали за солидарность с пролетариатом всего мира в борьбе против национального и социального гнета.

Революционное крыло в югославянском социал-демократическом движении, окрепшее после Великого Октября, и группы югославян-интернационалистов, вернувшихся на родину из Советской России, стали ядром Коммунистической партии Югославии.

Объединительный съезд (20—23 апреля 1919 г.) был историческим событием в югославском рабочем движении. На съезде была создана Коммунистическая партия — единая революционная рабочая партия, которая возглавила борьбу трудящихся за свое освобождение.

Ниже приводятся документы и материалы, связанные с образованием КПЮ, ее Объединительным съездом и откликами на этот съезд. Некоторые из них публикуются впервые.

В конце декабря 1918 г. ЦК РКП (б) направил радиотелеграмму всем, стоящим на почве III Интернационала. В радиотелеграмме говорилось: «В противовес Интернационалу предателей и контрреволюционеров, об-

разующемуся с явной целью создания оплота против быстро развивающейся мировой пролетарской революции, коммунисты всех стран должны сплотиться вокруг фактически уже создавшегося Третьего, Революционного Интернационала, не имеющего ничего общего ни с откровенными социал-империалистами, ни с межеумочными элементами, фактически оказывающими им помощь и даже не отступающими от участия на конференциях социал-предателей.

Российская Коммунистическая Партия (большевиков), отказываясь сама от участия в конференциях врагов рабочего класса, прикрывающихся именем социализма, призывает к тому же всех тех, кто стоит на почве Третьего Революционного Интернационала, ставящего перед пролетариатом всех стран задачу захвата власти...

Путь к власти лежит для пролетариата через непримиримую борьбу с его обманщиками, социал-предателями»¹.

Одним из откликов на эту телеграмму, напечатанным в «Правде», можно считать письмо группы югославянских интернационалистов, участвовавших в борьбе за победу Советской власти в России и в конце 1918 г. возвратившихся на родину. Письмо было подписано «Л. Зукичева», но есть все основания полагать, что его автором был активный интернационалист Лазар Вукичевич, один из руководителей Югославянской группы РКП(б). Его подпись «Л. Вукичевич» в редакции «Правды» могли прочесть как «Л. Зукичева». Не исключено также, что подпись намеренно была слегка изменена.

Приводим текст этого письма, опубликованного под заголовком «Быстрый рост большевизма в Югославии».

«На развалинах обанкротившейся Австро-Венгерской монархии возник целый ряд новых национальных государств, к числу которых относятся и Югославия, объединившаяся недавно со вновь „освобожденной” Сербией и Черногорией.

Фактическую сторону столь рекламированного агентами Вильсона освобождения малых народов мы испытали в полной мере. Обещанная свобода оказалась простой сказкой. Вместо венских бюрократов появились наймиты французских банкиров. Вместо венгерской олигархии пируют английские лорды, опирающиеся на штыки цветных войск. Под гнетом их югославы чувствуют себя хуже, чем во время османских нашествий.

Народ, который никогда не переносил спокойно чужого ига, выражает и теперь свое недовольство постоянными бунтами и демонстрациями. Особый интерес и тяготение наблюдается среди рабочего класса и сельской бедноты. Они жадно ждут вестей из социалистической России. Чрезвычайно ярко сказывается это настроение в Сербии, которая сильнее других испытала тяжесть империалистической войны, а также в Боснии и Герцеговине, где и теперь еще, при сербском „демократизме”, продолжает существовать крепостное право, [как] и при турецком „вандализме”, и при „культуртрегерской” Австро-Венгрии.

Социал-патриотическое течение очень слабо. Это зависит, главным образом, от того, что вожди социал-патриотов, затосковав по министерским портфелям, высказались только за уничтожение феодальных привилегий. Этим нам оказывается бессознательная помощь, так что мы уже с самого начала своей здешней деятельности стали расти не по дням, а по часам.

Мы основали коммунистическую группу в Загребе (Аграм), в Хорватии. Коммунистические ячейки основываются также в других городах, и в короткое время мы думаем созвать съезд для основания южно-славянской коммунистической партии. Предпринимаются необходимые меры для

¹ «Правда», 1918, 25 декабря.

выпуска в самом ближайшем будущем собственного ежедневного органа, который будет защитником и глашатаем истинной свободы, развивающейся под сенью коммунизма; бороться за эту свободу мы научились в социалистической России. Мы шлем последней и ее геройским и неустрашимым вождям-борцам наш революционный привет с уверением, что в скором времени будем ее приветствовать с образованием югославянской социалистической республики. (Затем сообщаются сведения об установлении связей с болгарскими, итальянскими, румынскими, венгерскими и другими товарищами)².

В конце января 1919 г. представители восьми революционных партий во главе с РКП(б) выступили инициаторами созыва I конгресса III Интернационала. Мерилом революционности каждой партии считалось признание ею принципа диктатуры пролетариата. В Обращении о созыве I конгресса Коммунистического Интернационала указывалось, что «полноправными участниками III Интернационала будут целые партии, всецело ставящиеся на его почву»³.

Среди 39 таких партий и групп, которые приглашались участвовать в I конгрессе Коминтерна, было и левое крыло Сербской социал-демократической партии⁴.

В это же время, в январе 1919 г., социал-демократические партии Сербии и Боснии и Герцеговины достигли принципиального соглашения об объединении партий.

В начале февраля 1919 г. в Сербской социал-демократической партии все большее влияние и авторитет завоевывают сторонники революционных действий во главе с Филипом Филиповичем. На страницах газеты «Радничке новине» решительнее звучит требование безоговорочно порвать с реформистами и добиться немедленного объединения пролетариата Югославии. Так, в статье «Югославянская социал-демократия» говорилось: «Теперь, когда народные массы становятся хозяевами своей судьбы, рекомендовать тактику удовлетворения крохами и ожидания милости свыше — это политическая подлость и злоупотребление нашим стремлением к полному объединению»⁵.

9 февраля 1919 г. руководство Сербской социал-демократической партии сообщило, что ему доверено созвать Объединительный съезд.

23 февраля 1919 г. в Белграде состоялось собрание активных деятелей рабочего движения Сербии, на котором с докладом «Империализм и пролетариат» выступил Ф. Филипович. Он указал на неспособность II Интернационала руководить революционной борьбой и призвал всех социалистов Югославии объединиться на платформе Коммунистического Интернационала.

Собрание подтвердило отказ Сербской социал-демократической партии участвовать в Бернской социалистической конференции, имевшей целью восстановить II Интернационал, и одобрило Обращение к Бюро Коммунистического Интернационала.

Обращение было доставлено в Москву одним из делегатов I Конгресса Коминтерна от Венгерской коммунистической партии. 22 марта 1919 г. оно было опубликовано в киевской газете «Коммунист», 26 марта — в газете югославских интернационалистов «Светска революция», 29 марта — в «Правде» и «Известиях», а 1 мая 1919 г. — в первом номере журнала «Коммунистический Интернационал». Приводим это обращение:

² «Правда», 1919, 4 января.

³ «Правда», 1919, 24 января.

⁴ Там же.

⁵ «Радничке новине», 9 II 1919.

«Дорогие товарищи! Сербская Социал-демократическая Рабочая Партия с великой радостью узнала о том, что в феврале созывается в Москве I Конгресс Коммунистического Интернационала. Она очень сожалеет, что не может послать своих делегатов на Конгресс, так как поздно узнала об этом. Но зато наша партия счастлива, что может послать Вам сердечный и искренний привет и пожелать Вам успеха в организации Коммунистического Интернационала.

Дорогие товарищи, Вам уже известно, как вела себя наша партия во время Балканской войны, а также во время мировой войны. Она осталась до конца верной учению наших великих учителей Маркса и Энгельса. Мы всегда относились с отвращением и презрением к изменникам социализма... В самый критический момент наша партия ни на минуту не забывала свои святыне интернациональные обязанности. И в дни, когда наша буржуазия праздновала победу над Турцией и Болгарией, в дни великого поражения, когда наше население вместе с армией отступало через высокие горы Албании, в дни, когда наш народ страдал под игом варварской оккупации, мы по отношению к нашей буржуазии знали только одну обязанность — вести непримиримую борьбу. „Гражданский мир” никогда не получал у нас права гражданства. Мы знали только одну войну, войну между трудом и капиталом. На последнее приглашение социал-патриотов послать делегатов в Берн наша партия ответила отказом, так как ничего общего не хочет она иметь с предателями социализма.

Почти шестилетняя война вызвала в наших рядах громадное расстройство. Наши лучшие товарищи погибли в окопах, на принудительных работах, как интернированные, много наших умерло в лагерях военнопленных, много пострадало от эпидемии. Мы недосчитываемся почти половины наших партийных работников. Но несмотря на эти огромные жертвы, дух в наших рядах ничуть не упал...

Сознавая, что Европа вступила в эпоху социальной революции, мы с большим подъемом после трехлетнего перерыва начали восстанавливать нашу партийную жизнь.

Вокруг нашей партии группируются широкие слои народных масс, так как после долгих и мучительных экспериментов они убедились, что только наша партия в состоянии защищать интересы рабочих масс и „деревенской бедноты”. Только этим и можно объяснить тот громадный успех, который наша партия сделала в последние три месяца.

Неимоверная дороговизна, недостаток в топливе и одежде, бесовская спекуляция, прекращение железнодорожного движения вызывали все большее и большее недовольство в широких народных массах. С нашим национальным объединением дело ничуть не подвинулось. Наша югославянская буржуазия оказалась неспособной закончить национальную революцию.

25 и 26 января состоялась конференция социал-демократической партии Крoации и Славонии (в Загребе), на которой, среди остальных, была принята следующая резолюция: „Конференция приветствует Советскую Россию, социальную революцию в Германии и Австро-Венгрии и революционное движение в других странах”. На этом Конгрессе обнаружилось, как сильны коммунистические течения в югославянском пролетариате.

Через 8 недель созывается югославянский социал-демократический конгресс для организации единой юго-славянской рабочей партии, и нет сомнения, что одержит победу коммунистическое течение. Сербская социал-демократическая партия и социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины стоят на коммунистической платформе. Рабочие Крoации и Славонии вместе с нами уверены, что путь к социализму ведет через диктатуру пролетариата, а форма этой диктатуры — Советская Власть.

Дорогие товарищи, мы уверены, что I Конгресс Коммунистического Интернационала выработает боевой орган, отвечающий общим интересам мировой революции.

Поэтому мы Вам еще раз посылаем наш братский сердечный и искренний привет.

Да здравствует новый Коммунистический Интернационал.

Сербская социал-демократическая рабочая партия»⁶.

О подготовке к объединению рабочих партий и стремлении революционных рабочих масс вступить в ряды III Интернационала говорилось в помещенной 6 марта 1919 г. в газете «Известия» статье «Мнение сербских коммунистов». Автором статьи был И. Милкич, представлявший югославских коммунистов на I Конгрессе Коминтерна. Он писал: «... Изнывая под игом своих и чужеземных империалистов, сербский пролетариат вел неустанно борьбу за рабочее дело, и он с тем большим восторгом приветствует нарождающийся Коммунистический Интернационал, что в нем он черпает свою уверенность в правильности избранного им пути.

То, что относится к пролетариату Сербии, относится также и к рабочим и крестьянам Боснии и Герцеговины. Рабочий класс остальных югославянских областей, находившийся доселе под гипнозом социал-оппортунистической австро-венгерской социал-демократии, также не заставит себя долго ждать, а поспешит в дружную семью Коммунистического Интернационала вместе со своими сербскими и боснийскими братьями».

В заключение Милкич отмечал, что «уже давно было пора развернуть снова красное знамя пролетарской классовой борьбы, знамя, которое II Интернационал в 1914 году без боя сдал буржуазии.

Теперь, когда, благодаря беспримерному самопожертвованию и героическим подвигам русского городского и деревенского пролетариата, это знамя победоносно реет над значительной частью Европы, теперь, когда у международного пролетариата есть свой могучий опыт и объединительный центр, свой генеральный штаб и единство командования, — если можно выражаться военными терминами, — можно быть вполне уверенными в скорейшей и окончательной победе рабочего класса над эксплуататорами и угнетателями всех стран.

Теперь мы сербские пролетарии, громче чем когда-либо, можем воскликнуть: «Да здравствует III пролетарский Интернационал! Да здравствует Коммунистический Интернационал — освободитель рабочего класса!»⁷

На Объединительном съезде в Белграде присутствовало 432 делегата, которые представляли организованное рабочее движение всех краев страны, кроме Словении. От Сербской социал-демократической партии присутствовало 159 делегатов, от Социал-демократической партии Боснии и Герцеговины — 112, от социалистов Хорватии и Славонии — 86, Далмации — 8, Воеводины — 54, Черногории — 4, от группы пелагичевцев, в которую в основном входили интернационалисты-возвращенцы из Советской России, — 9; в работе съезда не участвовали представители правого крыла Социал-демократической партии Хорватии и Славонии, а также Югославянской социал-демократической партии.

Единая партия создавалась на основе «Платформы объединения» — главного документа, принятого съездом. Новая партия получила название: Социалистическая рабочая партия Югославии (коммунистов).

⁶ «Коммунистический Интернационал», 1919, № 1, стр. 77—78.

⁷ «Известия», 1919, 6 марта.

В общей части «Платформы объединения» повторялись положения Эрфуртской программы немецкой социал-демократии. В третьем разделе «Платформы объединения» шла речь о том, что классовая борьба развивается в «великие социальные революции», что «создает условия для осуществления коммунистической экономики путем передачи всех средств производства в руки всего общества»⁸. Далее подчеркивалось, что СРПЮ(к) не может сотрудничать с теми социалистическими партиями, которые в ходе войны голосовали за военные кредиты, поддерживали правительство своей страны.

I съезд торжественно провозгласил: «СРПЮ(к) вступает в Третий, Коммунистический Интернационал с теми рабочими партиями, которые стоят на платформе непримиримой и бескомпромиссной классовой борьбы пролетариата, имеющей целью уничтожить капитализм и создать коммунистическое общество»⁹.

В «Платформе объединения» отмечалось, что внутренняя политика правительства развивается под знаком все более полного и все более беспощадного классового господства буржуазии. «Объединение югославию в едином национальном государстве осуществлено не путем революционной борьбы неимущих масс, а явилось результатом великих войн в Европе и на Балканах. Поэтому югославская буржуазия, с целью обезопасить себя, заключает союз с реакционным милитаризмом и бюрократией»¹⁰.

I съезд СРПЮ(к) принял резолюцию протеста против ликвидации гражданских свобод и преследования революционного движения в стране, «против контрреволюционной роли, которую югославская буржуазия играет в России, Венгрии и соседних странах».

СРПЮ(к) призвала рабочий класс Англии, Франции, Италии заставить свои правительства немедленно отозвать войска с югославской территории и с границ России, Венгрии, Германии, Австрии, Болгарии, Румынии и Италии.

Съезд выразил свою солидарность с делом русского и венгерского рабочего класса и обратился к югославским воинам с призывом считать своим святым долгом и наилучшей защитой интересов трудящихся масс Югославии срыв преступной попытки ликвидировать завоевания революций. «Считая советские правительства России, Венгрии и Баварии единственными и подлинными представителями этих стран, съезд призывает правительство немедленно и безусловно признать эти республики и установить нормальные и дружественные отношения с ними...»¹¹

Несколько дней спустя после I съезда СРПЮ(к), 30 апреля 1919 г., представитель югославских коммунистов в III Интернационале И. Милкич писал:

«Русские революционные герои, сверхчеловеческие усилия которых вызывают симпатию, восхищение и чувство солидарности трудящихся классов всего мира, могут быть уверены, что сербские рабочие и крестьяне, в силу непреодолимых препятствий лишённые сейчас возможности протянуть им братскую руку, явятся им на помощь во всяком случае не последними»¹².

Уже в первый год существования единой революционной пролетарской партии в Югославии число ее членов превысило 65 тысяч человек.

⁸ «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. II. Београд, 1950, стр. 12.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 13.

¹¹ Там же, стр. 24.

¹² И. М и л к и ч. Социализм в Сербии. «Коммунистический Интернационал», 1919, № 3, стр. 326.

Трудящиеся молодой Советской республики с большим интересом и горячей симпатией следили за развитием мирового революционного движения, и в частности за событиями в Югославии. В «Правде» 24 мая 1919 г. был напечатан краткий очерк истории рабочего и социалистического движения в Сербии.

Вести из Югославии доходили тогда до Москвы с большим трудом. 22 июня 1919 г. «Правда» писала о положении в Югославии: «На днях нам удалось, однако, получить некоторые сведения из Сербии и Югославии вообще». Далее сообщалось, что в конце марта состоялся съезд социалистов Баната и Бачки, в котором приняли участие социалистические делегаты Сербии.

«Они, между прочим, заявили, что сербская социалистическая партия является убежденным и решительным **сторонником диктатуры пролетариата**. Все выдающиеся рабочие, члены партии, считают Россию образцом, заслуживающим подражания»¹³.

В этой же корреспонденции говорилось, что на заседании венгерского Центрального Совета Рабочих и Солдатских Депутатов 25 мая 1919 г. в Будапеште, в котором принимало участие много иностранных делегатов, представитель Югославии заявил следующее: «Недавно состоялся в Белграде съезд югославянских социалистов (сербов, кроатов, словенцев). Съезд принял резолюцию о присоединении к III Интернационалу и предъявил правительству **требование об отзыве войск из Венгрии и России**»¹⁴.

После создания СРПЮ(к) революционное движение в Югославии усилилось. Революционные профсоюзы, находившиеся под влиянием СРПЮ(к), объединяли более 200 тысяч трудящихся. Участились забастовки и выступления рабочих с политическими требованиями. СРПЮ(к) вела в массах большую работу, о которой руководство партии в октябре 1919 г. сообщало в III Интернационал:

«От Центрального Комитета Социалистической Рабочей Партии (коммунистов) Югославии.

Югославский пролетариат еще на Пасху (20—23 апреля 1919 г.) в Белграде — на совместном Съезде — объединился в Социалистическую Рабочую Партию (коммунистов) Югославии. Единогласно была принята платформа Третьего Интернационала и было постановлено присоединение к нему. И вот уже полгода мы существуем как секция Третьего Интернационала и, несмотря на ужасную реакцию, ведем коммунистическую пропаганду. Общее положение в Югославии как в городах, так и в селах очень благоприятно для нас, мы с каждым днем становимся сильнее и ждем только удобного момента, который — мы в том уверены — наступит скоро, для того чтобы исполнить свой долг.

Коммунистический привет всем товарищам.

За Центральный Комитет Социалистической Рабочей Партии (коммунистов) Югославии. (Подпись)

11 октября 1919 г. Белград»¹⁵.

Сопоставление этого текста с подлинником документа позволяет сделать некоторые уточнения. Сообщение было подписано от имени ЦК СРПЮ(к) Симой Марковичем.

Редакция «Коммунистического Интернационала» опустила следовавший после слов «ведет коммунистическую пропаганду» абзац: «К сожалению, за все время после съезда, т. Лапчевич держался в стороне от движения; теперь он постепенно возвращается, ибо был в опасности остаться

¹³ «Правда», 1919, 22 июня.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Коммунистический Интернационал», 1919, № 7—8, стр. 1110.

навсегда вне движения, но он все еще против III Интернационала, несмотря [на то], что во время войны и сейчас же после войны был за III Интернационал. Он играет роль центра, но, к счастью, без успеха, ибо наш пролетариат без колебания верит своему пролетарскому III Интернационалу».

Этот абзац, как явствует из подлинника сообщения, был опущен по желанию самого С. Марковича, просившего при публикации снять все, что касается Д. Лапчевича, который тогда был одним из видных деятелей СРПЮ(к).

Как известно, на Объединительном съезде и после съезда в СРПЮ(к) продолжалась борьба между революционным и реформистским течениями. Некоторые руководящие деятели партии, в том числе Д. Лапчевич, продолжали стоять на оппортунистических позициях.

В свете процитированного выше абзаца становится еще более ясно, почему редакция «Коммунистического Интернационала», публикуя сообщение ЦК СРПЮ(к), сочла необходимым снабдить его следующим примечанием:

«От редакции.

... Братски приветствуем югославянских товарищей и уверены, что последние остатки идеологии II Интернационала скоро будут окончательно изжиты в Югославии и уступят место точной и ясной политике коммунизма»¹⁶.

Весной 1920 г. борьба с реформизмом в СРПЮ(к) усилилась. Лапчевич и его единомышленники были отстранены от руководства партией. Уже в марте 1920 г. Центральный исполнительный комитет СРПЮ(к) состоял почти из одних представителей революционного течения.

26 марта 1920 г. Центральный исполнительный комитет СРПЮ(к) направил в Бюро III Интернационала подробное письмо о деятельности партии после I съезда. Письмо подписали Сима Маркович, Милош Трбиняц, Павле Павлович, Живко Йованович, Коста Новакович, Живота Милойкович и Михайло Тодорович. По поводу Объединительного съезда авторы письма писали:

«Итак, мы имеем успех благодаря коммунистическим чувствам большинства делегатов и придали конгрессу коммунистический характер, хотя он был организован социал-демократами и центровиками, тем не менее он носил некоторый отпечаток компромисса. Вот почему ближайший конгресс должен покончить со всем, что носит характер центризма, и придать партии в отношении действия и тактики чисто коммунистический характер. Присутствие колеблющихся центровиков в Центральном Комитете в важнейший момент парализовало деятельность нашей партии во многих местах. Ближайший конгресс покончит с этим и выберет однородный коммунистический ЦК»¹⁷.

Примерно в то же время секретарь СРПЮ(к) Филип Филипович писал в Коминтерн:

«Дела у нас здесь хорошо продвигаются. Трудящиеся массы в большинстве коммунистически настроены. В Сербии почти все коммунисты. В Кroatии, Словении и Воеводине имеется небольшое количество социал-патриотов, рабочие везде присоединяются к нам.

Предстоит нам большая работа для систематического просвещения, революционизирования масс!»¹⁸

Очередной, II съезд партии состоялся в июне 1920 г. в Вуковаре. На нем СРПЮ(к) была переименована в Коммунистическую партию Югославии.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ЦПА ИМЛ, фонд 17, опись 65, ед. хр. 411, л. 9

¹⁸ Там же, л. 4.

И. Н. КИСЕЛЕВ

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ АКАДЕМИИ НАУК СССР С ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК

С укреплением политических, экономических, культурных и других связей между СССР и ПНР непрерывно развивается и крепнет сотрудничество советских и польских ученых. Ширятся и углубляются научные связи Академии наук СССР с Польской академией наук (ПАН), между которыми в 1957 г. было подписано Соглашение о научном сотрудничестве. На основе этого соглашения академии ежегодно утверждают планы конкретного сотрудничества, которыми предусматриваются проведение совместных работ, обмен научными сотрудниками, взаимная помощь в подготовке кадров через аспирантуру и докторантуру, стажировки и специализации, организация научных конференций и совещаний, приглашения ученых для оказания научной и научно-организационной помощи, для консультаций и экспертиз, для чтения лекций и в других целях. Между академиями и их учреждениями ведется широкий обмен информацией, в том числе книгообмен между Библиотекой АН СССР в Ленинграде и Фундаментальной библиотекой общественных наук АН СССР в Москве с Центром распространения научных изданий ПАН и Центром библиографии и научной документации ПАН, осуществляется сотрудничество издательств, архивов, центров научной информации и др.

Советскими и польскими учеными разработаны десятки научных проблем и проведено большое количество совместных исследований в различных областях физики, химии, биологии, геологии и географии, математики, механики и других отраслях наук. За эти годы советские историки, литературоведы, экономисты, лингвисты, философы и юристы выпустили много научных работ, написанных совместно или при взаимных консультациях.

Сразу же после освобождения Польши от фашистского ига Советской Армией при участии Войска Польского советские ученые, инженерно-технические работники стали оказывать большую помощь польскому народу в восстановлении народного хозяйства, подготовке высококвалифицированных специалистов, в создании базы для развития научных исследований и по другим вопросам. Годы фашистского господства губительно сказались на состоянии науки и высшего образования в Польше. Много польских ученых погибло в фашистских застенках, лишь некоторым удалось эмигрировать. Научно-исследовательская база Польши за войну была практически разрушена. Помощь Советского Союза в становлении и развитии науки в Польской Народной Республике исключительно велика и получила высокое признание польского народа, руководителей ПОРП и правительства ПНР. Так, Министр просвещения и высшего образования ПНР академик Г. Яблоньский подчеркивает, что «Одним из

наиболее существенных источников быстрого возрождения польской науки после войны и строительства фундамента для ее дальнейшего развития стала в то время советская помощь. Она проявлялась в разных формах. Прежде всего, для студентов тех специальностей, преподавание которых было ограничено в Польше, стало возможным получить образование в Советском Союзе. Многие выпускники польских учебных заведений специализировались в аспирантуре и проходили стажировку в советских научных центрах. Не меньшее значение имели контакты старших, более опытных деятелей науки. Приезды польских ученых в Советский Союз и советских ученых в Польшу, взаимное участие в научных конференциях и дискуссиях, знакомство с формами научной работы в Советском Союзе, приток советской научной аппаратуры, пособий и научной литературы и т. п. облегчили модернизацию польских высших учебных заведений и других исследовательских центров...»¹

Польская академия наук учреждена законом Сейма ПНР 30 октября 1951 г. В ст. I закона говорится: «В целях предоставления польской науке условий всестороннего развития и полного расцвета и направления научных исследований по пути, отвечающему насущным потребностям народа, опираясь на прогрессивные традиции науки и на наилучшие достижения и опыт всех действующих до сих пор научных организаций и обществ, в частности Польской академии знаний и Варшавского научного общества, — учреждается Польская академия наук». По закону от 17 февраля 1960 г. Академия является высшим научным учреждением в стране, представляющим польскую науку перед государственными органами, общественностью и зарубежными научными организациями. Высшими руководящими органами ПАН являются Общее собрание, Президиум и Научный секретариат. Научный секретариат осуществляет также общее руководство всей деятельностью Академии. Ученый секретарь ПАН назначается Государственным Советом ПНР по представлению Совета Министров республики. При создании в ПАН были образованы 4 отделения: I — общественных наук; II — биологических наук; III — математических, физических, химических, астрономических, географических и геологических наук; IV — технических наук. В 1956 г. было создано V отделение — сельскохозяйственных и лесоведческих наук, а в 1957 г. — VI — медицинских наук.

В 1956 г. образован Краковский филиал Академии, объединяющий членов Академии, работающих в южных воеводствах страны.

Во Франции (Париж) и в Италии (Рим) Польская академия наук имеет свои научные станции.

В составе Академии входят более 80 институтов, самостоятельных лабораторий и других научных учреждений.

В первые годы существования Польской академии наук АН СССР оказывала ей научную и научно-организационную помощь, в частности в развитии новых научных направлений, которые не были представлены в Польше. К таким направлениям в первую очередь относились ядерная физика, вычислительная техника, физика полупроводников, геофизика, квантовая химия и др. Вместе с тем, по мере развития польской науки связи АН СССР и ПАН все более приобретают характер взаимовыгодного сотрудничества.

АН СССР продолжает оказывать польским ученым помощь в подготовке кадров и в развитии актуальных научных направлений, например, в изучении космического пространства. Советская наука имеет в этой области большой опыт и выдающиеся достижения, а польские ученые только

¹ «Очерки истории Народной Польши». М., «Наука», 1965, стр. 423.

приступают к таким исследованиям. В известной мере положение можно сравнить с той помощью, которая в свое время была оказана Польше в развертывании работы по мирному использованию атомной энергии.

За прошедшее после подписания соглашения время АН СССР направила в Польшу около 2500 ученых и приняла около 4000 польских ученых. Только в 1968 г. в ПНР было командировано более 400 представителей АН СССР и принято около 500 ученых Польши. Все больше ученых Польши участвует в научных съездах, конференциях и симпозиумах, проводимых АН СССР. Так, в 1960 г. польские ученые принимали участие в 11 конференциях, в 1964 — в 20. В 1968 г. польские ученые участвовали в работе почти 50 конференций и симпозиумов, в том числе в IV Международном конгрессе по катализу, XIII Международном энтомологическом конгрессе, Конференции по вопросам европейской безопасности, Всесоюзном съезде по теоретической и прикладной механике, Международной конференции по физике полупроводников и др.

Представители АН СССР также с каждым годом все чаще участвуют в научных конференциях, проводимых в Польше. Так, в 1960 г. они участвовали в 11 конференциях, в 1964 г. — в 25, а в 1967 г. — в 52, в 1968 г. — более, чем в 50 конференциях, в том числе в III Общепольской конференции по радиоспектроскопии и квантовой электронике, в Международном симпозиуме по бору, в Международном симпозиуме по преобразованию энергии с помощью МГД-генераторов, в Международной конференции по лазерным измерениям и т. д.

Сотрудничество между АН СССР и ПАН осуществляется по широкому кругу вопросов как научного, так и научно-организационного характера. Для развития науки важна правильная организация планирования научных исследований, благодаря которой обеспечивается разработка крупных научных проблем, имеющих большое значение для практики народнохозяйственного строительства. Хорошо известна важность установления правильных деловых отношений между академиями и вузами, между академиями и промышленностью. Как в СССР, так и в Польше в этом плане накоплен большой опыт. Обсуждению этих проблем было уделено большое внимание в беседах между президентом АН СССР М. В. Келдышем и президентом ПАН Я. Грошковским во время взаимных визитов делегаций в 1964 г.

В настоящее время основной формой сотрудничества АН СССР и ПАН является проведение совместных работ и координация научных исследований по важнейшим проблемам современной науки. Число таких проблем, с учетом двустороннего и многостороннего межакадемического сотрудничества, а также сотрудничества в рамках СЭВ, достигает примерно 50. АН СССР активно сотрудничала с ПАН по международным научным проектам, таким как Международный геофизический год, Международный год спокойного Солнца, Международная биологическая программа и т. д.

Проблематика совместных и координируемых работ непрерывно расширялась и охватывает сейчас все важнейшие проблемы естественных и общественных наук, представленные в АН СССР и в ПАН. В области естественных наук наметилась тенденция к повышению удельного веса таких дисциплин, как математика, теоретическая и экспериментальная физика, вычислительная техника, квантовая электроника, автоматическое управление, химия полимеров, молекулярная биология, т. е. дисциплин, играющих ведущую роль в обеспечении научно-технического прогресса.

Сотрудничеству ученых СССР с учеными Польши и других социалистических стран ЦК КПСС и правительство СССР придают большое зна-

чение. «Координация усилий социалистических стран в области теоретических и прикладных исследований, конструкторских и проектных работ, — указывал А. Н. Косыгин в докладе на XXIII съезде КПСС, — становится одним из важных направлений в деле рационального использования ресурсов мировой социалистической системы»².

Активно сотрудничают советские и польские ученые в области общественных наук, что имеет особенно важное значение в условиях острой идеологической борьбы между миром социализма и капитализма. В докладе V съезду ПОРП тов. В. Гомулка, говоря о значении идеологической работы партии, указывал, что «...в настоящих условиях идеологический фронт превращается в главный фронт борьбы двух систем в мировом масштабе»³.

В области общественных наук ученые СССР, Польши и ряда других социалистических стран на многосторонней основе разрабатывают такие актуальные проблемы, как «История Великой Октябрьской социалистической революции», «Вопросы идеологической борьбы, связанные с сосуществованием двух мировых систем», «Исследование современного империализма». В этой связи следует отметить также работу Постоянной комиссии научных учреждений ВНР, ГДР, ПНР, СССР и ЧССР по исследованию проблем европейской безопасности. Ученые ведут исследования по согласованным планам, обмениваются информацией о ведущихся работах, готовят сборники и монографии, проводят научные конференции и координационные встречи. Во всех странах уже опубликовано значительное число трудов по каждой из перечисленных проблем.

Ученые СССР, Польши и ряда других социалистических стран Европы работают над проблемой «Дранг нах Остен и историческое развитие народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». По этой проблеме подготовлено два сборника статей.

На состоявшемся в 1958 г. в Москве IV Международном съезде славистов по инициативе советских и польских лингвистов было принято решение о составлении Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА). В этой работе принимают участие представители Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии, Югославии, а также Австрии и Италии. ОЛА является одной из крупнейших работ в области славянского языкознания и имеет большое значение для сравнительно-исторического и типологического изучения славянских языков, для исследования их происхождения, развития, типологии, общности и различий. Создание ОЛА будет иметь большое значение в теоретическом отношении также и потому, что до сих пор имеются лишь национально-языковые атласы, но нет атласа группы родственных языков. В процессе работы по согласованному плану должно быть обследовано 800 населенных пунктов, в том числе 500 на территории СССР. Начато издание теоретических и методических работ, связанных с проблематикой славянской лингвистической географии и общеславянского атласа. Предполагается, что работа будет завершена в 1975 г. Польские ученые-индологи принимали вместе с учеными СССР, ГДР и ЧССР участие в подготовке сборника «История и культура Древней Индии».

С 1956 по 1964 г. по инициативе Института этнографии АН СССР велась совместная работа ученых всех европейских социалистических стран по подготовке тома «Народы зарубежной Европы», являющегося состав-

² «Материалы XXIII съезда КПСС». Изд-во политической литературы, М., 1966, стр. 168.

³ «Известия», 11 ноября 1968 г.

ной частью фундаментального труда «Народы мира». В написании главы «Поляки» участвовало 18 польских авторов.

Польские ученые писали соответствующие разделы, а также давали консультации советским ученым при подготовке ими 6-томной «Истории философии», сборника историко-философских очерков «Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах» («Наука», М., 1965), сборника «Маркс и современность», а также многих других научных трудов, готовившихся с участием авторов из социалистических стран. Этот перечень совместных работ и их результатов можно было бы продолжить.

Научные учреждения Польской академии наук принимают также участие в разработке ряда проблем Сводного плана Постоянной комиссии по координации научных и технических исследований СЭВ, в том числе проблем: «Разработка эффективной системы научно-технической информации стран-членов СЭВ на основе методов и средств комплексной механизации и автоматизации процессов обработки, поиска, выдачи и передачи ее на расстояние», «Разработка основ управления, планирования и организации научных и технических исследований» и др. Польские ученые неизменно участвуют в координационных совещаниях и встречах директоров родственных институтов, редакторов научных журналов, представителей национальных комитетов социалистических стран по различным областям наук.

Тесные контакты в течение многих лет существуют между советскими и польскими историками. При этом характерно, что сотрудничают не только институты Академии наук СССР, Академий наук союзных республик и Польской академии наук, но и ряд неакадемических учреждений (архивы, институты при ЦК КПСС и ЦК ПОРП, военно-исторические институты и др.).

Советские ученые изучают историю польского народа, его культуру, литературу, язык. По всем этим вопросам опубликованы фундаментальные обобщающие труды, а также многочисленные сборники, монографии, статьи. Работа проводится при консультативной помощи со стороны польских ученых и широком использовании материалов польских архивов и библиотек во время долгосрочных и краткосрочных поездок наших ученых в Польшу. При этом руководство АН СССР практически не ограничивает количество долгосрочных командировок в ПНР по актуальной проблематике.

Одной из первых работ, подготовленных советскими учеными при координации с польскими коллегами, явился фундаментальный обобщающий коллективный труд «История Польши» в трех томах (т. 1—3, Изд-во АН СССР, М., 1955—1958). Завершением этой работы явился сборник «Очерки истории народной Польши» («Наука», М., 1965). Труды получили высокую оценку советской и польской научной общественности⁴. Опубликованы монографии А. Я. Манусевича «Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России» («Наука», М., 1965), И. С. Яжборовской «Коммунистическая партия Польши и идеи Октября» («Наука», М., 1967), И. Ф. Бэлзы «Русско-польские музыкальные связи» (Изд-во АН СССР, М., 1963). В СССР опубликованы также труды историков-пололистов В. А. Дьякова, И. И. Костюшко, И. С. Миллера, И. А. Хренова и др.

Сотрудники Института славяноведения АН СССР⁵ совместно с поль-

⁴ Г. Яблоньский. История Польши в трудах советских ученых. «Вестник АН СССР», 1966, № 10, стр. 53—60.

⁵ С 1968 г. Институт славяноведения АН СССР был преобразован в Институт славяноведения и балканистики АН СССР.

скими учеными провели большую работу по сбору и подготовке материалов для сборника «Из истории польского рабочего движения» («Наука», М., 1962), посвященного 20-летию ПОРП. При координации с польскими коллегами Институтом готовится коллективная монография «Сто лет совместной революционной борьбы. Очерки истории русско-польских революционных связей XIX—XX вв».

Этот же Институт подготовил коллективный труд «История польской литературы». В настоящее время вышел из печати первый том этого труда. Сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР подготавливают к печати монографии: Т. Н. Агапкина — «Из истории польско-советских литературных и культурных связей 1918—1944 гг.», С. М. Фалькович — «В. И. Ленин и польское революционное движение в 1907—1914 гг.»; П. Н. Ольшанский — «Рижский мир» (из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей. Конец 1918 — март 1921 гг.).

Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР готовит совместно с польскими учеными коллективный двухтомный труд «Польско-русские литературные связи XVI—XX вв.» В создании труда с советской стороны участвуют сотрудники ИМЛИ, Института славяноведения и балканистики, МГУ, Пушкинского дома и ЛГУ. Широкое сотрудничество с польскими учеными осуществляют ученые Украинской и Белорусской академий наук.

Институт истории Белорусской АН совместно с Военно-историческим институтом ПНР подготовил сборник «Дружба, скрепленная кровью». Белорусские и польские историки готовят сборник «Участие трудящихся Белоруссии в борьбе против немецко-фашистских захватчиков на территории Польши (партизаны Белоруссии на польской земле)».

Белорусскими и польскими филологами издан «Польско-белорусский словарь» (1962 г.) и готовится «Белорусско-польский словарь». Готовятся такие работы, как «Романтизм в белорусской и польской поэзии» и «Белорусская школа в польской поэзии».

Институт искусства, фольклора и этнографии АН УССР готовит сборник «Украинско-польские песни XVII—XVIII вв.» Ученые Украины и Польши работают над сборниками «Польско-украинские исторические связи», «Украинско-польские взаимосвязи в XIX—XX вв.» и др.

В последние годы широко практикуется проведение двусторонних советско-польских симпозиумов. Так, осенью 1966 г. в Москве проходил организованный Институтом славяноведения АН СССР советско-польский симпозиум по проблеме «Революционные связи народов России и Польши в XIX—XX вв.» В работе симпозиума участвовало 11 польских и большая группа советских ученых. В апреле 1967 г. в Институте проходил советско-польский симпозиум на тему «Польская пролетарская литература и польско-советские литературные связи 20—30-х годов». В июне 1966 г. в Москве советские и польские философы обсудили проблему «Структура и виды материи».

В июне 1966 г. во Львове состоялся первый советско-польский симпозиум по проблеме комплексного изучения развития науки (науковедению). 19—29 ноября 1967 г. в Польше (Катовице-Краков-Варшава) был проведен второй симпозиум по этой же проблеме. Материалы симпозиумов изданы в СССР и Польше. Советская научная общественность неизменно отмечает выдающиеся даты в жизни братского польского народа. Институт славяноведения и балканистики АН СССР регулярно проводит научные сессии, посвященные выдающимся событиям и памятным датам в истории польского народа и советско-польской дружбы. Советские ученые активно участвуют также в меропрятиях Общества советско-польской дружбы.

В октябре 1966 г. Академия наук СССР совместно с Министерством высшего и среднего специального образования СССР провела научную сессию, посвященную 1000-летию Польского государства⁶. Сессию открыл президент АН СССР академик М. В. Келдыш. На сессии было заслушано 12 докладов, в том числе доклад Маршала Советского Союза И. С. Конева «Боевое содружество Советской Армии и Войска Польского в борьбе за освобождение Польши от фашистских оккупантов», Министра просвещения и высшего образования ПНР академика Г. Яблоньского «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на характер Второй Польской Республики» и др. Сессия привлекла внимание общественности и была освещена в советской и польской печати. 20 ноября 1966 г. Институт славяноведения и балканистики АН СССР провел расширенное заседание Ученого совета, посвященное 50-летию провозглашения независимости Польского государства, на котором были заслушаны доклады д-ра ист. наук А. Я. Манусевича, канд. ист. наук П.Н. Ольшанского, проф. И. Ф. Бэлзы, а также специально приглашенных на заседание польских ученых проф. Т. Цесляка и академика Г. Ловмянского. С кратким приветствием выступил Временный поверенный в делах ПНР в СССР тов. Ч. Коваль.

Директор Института славяноведения и балканистики АН СССР И. А. Хренов выступил с докладом на собрании общественности Москвы, посвященном 50-летию провозглашения независимости Польского государства. Институт славяноведения и балканистики АН СССР осуществляет также совместно или при консультации с польскими учеными подготовку и издание ряда документов и публикаций, касающихся истории и развития революционных, политических, экономических и других связей народов СССР и Польши. К ним относится 10-томная публикация документов и материалов по истории советско-польских отношений, работа над которой ведется с 1962 г. Первые 5 томов уже изданы в СССР и в Польше. Кроме Института славяноведения и балканистики АН СССР в состав совместной редколлегии издания с советской стороны входят представители Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Историко-дипломатического управления МИД СССР и Главного архивного управления при Совете Министров СССР. С польской стороны в редколлегию входят представители Польской академии наук, Института истории партии при ЦК ПОРП и Главной дирекции государственных архивов. Публикация представляет большой научный и политический интерес, впервые вводит в научный оборот большой документальный материал из советских и польских архивов. Наряду с новыми материалами в сборники включаются ранее публиковавшиеся, но в настоящее время труднодоступные документы, а также другие материалы, имеющие важное значение для проблематики издания. Кроме того, каждый том имеет раздел приложений с материалами публицистического характера из периодической печати.

Другой большой совместной работой советских и польских ученых является многотомная публикация «Восстание 1863 года. Материалы и документы». В работе над ней участвуют Институт славяноведения и балканистики АН СССР, институты истории АН УССР, АН БССР, АН Литовской ССР и ГА У при Совете Министров СССР, а также Институт истории ПАН, Главная дирекция государственных архивов ПНР. Работа была начата в 1957 г., и советская сторона завершила издание всех семи томов, которые были намечены для издания в СССР. В Польше при непосредственном участии советских историков должно быть издано 13 томов, но вышли в свет

⁶ «Известия», 12 октября 1966 г.

пока только 7. Публикация вводит в научный оборот обширный материал по истории восстания 1863—1864 гг. в Польше, Белоруссии, Литве и на Правобережной Украине и связям польской революционной демократии с прогрессивными и революционными кругами России.

Важное значение для укрепления сотрудничества в области исторической науки имеет создание Комиссии историков СССР и ПНР. Председателем советской части Комиссии является академик Б. А. Рыбаков, польской — академик Г. Ловмянский. В состав Комиссии входят известные ученые, а также работники МИД СССР и МИД ПНР, Главного архивного управления при Совете Министров СССР и Главной дирекции государственных архивов ПНР. Первое заседание Комиссии состоялось в декабре 1967 г. в Варшаве, второе — в мае 1968 г. в Москве. Комиссия определила свои задачи и наметила план работы на 1969 г. Этот план предусматривает проведение четырех научных сессий — двух в Польше и двух в СССР. Так, 17—18 февраля 1969 г. Институт истории партии при ЦК ПОРП совместно с Институтом польско-советских отношений провели в Варшаве симпозиум на тему «Роль КПП, ППР, ПОРП в укреплении польско-советской дружбы». На симпозиуме присутствовала делегация советских ученых. Третье заседание Комиссии состоится в Варшаве и будет посвящено составлению конкретного плана подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Постановление ЦК КПСС (август 1967 г.) «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» требует от советских ученых активизации творческой работы в области философских, экономических, исторических и других общественных наук. Это необходимо также и «в интересах укрепления политического, экономического и культурного сотрудничества социалистических стран, определения наиболее эффективных путей и средств обеспечения победы социализма над капитализмом. Развитие теории необходимо для успешной борьбы против буржуазной идеологии, против современного антикоммунизма, правого и «левого» ревизионизма, за умы и сердца широких трудящихся масс мира»⁷.

Во время переговоров между АН СССР и ПАН в декабре 1968 г. о сотрудничестве между академиями на 1969—1970 гг. особо подчеркивалась необходимость усиления связей между учеными — обществоведами СССР и ПНР. При этом делался акцент на усиление связей прежде всего в области философии, экономической науки, социологии, правоведения, языкознания.

Составлена обширная программа связей по многим актуальным проблемам общественных наук. Специальные планы сотрудничества разработаны в связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, к 25-й годовщине освобождения Польши от гитлеровских захватчиков, к 25-й годовщине Победы над гитлеровской Германией. Намечено расширение прямых связей между журналами АН СССР и ПАН по общественным наукам.

С 12 по 19 декабря 1968 г. в Москве проходила выставка научной литературы Польской Народной Республики. Организаторами выставки явились с польской стороны Государственное научное издательство ПНР, издательства «Оссолинеум» и «Ксёнжжа и ведза», а с советской стороны — издательство «Наука» и Всесоюзная Государственная библиотека иностранной литературы. На выставке были представлены научные книги и журналы по общественно-политическим и естественно-техническим наукам на польском языке. В свою очередь выставка советской научной лите-

⁷ «Правда», 22 августа 1967 г.

ратуры состоялась в 1968 г. в Польше. Обмен такими выставками происходит регулярно с 1959 г. и стал традиционным. В 1968 г. АН СССР устроила в Польше большую выставку, посвященную успехам СССР в освоении и использовании Космоса.

В 1968 г. БАН СССР осуществлялся книгообмен более чем со 100 учреждениями Польши; было направлено около 9000 и получено около 7000 библиотечных единиц.

Ежегодно 25—30 советских ученых по приглашению ПАН выезжают в Польшу для чтения лекций. В свою очередь польские ученые читают лекции в учреждениях АН СССР.

Приведенный выше материал говорит о широких связях ученых АН СССР и ПАН. Но в этих связях есть и недостатки. К ним следует отнести некоторую замкнутость межакадемического сотрудничества. По нашему мнению, следует шире привлекать к совместным работам сотрудников неакадемических учреждений обеих сторон и прежде всего работников университетов и высших учебных заведений.

Именно с учетом этого обстоятельства АН СССР пригласила в качестве своих гостей 17 польских философов и социологов, которые посетили СССР в апреле 1969 г. В делегации были представлены ученые, работающие в ПАН, вузах и других учреждениях ПНР.

В современных условиях научно-технического прогресса, когда наука все более становится непосредственной производительной силой, весьма важным становится правильное определение проблематики сотрудничества между АН СССР и ПАН с учетом характера и эффективности существующих связей и перспективных задач развития науки в СССР и Польше. Это особенно важно в связи с предстоящим определением проблематики сотрудничества между АН СССР и ПАН на следующее пятилетие (1971—1975 гг.).

В сотрудничестве Академии наук СССР и Польской академии наук находит яркое выражение принцип сочетания национальных интересов СССР и Польши с интернациональными интересами всех стран мировой социалистической системы. Это является залогом того, что сотрудничество академий будет успешно развиваться и в дальнейшем во имя научно-технического прогресса стран социалистического содружества, во имя подъема их экономики и культуры, укрепления дружбы, сплоченности и единства мировой социалистической системы.

В. И. ФРЕЙДЗОН

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ В ХОРВАТСКИХ ЗЕМЛЯХ

(Вопрос о национальной дифференциации)

В настоящее время имеется немного исследований, так или иначе освещающих комплекс сложных проблем национального развития в хорватских землях, до всесторонней же характеристики этого процесса, вероятно, еще далеко. Внимание современных югославских ученых сосредоточивалось в значительной мере на докапиталистической эпохе¹. Ряд важных статей посвящен идеологическим проблемам национального движения². Что касается советской литературы, то можно отметить обобщающий доклад С. А. Никитина³. Обширный материал содержит монография И. И. Лещиловской⁴.

Мне хотелось бы обратить внимание читателя не столько на общие закономерности формирования нации в хорватских землях, сколько на специфические черты этого процесса, особенно на проблему национальной дифференциации между хорватами и сербами.

1. В Австрийской империи хорватская народность в XVIII в. занимала территорию королевств Хорватии и Славонии (часть владений венгерской короны), являвшихся основным комплексом хорватских земель, прилегающую к ним Военную Границу и небольшое междуречье Дравы и Муры (Меджумурье), входившее в состав Венгрии; в 1797 г. к Австрии были присоединены населенные хорватами «королевство» Далмация и часть Истрии, ранее находившиеся под властью Венецианской республики⁵. Вне империи хорваты населяли ряд районов Боснии и Герцеговины.

¹ V. B o g d a n o v. Začeci nespোরazuma između Hrvata i Srba. In: «Živa prošlost», Zagreb, 1957; е г о ж е. Osnovne linije u nacionalnom razvoju južnoslavenskih naroda. In: «Likovi i pokreti», Zagreb, 1957; B. Đ u r đ e v. Osnovna istorisko-etnička pitanja u razvitku južnoslavenskih naroda do obrazovanja nacija. «Pregled», 1960. br. 7—8.

² M. G r o s s. O nekim aspektima razvoja nacionalne ideje za vrijeme narodnog preporoda u Dalmaciji. «Historijski pregled», 1963, br. 1; J. S i d a k. Prilog razvoju jugoslavenske ideje do 1914. «Naše teme», 1965, br. 8—9; е г о ж е. Jugoslavenska ideja u hrvatskoj politici do prvog svetskog rata. «Encyklopedija moderna», 1967, br. 3—4.

³ С. А. Н и к и т и н. Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. В сб. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов», М., 1968.

⁴ И. И. Л е щ и л о в с к а я. Иллиризм. К истории хорватского национального возрождения. М., 1968.

⁵ Под Хорватией тогда понимался северо-запад современной социалистической республики Хорватии с центром в Загребе (Хорватия в узком смысле слова). Славония—восточное междуречье Савы и Дравы. В отличие от соседних военизирован-

Во всех этих областях, кроме Истрии, имелось более или менее многочисленное сербское население, а в Истрии — словенское.

Но говоря о народностях XVIII в., а в некоторой мере и первой половины XIX в., когда процесс складывания наций еще не завершился, следует иметь в виду и ту или иную религиозную принадлежность южнославянского населения, составявшего этническую общность, и распространение разных диалектов разговорного языка.

Население Хорватии и Славонии, занимавших центральное положение среди южнославянских земель Австрийской империи, в 1869 г. составляло 1160 тыс., Хорвато-славонской Военной Границы — 696 тыс., а всего в этом едином территориальном комплексе проживало более 1,8 млн чел.⁶ Из них в гражданских землях католиков было около 83%, православных — более 15%.

Резко отличным было это соотношение на Военной Границе — соответственно 49,3 и 48,3%. В некоторых районах (полковых округах) Военной Границы, а в гражданских землях — в Сремской жупании православные составляли большинство: например, в 1-м Банском полку — 66,1%, в Ликском — 64,5%, в Среме — 52,5%⁷. В Далмации из 457 тыс. населения католики составляли более 82%, православные (главным образом в южных районах) — около 18%. В сплошь католической Истрии (254,9 тыс. чел.) южные славяне составляли 69% (словенцев — 12%, остальные — хорваты)⁸.

В Боснии и Герцеговине православных было более $\frac{2}{5}$ населения, католиков около $\frac{1}{5}$, остальную часть (около $\frac{2}{5}$) составляли мусульмане.

К смешению католического и православного населения на значительной части территории Триединого королевства, а также в Боснии и Герцеговине привела миграция населения с юга на север вследствие турецкого наступления на Балканы и последующего турецкого господства здесь. В эпоху формирования наций едиоязычное население, принадлежавшее к разным ветвям христианской церкви, на обширной территории располагалось чересполосно или же компактно. Капиталистическая эпоха способствовала дальнейшему развитию указанного явления, ибо подвижность населения и рост городов усилились.

К началу процесса становления наций южные славяне — от словенцев до болгар — населяли обширную сплошную (за исключением некоторых окраин) территорию на юге Австрийской империи и на балканских землях, попавших под власть Турции. Население, говорившее на сербско-хорватском языке, занимало здесь большую центральную область, северо-западную и западную грани которой составляли хорватские земли. Однако этническая общность, едиоязычность массы хорвато-сербского населения, расположенного на единой территории, где не имелось каких-либо иных (неюжнославянских) этнических вклинений, не привели к возникновению единой южнославянской нации, в частности, на юге Австрийской монархии.

ных территорий их называли «гражданскими землями». Хорватия, Славония и Далмация формально составляли Триединое королевство, но фактически Далмация выделялась в административном отношении.

⁶ P. M a t k o v i ć. Hrvatska i Slavonija u svojih fizičnih i duševnih odnošajih. U Zagrebu, 1873, s. 33.

⁷ Ibid., s. 39, 40.

⁸ 10% населения Далмации и 30% населения Истрии составляли итальянцы, точнее, лица, назвавшие при переписи своим разговорным языком итальянский; часть из них была славянами. P. M a t k o v i ć. Geografsko-statistički nacrt Austrijsko-Ugarske monarhije. U Zagrebu, 1874, s. 98, 141.

II. В ходе общественно-политического и культурного развития хорватских земель в XIX в.⁹ имело значение то обстоятельство, что южнославянское население этих земель говорило на трех диалектах хорвато-сербского (или сербско-хорватского) языка — штокавском, чакавском и кайкавском (более близком к словенскому языку). Первый был свойствен Славонии, Далмации, Военной Границе, второй — небольшому приморскому району (Риека и др.), третий — Хорватии (т. е. части современной республики, граничащей со словенскими землями). По-штокавски говорило многочисленное сербское население вне хорватских земель империи и вне австрийского государства. На каждом из диалектов издавались литературные произведения.

Видные ученые-слависты (П. Шафарик, Е. Копитар, Вук Караджич) полагали, что границы между южнославянскими народами совпадают с пределами распространения диалектов. Однако эта точка зрения не отражала действительного исторического процесса. Диалектные различия не являлись решающим критерием в процессе консолидации хорватской и сербской наций, в процессе национальной дифференциации южнославянского населения в Хорватии, Славонии и Далмации. Хорватскую нацию составило население, говорившее на всех трех диалектах. Известно, что хотя ядро хорватской нации сложилось в районе распространения кайкавщины (Загреб — Вараждин — Карловац), в основу хорватского литературного языка деятелями национального возрождения в 30-х годах XIX в. был положен штокавский диалект, на котором говорило большинство населения Триединого королевства. Это решение имело огромное историческое значение для процесса формирования хорватской нации. В отличие от исчезающей чакавщины — кайкавский диалект сохранился до сих пор в быту населения некоторых районов. И ныне на северо-западе республики люди, в общественной жизни пользующиеся литературным языком, в кругу родных или друзей нередко беседуют по-кайкавски.

III. Административно-политическая раздробленность территории, на которой возникла хорватская нация, различия в социальных и политических условиях жизни населения отдельных исторических областей затрудняли консолидацию нации¹⁰. К тому же власти подчас тормозили экономические¹¹ и идейно-политические связи между отдельными землями. Но все это не стало непреодолимым препятствием для развития нации, так же как и у сербов.

Относительно слабые экономические связи между некоторыми хорватскими землями, неустойчивость этих связей в условиях международного капиталистического рынка (например, падение объема торговли между Хорватией — Славонией и Далмацией в третьей четверти XIX в.) также

⁹ О первой половине века подробно см. И. И. Лещеловская. Там же.

¹⁰ Хорватская нация объединила население земель Австрии (принадлежавших венгерской короне, а также подчиненных непосредственно Вене) и Турции. В земельной Славонии преобладали имения венгерских, австро-немецких и хорватских магнатов; до 1848 г. здесь существовал феодальный строй. Далмация — приморская область развитого судоходства, судостроения, страна моряков, рыбаков, судовладельцев, купечества, виноградарей, страна мелкого землевладения, колонов (арендаторов) и свободных крестьян. Военная Граница — полоса военных поселений, власть над которой принадлежала австрийскому военному министерству, австрийским генералам и офицерам. В Хорватии и Славонии, располагавших определенной политической автономией, существовало местное (дворянское до 1848 г.) самоуправление и т. д.

¹¹ В третьей четверти XIX в., когда внутриимперские таможенные преграды были устранены, Далмация в этом отношении составляла исключение: на границе между ней и остальной империей взимались таможенные сборы.

создавали неблагоприятную обстановку для сплочения наций, хотя опять-таки не воспрепятствовали ему.

Весьма сложна проблема экономического сплочения хорватских земель, развития единого хорватского национального рынка¹². В XVIII—первой половине XIX в. складывался общеимперский рынок австрийского государства. Промышленный переворот, в особенности быстрое развитие железнодорожного и паровозного сообщения в 40—70-х годах XIX в., резко ускорили экономическое сплочение земель империи. В хорватских землях первая железная дорога (от речного порта Сисака на Саве до границы со словенскими землями) была проведена в 1862 г. Эта дорога и построенные позднее внесли коренные изменения в направление грузопотоков и формирование рыночных связей.

До появления железных дорог экономические связи характеризовались наличием значительных по территории областных рынков вокруг центров мануфактурного и ремесленного производства, портов и важных перевалочных пунктов (таких как Карловац, Сисак, Вараждин, Загреб). Эти рынки иногда охватывали районы не только с хорватским и сербским, но и со словенским и венгерским населением (Вараждин). Ремесленные и мануфактурные изделия распространялись подчас в довольно отдаленных от места производства районах хорватских земель. Но общенациональный промышленный и сельскохозяйственный рынок был весьма слабым. Далее, для хорватских земель исключительное значение имел транзит сельскохозяйственных товаров (из тогдашней южной Венгрии — сербской Воеводины — и Славонии к морю, из балканских стран в Австрию), а также промышленных изделий (из империи на Балканы). Такими путями осуществлялись южнославянские (Банат — Славония — Хорватия словенские земли — Далмация и др.) и иные международные связи хорватов. Тесные торговые связи между, например, Славонией, Хорватией и Военной Границей являлись составной частью более широких экономических связей.

Железные дороги, проводившиеся обычно из Вены (позднее — и Будапешта) к окраинам империи, разорвали многие из этих традиционных, налаживавшихся веками связей, подорвали частичную (относительную) замкнутость областных рынков, теснее, чем раньше, связали отдельные хорватские земли с центральными районами, государства, усилили их зависимость от австро-немецкого крупного капитала. Процесс экономического сплочения хорватских земель осложнился, а кое-где временно прервался. Для хорватской буржуазии, находившейся в условиях многонационального государства, самостоятельный общенациональный рынок являлся мечтой, целью движения, достижение которой было возможно лишь в условиях национального государства¹³.

Наконец, и это весьма существенно, на значительных территориях ввиду компактного или чересполосного размещения хорватского и сербского населения вообще не могли существовать замкнутые экономические связи в среде одной из развивающихся наций, не мог создаться особый, охватывающий только свою нацию, хорватский рынок.

Но ни наличие южнославянского рынка (распространяющегося на хорватско-сербское единопольное население), ни относительно слабые свя-

¹² Относительно третьей четверти XIX в. несколько подробнее см. В. И. Фрейдзон. О некоторых условиях формирования торговой и промышленной буржуазии в Хорватии и Славонии в 50—60-годах XIX в. В сб. «Славянская историография и археография». М., 1969. Вопрос о внутринациональных экономических связях у хорватов изучен недостаточно.

¹³ См. С. А. Никитин. Там же, стр. 73.

зи между некоторыми из хорватских земель не явились определяющими факторами процесса национального развития, хотя неизбежно должны были сказаться на ходе этого процесса, в частности на идеологии национальных движений.

IV. Замедленный темп и низкий уровень капиталистического развития, феодальный строй, сохранявшийся до 1848 г., слабость внутринациональных рыночных связей и класса национальной буржуазии — все это предопределило длительное сохранение в хорватских землях локальных традиций.

Термины «хорват», «хорватский» не только в 40-х годах, когда это было обычным явлением, но даже в 60-х годах XIX в. подчас определяли принадлежность к Хорватии в узком смысле и не относились к населению Славонии, а тем более Далмации или Истрии, которое сохраняло приверженность к локальным этнонимам («славонцы» и т. п.)¹⁴.

Ядро хорватской нации сложилось в первой половине XIX в. в Хорватии (в тогдашнем смысле), где начался и шел наиболее быстрым темпом процесс национального возрождения. Именно Загреб возглавлял борьбу за объединение хорватских земель, хотя не только в политическом, но и в экономическом и культурном отношении, он еще не стал общенациональным центром.

В 1848—1849, а нередко и в 60-х годах говорили так: «хорваты и славонцы», «славонец и два хорвата»¹⁵ или «хорваты, славонцы и сербы»¹⁶. Хорватия, Славония, Далмация, Босния и Сербия перечислялись, как однотипные понятия. Но в 60-х годах произошли большие сдвиги в развитии хорватского национального самосознания, которым проникалось население все более широких территорий. Однако Далмация¹⁷ и особенно Истрия в этом отношении отставали.

Элементы локального сознания проявились и в терминах «хорватославонский» и даже «славонский» язык¹⁸. В 1861 г. созванная баном конференция издала обращение к «хорватам и славонцам». При этом имелось в виду все население обеих областей. Однако национальное сознание постепенно крепло, и предложение назвать родной язык хорватославонским было в саборе отвергнуто.

Вместе с живучестью локальных наименований в среде местной интеллигенции проявлялось стремление сплотить в единую народность все население данной области независимо от религиозной принадлежности. Но эта тенденция не смогла закрепиться.

Имеются интересные свидетельства о том, как распространялось хорватское национальное сознание в соседних с тогдашней Хорватией областях. Этот процесс, в частности, проявлялся в преодолении локализмов.

¹⁴ В 50—60-х годах XIX в. католики Славонии и южной Венгрии часто называли себя по-старинному «буневцами» и «шокцами». См. N. P l a v š i ć. Trgovačko-obrtnička komora za Slavoniju u Osijeku u prvih pedeset godina njenog opstanka. Osijek, 1904, s. 60; V. B o g d a n o v. Bunjevci. In: «Živa prošlost».

¹⁵ V. B o g d a n o v. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848/49. Zagreb, 1949, s. 51, 74, 79; A. B a r a c. Hrvatska književnost, knj. 2. Zagreb, 1960, s. 45, 46.

¹⁶ J. H o r v a t. Povijest novinstva Hrvatske. Zagreb, 1962, s. 191; V. B o g d a n o v. Društvene i političke borbe..., s. 190.

¹⁷ M. G r o s s. O nekim aspektima..., s. 15.

¹⁸ В 50-х годах торгово-промышленная палата в Осиеке требовала от чиновников знания немецкого, венгерского и «славонского» языков. См. N. P l a v š i ć. Ibid., s. 29 В 1861 г. в саборе депутат А. Вебер сетовал на то, что славонцы не желают называть свой язык хорватским. См. V. N o v a k. Antologija jugoslovenske misli i narodnog jedinstva. Beograd, 1930, s. 225. В саборе 1865—1867 гг. М. Краевич утверждал, что «тысячи людей еще не убеждены» в том, что их национальность не славонская, и «история нам еще не доказала, что славонского народа нет». V. B o g d a n o v. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958, s. 654.

Хорватский автор отмечал, что в Славонии «хорватское имя почти до 1867 г. считалось зазорным. Если о ком-нибудь рассказывали с насмешкой, то героем рассказа уже обязательно был хорват... Насколько мне известно, первым среди славонцев признал себя хорватом покойный Йосип Мишкатович (известный журналист и национальный деятель, учился в духовной семинарии в 50-х годах. — В. Ф.). Он с 5-го класса стал читать немецких классиков, особенно Гердера... Под влиянием немецкого просвещения он говорил, что его родной язык — хорватский, что в национальном отношении он хорват, что принадлежит к хорватскому народу. В ответ слышались голоса всех остальных славонцев в семинарии: „ну какой же ты хорват, разве ты родился не в Славонии, не в Цернике, знаю я твоих отца и мать, они — славонцы, а ты хорват? Неужто стыдишься прекрасного имени славонского? Предатель ты” и т. п. и т. д. Напрасно он защищался: „да, я родился в Славонии и поэтому славонец, но это провинциальное название, а национальное — лишь хорват; вот, в Германии, в королевстве Бавария люди зовутся по стране баварцами, а в национальном смысле они немцы, и так себя и называют”. Но все было напрасно: предатель он и только. В 8-й класс он переведен из загребской семинарии в дьяковскую (в Славонии. — В. Ф.), где стал проповедовать хорватское имя, но много перенес при этом мучений»¹⁹.

V. Этническое родство с сербами провозглашалось лидерами хорватского национального движения основой хорвато-сербского национального единства. Языковые различия между хорватами и словенцами, а тем более болгарями, оставляли меньше возможности для утверждения о едином южнославянском народе, тем не менее эти утверждения имели место. Что же касается хорватов и сербов, то единство территории, языка, в ряде районов — экономики, многих черт народной культуры давало объективные основания для представлений о едином народе, нации²⁰. Даже позднее, в 80-х годах XIX в., когда результаты процесса формирования наций были более явственны, структура этих наций, по замечанию югославского историка, «не была ясна»²¹. Тем более это относится к первым двум третям XIX в. Не могла быть вполне ясной сама тенденция процесса, так как развитие наций (и следовательно, всего, что отличало их друг от друга) и развитие некоторых черт, сближающих эти и без того близкие нации, шло параллельно. Когда же реальное положение заставляло современников признавать национальные различия между южными славянами, то и тогда эти различия ввиду крайней этнической близости хорватов и сербов не представлялись наблюдателям тождественными тем, которые разделяли, например, французов и итальянцев, а тем более югославян и итальянцев.

Так, хорватский статистик и этнограф П. Маткович утверждал, что различия между хорватами и сербами «не национальные», а только по религии и письменности, т. е. являются результатом внешнего влияния²². Известный деятель болгарского освободительного движения Л. Каравелов писал, что хорваты и сербы — братья по происхождению, языку и

¹⁹ F. I v e k o v i ć. Dr Ante Starčević. Značajne crte o njemu. U Zagrebu, 1905, s. 55.

²⁰ В качестве примера можно привести факт из воспоминаний хорватского католического епископа Штросмайера: во времена его детства любимым чтением семьи (отец был торговцем в Осиеке) наряду со знаменитым сборником сербских народных песен В. С. Караджича был «Сатир» — популярное сочинение хорватского писателя XVIII в. славонца М. А. Рельковича. См. T. S m i ć i k l a s. Nacrt života i djela biskupa J. J. Strossmayera. U Zagrebu, 1906, s. 4.

²¹ M. G r o s s. Osnovni problemi pravaške politike 1878—1887. «Historiski zbornik», 1962, XV, s. 94.

²² P. M a t k o v i ć. Hrvatska i Slavonija..., s. 43.

истории, а различие веры не должно мешать «сербохорватам» быть одним народом: «пусть все хорватское станет сербским, а все сербское — хорватским»²³. Н. Г. Чернышевский считал в 1861 г., что «южные австрийские славяне принадлежат к одному племени, разделяются... на два будто бы народа по вере»²⁴.

Но нации являлись качественно новой общностью исторического характера, свойственной эпохе развивающегося капитализма, тогда как констатация хорвато-сербского народного единства базировалась на факте общности языка и происхождения.

Теория национального единства хорватов и сербов в условиях третьей четверти XIX в., когда еще более, чем до 1848 г., стали проявляться результаты процесса развития двух наций, была следствием уже не только (вероятно, не столько) теоретических заблуждений национальных идеологов, но и глубоких общественно-политических интересов буржуазизирующихся слоев, растущей хорватской национальной буржуазии. Эта идеологическая проблема, представляющая особый интерес (теории иллиризма, югославизма, панхорватизма), в основном выходит за рамки данной статьи²⁵. Отметим лишь, что идеологи разных слоев национальной буржуазии так или иначе стремились сплотить население Хорватии, Славонии, Далмации, Военной Границы в единую нацию. Но иллиризм и его наследник югославизм, направленные на подъем национального сознания хорватов, вместе с тем самой идеей южнославянского национального единства, особенно после 1848 г., сдерживали созревание особого хорватского национального сознания. Поэтому т а к о й югославизм противоречил объективному ходу национального развития и либо изменялся, либо отвергался буржуазией.

О том, как после 1848 г. прогрессировало хорватское национальное сознание, свидетельствует выступление литератора Л. Вукотиновича, который в 1857 г. призывал печатать некоторые статьи кириллицей, так как это обеспечило бы поддержку со стороны сербов «литературе хорватской (так мы называем ее)»²⁶. Характерная оговорка! Однако в это время уже имелись последовательные защитники «хорватизма». Таковым был прежде всего публицист Антун Старчевич.

Имеется немало данных об отказе от этнонима «иллиры» и принятии национального названия «хорваты», об изменениях, происходивших в сознании интеллигенции²⁷. Наконец, в 1874 г. «Матица иллирская», издававшая литературу на хорватском языке, стала называться «Хорватской матицей», в связи с чем ее руководитель историк Т. Смичиклас отмечал, что иллирское имя, которое три десятилетия назад было «как бы национальным... теперь весь народ похоронил, и мы не можем воздвигать ему новый храм. Хорватское имя сильнее, оно зовет хорватов под национальное знамя, оно развивает все сознание народа, оно громко проявляется в каждом вздохе народа»²⁸.

²³ «Избранные произведения болгарских революционных демократов», М., 1959, стр. 78.

²⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 474, 475.

²⁵ См. И. И. Лещиловская. Там же; В. И. Фрейдзон. Общественном политической позиция Е. Кватерника. Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. XXX. «Национально-освободительное движение южных славян», 1966; его же. О хорватско-югославизме третьей четверти XIX в. «Материалы IV Межвузовской конференции историков-славистов». Минск, 1969.

²⁶ См. К. Милутиновић. Први покушаји стварања јужнословенског књижевнојезика. «Књижевност и језик», 1958, № 7—8.

²⁷ Например, В. Drechsler. Dr Ante Starčević. Književna studija iz doba absolutizma bachova. «Hrvatsko kololo», knj. VII. Zagreb, 1912, s. 355—408.

²⁸ Т. Смичиклас, F. Marković. Matica hrvatska od godine 1842 do godine 1892. Spomen-knjiga. U Zagrebu, 1892, s. 44.

VI. В годы национального возрождения, а случалось и в 60-е годы термины «хорват» и «серб» еще не имели четкого национального смысла. «Серб» зачастую являлся синонимом православного²⁹, но были и сербы-католики, особенно в тогдашней Далмации (районе Дубровника). Среди хорватов — национальных деятелей Хорватии и Славонии как 40-х, так и 60-х годов имелись и православные. В Боснии и Герцеговине небольшая часть мусульман в последние десятилетия XIX в. признавала себя сербами или хорватами. Случалось, что в зависимости от политической ориентации далматинский «серб» становился «хорватом» (и наоборот), а боснийский мусульманин переходил из одного «лагеря» в другой³⁰. Однако все это не оказывало существенного влияния на характер процесса формирования нации.

В основном национальная поляризация хорватов и сербов была связана с вероисповеданием. С древнейших времен среди хорватов и в Хорватском государстве господствующей религией был католицизм, а среди сербов — православие. Это обстоятельство означало вхождение каждого из народов в разные культурные и политические сферы Европы, наличие у них разных традиций, связей и влияний культурного и политического характера, что в период складывания наций существенным образом сказало на национальной культуре, на мировоззрении и психологии населения. Условия жизни южнославянского населения в средние века, когда принадлежность к определенной церкви была щитом народной самобытности (сербы в Турции и Австрии), а защита религии подчас знаменем освободительного движения, сохранение значительных остатков патриархальщины в XIX в., в эпоху формирования наций, отличия в социальной структуре хорватского и сербского населения, наконец, возникновение национального сербского ядра в полунезависимом княжестве, которое отстаивало свою самостоятельность, находясь рядом с католической Австрией, и т. п. — все это способствовало национальному размежеванию.

Важно и то, что в районах, где формировалось национальное ядро хорватов (вокруг Загреба) и сербов (княжество Сербия и южная Венгрия), южнославянское население различалось не только по целому комплексу исторических традиций, и в том числе по религии (что уже было существенно), но и по экономическим и государственно-политическим интересам и тенденциям обуржуазивающихся слоев.

По мере развития буржуазных связей вширь, сознание национальных различий между хорватами и сербами вносилось буржуазией в народные массы на периферии указанных национальных очагов. У сербов ввиду особенностей истории этого народа и наличия более многочисленной национальной торговой буржуазии национальное сознание развилось раньше и быстрее, чем у хорватов. Большую роль в указанном процессе национальной дифференциации сыграли православная и католическая церкви; стремившиеся сохранить монопольное влияние на население³¹. Религиоз-

²⁹ Например, в 1835 г. А. Трбухович, отставной офицер, писал Л. Гаю: «родом я хорват, а по церкви серб». Письмо написано латиницей. В 1846 г. «сербы» (в данном случае — православные) — торговцы обещали Гаю защищать «нашу славную народность хорватскую». J. H o r v a t, J. R a v l i ć. Pisma pisana Ljudevitu Gaju. «Grada za povijest književnosti hrvatske», knj. 26, Zagreb, 1956, s. 258, 464. Дж. Радакович, житель Хорватии, заявлял в 1860 г.: «Прежде всего я серб, а уж потом хорват». «Godišnjak Historijskog društva Bosne i Hercegovine», IX, Sarajevo, 1958, s. 101. Как видим, «хорват» означало то жителя Хорватии, то национальность.

³⁰ J. Š i d a k, M. G r o s s, I. K a r a m a n, D. Š e p i ć. Povijest hrvatskoga naroda g. 1860—1914. Zagreb, 1968, s. 195.

³¹ В Славонии имелись и католические священники, считавшие себя сербами, но так как, по свидетельству Ф. Ивичевича, сами православные относились к этому с недоумением, они «перешли в хорваты... поп Пая Милер в молодости был сербом, а в более солидном возрасте стал хорватом». F. I v i č e v i ć. Ibid., s. 55.

ные различия как бы освещали все остальные, а религиозная принадлежность стала наиболее чувствительным регулятором процесса национальной дифференциации населения (независимо от места нахождения отдельных лиц). Религиозные различия, таким образом, являлись особым фактором, влиявшим на национальное сознание, и освящали имевшие место общественно-политические различия. Редко встречающаяся в истории национальная дифференциация в основном единоплеменного населения по религиозному признаку постепенно закреплялась. Естественно, что в таких условиях пропаганда своей национальности занимала исключительно большее место в процессе национальной консолидации.

Религия в данном случае не являлась определяющим признаком нации вообще (тем более — вопреки пропаганде клерикалов — она не может им быть сейчас); формирование наций среди южных славян определялось основными общественными закономерностями этого процесса, но религиозная принадлежность стала наиболее явственным, осознанным критерием поляризации населения и стягивания его в две родственные нации³².

В создавшихся условиях субъективный момент — осознание отдельными лицами своей принадлежности к той или иной нации — являлся решающим в процессе национальной дифференциации и консолидации населения значительных территорий.

В связи с таким путем становления хорватской и сербской наций призывы либеральных, а позднее и социалистических кругов к национальному сплочению независимо от религиозной принадлежности (аналогично тому, как это произошло в Германии) здесь не имели успеха. Эти призывы были прогрессивны, но могли привести лишь к сотрудничеству между разными южнославянскими нациями. Ясно, что исторические условия становления наций в южнославянских районах со смешанным населением создавали особую опасность роста клерикализма. Процесс национального развития был сложным и сопровождался возникновением острых проблем, разрешить которые оказалось не под силу хорватской и сербской буржуазии.

VII. Все более последовательное признание национальной самобытности хорватов сторонники югославизма стремились совмещать с пропагандой южнославянского, прежде всего хорватско-сербского сотрудничества и объединения в общем (как иногда прямо указывалось — федеративном) государстве. Поэтому реальное содержание понятия «южнославянская общность» постепенно менялось; в 60-х годах под ним фактически имелась в виду общность наднациональная. Это было прогрессивным завоеванием общественной мысли.

В последние два десятилетия XIX в. хорватское национальное самосознание, которое усиленно культивировалось буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией, утвердилось во всех слоях общества и в самых отдаленных от Загреба районах, населенных югославянами-католиками, говорившими на хорватско-сербском языке.

Этому завершающему периоду развития хорватского национального самосознания было свойственно широкое распространение панхорватской идеологии. В условиях господства идеологии буржуазного национа-

³² Интересно, что сербская нация в южной Венгрии и Среме в середине XIX в. ассимилировала семьи торговцев греческого происхождения. Этому способствовало единство вероисповедания. Хорватская нация, случалось, также ассимилировала некоторых греческих выходцев (например, загребскую купеческую семью Деметр, из которой вышел известный деятель хорватского возрождения) вопреки религиозным различиям. Как видим, религия не являлась при этом абсолютным критерием. О переходе отдельных лиц из одной нации в другую говорилось выше.

лизма торжество национального сознания сопровождалось стремлением части буржуазии навязать это сознание (в борьбе с сербским национальным сознанием и великосербским национализмом) в с е м у населению тогдашних хорватских земель. Это было неизбежной тяжелой издержкой буржуазного национализма и нанесло ущерб интересам национального освобождения. Буржуазия стремилась усилить позиции своей нации среди других народов. Объективной основой разных «объединительных» теорий в конечном счете была заинтересованность буржуазии в консолидации национального рынка. Но уже с 60—70-х годов XIX в. на арену идейно-политической борьбы в Хорватии вступают первые рабочие социалистические организации и в хорватскую общественную жизнь начинает проникать интернационалистская идеология.

VIII. Хорватская нация развивалась в соответствии с общими историческими закономерностями, свойственными этому процессу в Европе вообще: ее формирование началось в эпоху заката феодализма, резко ускорилось и вступило в завершающую стадию после 1848 г. — в период торжества капитализма в Австрийской империи, и в частности в хорватских землях. Этот процесс завершился во второй половине XIX в. Но в данной небольшой статье мы стремились подчеркнуть не эти общие закономерности.

Образование хорватской нации и хорвато-сербская дифференциация в хорватских землях отличались существенными особенностями, не допускающими какого-либо шаблонного подхода со стороны исследователя. Наличие единого языка и значительной общей территории у двух наций, отсутствие сплошной (непрерывной) национальной территории как у хорватов, так и у сербов в Хорватии, Славонии, Далмации и на Военной Границе (как и в Боснии и Герцеговине), слабость экономических связей между некоторыми национальными областями и наличие экономических связей в среде населения, переживавшего процесс дифференциации на две нации, сходство образа жизни народных масс в тех или иных районах, наряду с этим — серьезные различия в общественно-политическом строе южнославянских земель, где создалось ядро обеих наций, различия в политических интересах имущих обуржуазивающихся классов этих земель, в их разнообразных исторических традициях и культуре, в частности в религии, наконец, условия национального гнета в габсбургском многонациональном государстве — все это обусловило своеобразный ход становления нации на территории современной Хорватии.

А. А. ИЛЮШИН

ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ

(на литературном материале XVII века)

Русская литература в допетровскую эпоху не была особенно богата связями с западноевропейскими литературами. Жизнь, культура, взгляды наших соотечественников имели тогда мало общего и редко соприкасались с миром Западной Европы. Но абсолютной изолированности все-таки не было — и в литературе тоже; возникали одни связи, укреплялись и оформлялись другие, разные по своему происхождению, характеру и значению.

Так, на Руси в XVII веке появляются переводы и переделки рыцарских романов — о Бове королевиче, о Бруцзике и другие. Как правило, эти произведения попадали к нам от соседей-славян, через польское и чешское посредство, удобное в том отношении, что у чехов и поляков в силу ряда исторических условий были несравненно более тесные контакты с Германией, Италией, чем у нас. С другой стороны, русская жизнь, политические события в «Московии» привлекали внимание писателей Западной Европы, в частности — далекой Испании. Лопе де Вега, например, написал драму о Смутной эпохе с главным героем Лжедмитрием I¹. Об этом можно было бы не упоминать (приведенный пример — не совсем то, что принято называть литературными связями), если бы и в русской литературе сюжет с самозванцем Гришкой Отрепьевым не получил широкого распространения — и в XVII столетии, и позже — в трагедиях XVIII—XIX веков.

Можно найти случаи генетической близости сюжетов, известных Западной Европе и допетровской Руси. Например, средневековые легенды о докторе Фаусте, послужившие ценным материалом для Гете, сопоставимы с «Повестью о Савве Грудцыне». Это повесть о человеке, продавшем душу дьяволу во имя запретных любовных наслаждений, но ценою подвижничества и последующей праведной жизнью искупившем свою вину. На русскую почву этот сюжет проник, вероятно, через византийское посредство².

Другой характер носят историко-типологические связи. Здесь аналогии могут быть особенно спорными, сходство, зачастую сомнительное,

¹ Об этой драме и о некоторых других проявлениях контактной близости испанской и русской культур см. в кн. М. П. А л е к с е в. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX веков. Л., 1964.

² Рекомендацию основной научной литературы о «Повести о Савве Грудцыне» и других древнерусских памятниках см. в кн.: Н. К. Г у д з и й. История древней русской литературы. М., 1956.

незаметно переходит в отличие, прямых сюжетных соответствий нет. Однако связи эти не фикция, а реальность, анализ их требует большой осторожности, но не окажется безрезультатным, если верно отмечены типологические схождения.

Дон Кихот и протопоп Аввакум... Что между ними общего — кроме того, что и роман Сервантеса и Житие Аввакума написаны в XVII веке (роман — в начале столетия, житие — во второй половине)? Неизмеримо огромное пространство пролегло между «костлявым» и «взбалмошным» рыцарем Печального образа, странствующим по Испании на своем тощем Россинанте, и мятежным протопопом, размышляющим о суете мирской на берегу Байкала. Пространство действительно непреодолимое; Сервантес, больной и полунищий, может быть, и поехал бы в Китай, но, как он сообщает вымышленному посланцу императора китайского, ему «не позволяет здоровье в столь длительное пускаться путешествие». Аввакум же и не глядит на Запад. Русские люди и сибирские «инородцы» — вот его окружение. С европейскими литературами он не знаком, о Сервантесе и его «Дон Кихоте» наверняка не имеет никакого понятия.

В чем же заключается сходство? Аввакум, как и Дон Кихот, рыцарь старой веры, причем странствующий рыцарь. Подвиги, совершаемые обоими, — подвиги старообрядцев, противопоставивших себя новому укладу жизни. Оба — проповедники, страстные и убежденные в правоте своих идей, тот и другой трогательно неправы, искренне заблуждаются в поисках истины и тем большее вызывают сочувствие: они симпатичнее тех «реалистов», убеждения которых исторически перспективны. «Неужели вы, синьор, не понимаете, что польза от Дон-Кихотова здравомыслия не может идти ни в какое сравнение с тем удовольствием, которое доставляют его сумасбродства?» Если не акцентировать снижающе-«потребительский» оттенок слова *удольствие* (*gusto*) в данном контексте, то эта цитата — превосходный эпиграф к Житию Аввакума.

Дон Кихот мечтает воскресить век странствующего рыцарства. Аввакум пытается удержать идеал уходящей старой веры, вытесняемой новшествами патриарха Никона. Оба смотрят назад, в прошлое. Неудивительно, что на их головы падает бесчисленное количество ударов, причем бьющие — представители нового уклада: промышленники, купцы, воеводы, чиновники-администраторы. Следствия этих жестоких побоев — невосстановимые телесные изъяны: отгрызанные пальцы, выбитые зубы, сокрушенные ребра. Далеко не все раны удается залечить с помощью волшебных, чудодейственных лекарств и молитв. Однорукий Сервантес и беспалый Аввакум извели боль таких ран. В их описаниях подозревается не литературная условность, но реальное, физическое ощущение страдания, трагедия измученного тела.

В интереснейшей книге М. М. Бахтина о творчестве Рабле раскрывается глубокий и неожиданный смысл бесчисленных избиений, выпадаемых на долю героев западноевропейской средневековой и ренессансной литературы. Эти избиения исследователь ассоциирует с определенной карнаваловой традицией — ритуалом развенчания шутовского короля. Автор книги не уделяет специального внимания Сервантесу и его «Дон Кихоту», но попутно, в нескольких словах, объясняет сущность образов Дон Кихота и Санчо Пансы в свете своей общей концепции: «Толстое брюхо Санчо („Panza“), его аппетит и жажда в основе своей глубоко карнаваловы... Материализм Санчо — его пузо, аппетит, его обильные испражнения — это абсолютный низ гротескного реализма, это — веселая телесная могила (брюхо, чрево, земля), вырытая для отъединенного, отвлеченного и омертвевшего идеализма Дон Кихота... Это — материально-телесный и всенародный корректив к индивидуальным и отвлеченно-серьезным

претензиям; кроме того, это — народный корректив смеха к односторонней серьезности этих духовных претензий»³.

Итак, Дон Кихот антикарнавален по своей натуре, серьезен, идеалистичен. Избиения же, которым он подвергается, в ряде случаев можно толковать как смеховой карнавальный корректив к его серьезно-одностороннему идеализму.

Столь же антикарнавален Аввакум. Вспомним эпизод из «Жития», когда он выступает против скomoroxов: «Прийдоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и [у] хари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, — одного ушиб, и паки ожил, а другога отпустил в поле». Так Аввакум расправился со скomoroxами, «по Христе ревнуя» и не допуская карнавальных вольностей. Все это имело для него неприятные последствия: «Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу и, много томя, протолкали». Таким образом, притеснивший скomoroxов протопи оказался избит и брошен в реку; его «антикарнавальность» наказана.

Хотя Дон Кихот не стал бы, разумеется, выступать против шутов и скomoroxов — напротив, наслаждался бы их представлениями, — все же его антикарнавальное начало родственно Аввакуму. Характерно, что рыцарь Печального образа по своей внешности, описание которой нет надобности повторять — настолько она всем известна и памятна, — вполне соответствует «эстетическому идеалу» Аввакума. Последний, рассуждая о старой и новой иконописи, восклицал: «Воззри на святые иконы и виждь угодившия богу, како добрые изуграфы подобие их описуют: лице, и руже, и нозе, и вся чувства тончава и измождана от поста, и труда, и всякия им находящия скорби. А вы (никоиане. — А. И.) ныне подобие их переменили, пишете таковых же, якоже вы сами: толстобрюхих, толсторожих и ноги и руки яко стульцы. И у кажного святого, — спаси бог-су вас, выправили вы у них морщины те, у бедных: сами оне в животе своем не догадалися так сделать, как вы их учинили». Аввакуму по душе древние традиции, изможденные и пересеченные морщинами лики святых, иссохшие от поста и трудов тела. Они примерно так же отличаются от гладких, материально плотных и «толстобрюхих» святых новой школы, как костлявый, изможденный Дон Кихот от толстого своего оруженосца с его «карнавальным» аппетитом.

Несомненно противопоставление: с одной стороны — аскетизм главных героев, высокаторжественный стиль их поведения, одержимость, культ самобичевания и самосожжения, с другой же — контрастный мир греховного веселья, кощунственно-карнавальные вольности и непристойности, «толстобрюхие» святые и люди. Одним словом — «толстые» и «тонкие».

Тема «толстых» и «тонких» освещалась в мировой литературе и в искусстве разных времен и народов по-разному. Итоги всего этого в новых и новейших литературах также разнородны: вспомним хотя бы добродушного, вызывающего несомненное сочувствие толстяка Ламме Гудзака из «Уленшпигеля» (Шарль де Костер), героев юмористического рассказа Чехова «Толстый и тонкий», пролетарскую ненависть Маяковского к «жирным» и т. д. На фоне этой разноголосицы яснее проступает сходство между «Дон Кихотом» и сочинениями Аввакума.

Полупризрачная Дульсинея Тобосская, предмет пламенных воздыханий Дон Кихота (в действительности — заурядная крестьянка, в мечтах

³ М. М. Б а х т и н. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965, стр. 27, 28.

рыцаря — идеал красоты), и протопопица Настасья Марковна ничем не похожи друг на друга. Разве тем, что к обеим в трудные, опасные минуты обращаются наши герои за поддержкой: Дон Кихот — следуя традициям странствующего рыцарства, Аввакум — просто как человек, которому трудно. Отметим, что не только западноевропейским рыцарским романам, написанным раньше «Дон Кихота», но и древнерусской литературе известен образ женщины-спасительницы, женщины-избавительницы; здесь в первую очередь следует назвать Февронью из «Жития Петра и Февроньи Муромских».

Особого внимания заслуживает вопрос об отношениях «Дон Кихота» и «Жития» Аввакума к другим литературным произведениям, о принципах «скрещивания», «пересечения», совпадения разных текстов. Для Сервантеса эта проблема весьма существенна. Во второй части своего романа он без конца полемизирует с автором подложной второй части «Дон Кихота», на протяжении почти всего романа писатель ссылается на некоего Сида Ахмета Бен-инхали, вымышленного арабского историка, занимавшегося якобы жизнеописанием Дон Кихота, часто цитирует это жизнеописание (не говоря уже о качественно иных формах обращения к источникам, например — о значительном пародийном элементе — в связи с высмеиванием рыцарских романов). Таким образом, все содержание романа воспринимается не только как нечто созданное одним автором, но и как совокупность фактов, освещаемых разными людьми, а люди эти как бы располагают несопадающими источниками и неодинаковыми правами говорить и писать о Дон Кихоте. Сверх того, сам герой во второй части знает о том, что о его походжениях написана книга (первая часть «Дон Кихота»), эта книга, прославившая рыцаря, известна и другим персонажам, влияет на их отношение к главному герою.

Итак, разные авторы — об одном и том же, причем с «вмешательством» в работу друг друга, вхождением в творческую лабораторию собрата или соперника, в самый текст. Этот художественный принцип одновременного освещения одного объекта разными авторами, принцип взаимного «вмешательства» не безотносителен и к «Житию» Аввакума. Ведь оно написано не столько по самостоятельному почину автора, сколько — сообщает протопоп — «по благословиению отца моего старца Епифания». Инок Епифаний был другом Аввакума и его союзником в пустоозерской тюрьме, вместе с ним был сожжен в земляном срубе. Как и Аввакум, он написал свое «Житие», замечательное во многих отношениях. В «Житии» Епифания описываются события, нашедшие свое частичное отражение в «Житии» Аввакума: например, эпизод усечения и чудесного прирастания языка (речь идет о пытках, выпавших на долю Епифания). Более того: по просьбе Аввакума Епифаний «вмешивается» в текст его «Жития», вносит в него свою приписку. Так, Аввакум рассказывает, что ему однажды пришлось солгать — для того чтобы спасти от смерти людей. Ложь сама по себе греховна, но спасение человеческой жизни — дело доброе и богоугодное, и протопоп раздумывает: прав ли он был, солгав? «Старец да и раб Христов, простите же меня, что я лгал тогда. Каково вам кажется? не велико ли мое согрешение?... буде грехотворно я учинил, и вы меня простите; а буде церковному преданию не противно, ино и так ладно. Вот вам и место оставил: припишите своею рукою»... Кончается эта трогательная просьба вторичным воззванием: «Припиши же что-нибудь, старец». И Епифаний своей рукой приписывает: «Бог да простит тя и благословит в сем веце и в будущем, и подружью твою Анастасию, и дщерь вашу, и весь дом ваш. Добро сотворили есте и праведно. Аминь». После чего Аввакум с легким сердцем благодарит своего друга: «Добро, старец, спаси бог на милостыни. Полно тово».

Ощутимое присутствие в «Дон Кихоте» и в «Житии» Аввакума друг о друга автора, чуждого текста, естественно приводит к постановке вопроса о цитатах и реминисценциях из «Священного писания», занимающих особое место в структуре рассматриваемых произведений. Вообще типология литературных реминисценций — сложная интересная проблема, фактически не изученная ни в теоретическом, ни в историческом плане. Всестороннее ее освещение требует специального исследования. В настоящей статье мы коснемся лишь одной ее детали — применительно к «Дон Кихоту» и «Житию» в связи с реминисцируемыми текстами «Священного писания».

В прологе к первой части «Дон Кихота» Сервантес иронически рассуждает о тягостной для писателя необходимости расцветывать художественные произведения всякого рода латинскими цитатами. Но выход найден: можно пользоваться всем известными цитатами, повод для них несомненно представится. Например, зайдет речь о врагах и о том, как следует к ним относиться, — к услугам писателя слова из нагорной проповеди Христа (Евангелие от Матфея): «Ego autem dico vobis: diligite inimicos vestros», что по-русски означает: «А я говорю вам: любите врагов ваших». Сервантес не скрывает своего иронического отношения к таким приемам, приведенные им евангельские изречения и стихи древнеримских поэтов, якобы приспособленные для использования их в романе, называет латинщиной (*estos latinicos*). Интересно, что и Аввакум в предисловии к своему «Житию» высказывается приблизительно в том же духе: «... виршами философскими не обык речи красить... не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь... Я и не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русского». Здесь же, впрочем, оговоримся: вкрапленные в текст «Жития» цитаты из «Священного писания» на церковно-славянском языке не вносят в произведение Аввакума того «уничижительного» двуязычия, которого не избежал бы писатель-католик, скажем — испанец, пишущий на родном языке и цитирующий евангельские тексты по-латыни. Кстати, не все персонажи романа «Дон Кихот» знают латынь: например, Санчо Панса.

Все это не означает, что Сервантес игнорирует Евангелие, ту же самую знаменитую нагорную проповедь. В ней, в частности, есть слова, хорошо известные всем: «Не мечите бисера перед свиньями, да не попрут его ногами и, оборотясь, не растопчут вас». Здесь конкретные, зримые образы (свиньи, топчущие бисер) имеют глубокий символический смысл. Сервантес в своем «Дон Кихоте» не цитирует этих слов (по-латыни: «*Nec margaritas ante porcos*»), но прибегает к сложнейшей реминисценции, создает сценку, восходящую к приведенному евангельскому изречению и незримо связанную с многими эпизодами в романе. Мы имеем в виду главу LXVIII второй части романа, повествующую «об одном свинском приключении, выпавшем на долю Дон Кихота»: огромное стадо хрюкающих свиней топчет рыцаря... И. С. Тургенев, коснувшийся этой сцены в своей статье «Гамлет и Дон Кихот», отметил такое, казалось бы, несоответствие: во второй части романа, в отличие от первой, нет уже тех бесконечных побед, которым подвергают Дон Кихота его противники. «Во второй части уже не бьют его; но в самом ее конце... незадолго до его смерти, — стадо свиней топчет его ногами. Нам не однажды довелось слышать укоры Сервантесу — зачем он это написал, как бы повторяя старые, уже брошенные шутки; но и тут Сервантесом руководил инстинкт гения — и в самом этом безобразном приключении лежит глубокий смысл. По пира н и е с в и н ы м и н о г а м и встречается всегда в жизни Дон Кихотов — именно перед ее концом; это последняя дань, которую они должны заплатить грубой случайности, равнодушному и дерзкому не-

п о н и м а н и ю»⁴ (разрядка моя. — А. И.). Уже из того, какие слова, какие выражения подбирает Тургенев, рассуждая об этой сцене, видно, что он ассоциирует ее с евангельским изречением о свиньях, хотя он, как и Сервантес, избегает цитаты из нагорной проповеди.

Действительно, Дон Кихот часто «мечет бисер» перед теми, кто впоследствии платит ему за это черной неблагодарностью. Так, он спасает от галер каторжников, а они, освободившись с его помощью, его же избивают. Он заступается за мальчика, обиженного зажиточным хозяином, а мальчик, спустя значительное время, когда он снова встречается с Дон Кихотом, находит случай упрекнуть рыцаря. Он, наконец, «мечет бисер» перед насмешниками, провоцирующими его безумства, которые их развлекают. И вот одна из последних глав символически обобщает все конфликты между напрасным благородством героя и неблагодарностью окружающих: «метавшего бисер» топчут свиньи.

Но Сервантес искусно завуалировал эту реминисценцию. Мало того, что он отказался от соответствующей цитаты — он в главе о свиньях вкладывает в уста Дон Кихота совсем другое библейское изречение, не имеющее отношения к основному эпизоду: «Post tenebras spero lucem» — «После мрака на свет уповаю», из книги Иова. К тому же, сами попирающие героя свиньи воспринимаются им как «кара небес, постигающая побежденного странствующего рыцаря», а вовсе не как символическое явление свинской неблагодарности.

Нечто похожее есть и у Аввакума, самоотверженное благородство которого не только не вознаграждается, но и озлобляет его мучителей. Воевода Пашков Аввакума все время бьет и «бранит... вместо благодарения». Слишком поздно Пашкову пришлось сознаться: «Согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопа бил». До этого он неустанно попирает «бисер» истины и благородства, предлагаемый Аввакумом. Но последний, так же как и Дон Кихот, в самых тяжелых и обидных испытаниях усматривает не столько «свинскую» неблагодарность своего мучителя, сколько волю неба, с которой он однажды решается даже спорить, однако, убоявшись собственной кощунственной дерзости, кается «перед владыкою». Естественно поэтому, что Аввакум не вспоминает здесь уместных и ожидаемых слов «не мечите бисера...», а ссылается по другому поводу на книгу Иова. Таким образом, и в «Дон Кихоте» и в «Житии» евангельские свиньи и бисер спрятаны в подтекст, а «вместо» них упоминается книга Иова. Совпадение, конечно, в значительной мере случайное, но показательное и заслуживающее внимания как частное проявление закономерности.

В древнерусской литературе цитаты из «Священного писания» имели особое, вполне определенное значение. Ими подтверждались какие-либо общие идеи, рассуждения автора, подчеркивалась высшая разумность или же, наоборот, греховность тех или иных поступков, совершаемых персонажами. Эти цитаты были уместны в отвлеченно-символических композициях, в атмосфере всевозможных абстракций, в мире бесплотной и обескровленной образности. Такой принцип цитации известен и Аввакуму, широко им применяется, — но не только такой! Аввакум, в чем его заслуга и новаторство, создает образы живых людей, с плотью и кровью, с окружающим их реальным бытом, стихия хаотического «натурализма» подавляет в «Житии» традиционные элементы схематизма и догмы. И «слово божие», исходящее из уст аввакумовских персонажей, ссылающихся на «Священное писание», качественно отлично от цитат, которыми перегружены некоторые произведения древнерусской литературы. Цитата в «Житии» — не просто чужое изречение, которое уместно вспомнить по

⁴ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 11, М., 1956, стр. 184.

данному поводу, но и способ характеристики героя, раскрывающего в цитировании свою индивидуальность.

Приведем один лишь пример. Аввакум, обремененный семьей, усомнился: может ли, имеет ли он право продолжать свои опасные проповеди, идти навстречу дальнейшим гонениям, подвергая риску семью. Об этом происходит у него разговор с протопопией: «Жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорить ли мне или молчать? связали вы меня. — Она же мне говорит: господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь? слыхала я — ты же читал — апостольскую речь: «привязался еси жене, не ищи разрешения; егда отретишися, тогда не ищи жены»... Она благоговяет мужа и детей, призывает его идти в церковь и обличать «блудню еретическую».

Настасья Марковна цитирует первое Послание апостола Павла к коринфянам. Как проявляется при этом ее индивидуальность, ее характер? Во-первых, ясно, что Послания апостолов, как, вероятно, и другие книги Нового завета, она изучала не самостоятельно, а «слыхала», как читал ее муж; во-вторых, она мыслит не логично, а эмоционально, «по-женски»: ведь слова апостола Павла в данном случае не совсем уместны, хотя они и успокоили Аввакума. Неуместны — потому что протопопа волнует совсем другое: не будет ли плохо его семье, если он продолжит свою деятельность. (Отметим попутно, что у Сервантеса Санчо Панса в разговорах с Дон Кихотом часто неуместно пользуется пословицами.)

Цитаты из «Священного писания», — пишет Н. К. Гудзий, — «не только приводятся Аввакумом для аргументации и иллюстрации тех или иных его высказываний, но часто влагаются и в уста персонажей». Для западноевропейских литератур XVII века этот прием не нов. Как мы видели, в «Дон Кихоте» он применяется (книгу Иова цитирует не автор, а персонаж). Еще раньше герои Рабле, «достопадные пьяницы и досточтимые венерики», ловко перекидывались в разговорах друг с другом цитатами из «Священного писания», так что на фоне общеевропейских достижений именно этот прием у Сервантеса вряд ли можно назвать новаторским. Другое дело — Аввакум. Русская литература до него ничего подобного не знала. Но так или иначе, помимо отмеченных типологических совпадений в этом плане у Сервантеса и Аввакума, хотелось бы подчеркнуть, что и тот и другой — каждый на своем уровне, соотносительном с их литературными предшественниками, — пришли к совершенно новому, необычному использованию — цитированию и реминисцированию — текстов «Священного писания».

Интересно, что кроме этих текстов Аввакум цитирует также изречения Магомета. Его познания не ограничиваются рамками христианской культуры, для него реально существует «проблема Востока», воинствующего, антихристианского: здесь и мусульманское вероучение, и нравы дикарей-язычников, сибирских инородцев, с которыми Аввакуму пришлось сталкиваться.

«Проблему Востока» по-своему решает и Сервантес в «Дон Кихоте». Для XVII века это вообще характерно: в разных европейских, в частности славянских литературах, отразились исторические конфликты между двумя мирами — христианской Европой и мусульманским Востоком. Сервантес, например, приобщился к этим конфликтам еще в XVI столетии, в битве при Лепанто (1571 г.) между испано-венецианским флотом и турецким. Это, кстати, был примерно тот период, когда тема «Европа и Восток» кристаллизовалась в творчестве Торкватто Тассо: его «Освобожденном Иерусалиме» и «Завоеванном Иерусалиме». Тассо оказал огромное воздействие на писателей позднего славянского Возрождения, столкнувшихся в XVII веке с новыми событиями в истории отношений

Запада и Востока, такими, например, как Хотинская битва между славянами и турками (1621 г.). На этом историческом материале выросла эпическая поэма дубровницкого поэта Ивана Гундулича «Осман» (напомним здесь, что многие достижения западноевропейских литератур становились известными славянской культуре через посредство Дубровника), эпопея «Хотинская война», созданная Вацлавом Потоцким, творчество которого формировалось в атмосфере польского барокко, повлиявшего на образование аналогичного литературного направления у восточных славян: вспомним хотя бы барочные вирши лично знакомого с польскими поэтами гетмана Мазепы, в которых упоминаются турки как возможные хозяева Украины...

Не будем искать место «Дон Кихота» вблизи исходной и «Жития» Аввакума — вблизи конечной точек движения этой международной литературной волны. Даже если признать правомерность выделения самостоятельного историко-литературного периода в Европе с конца XVI по начало XVIII века, имея в виду особую специфику решения европейско-восточных проблем, характерную для данной эпохи, — все равно такая постановка вопроса была бы слишком искусственной. Творчество Аввакума, например, ничего общего не имеет с традициями барокко, на языке которого нередко писали славяне со второй половины XVII века о турецкой экспансии. И в «Дон Кихоте» и в «Житии» так называемая проблема Востока звучит приглушенно, находится не в центре внимания авторов, но решается во многом сходно.

Испания издавна враждовала с арабами, маврами. Многие обстоятельства этой вражды нашли отражение в испанских народных романах о Сиде, восходящих к древнему эпосу «Poema del Sid» XII века. В этих романах столкновения между испанцами и восточными завоевателями показаны как борьба двух откровенно-враждующих сил: здесь нет никаких уступок, никакой терпимости. То же самое — в литературных произведениях XVI—XVII веков, созданных европейскими писателями по другому поводу, но затрагивающих ту же проблему борьбы Запада и Востока. «Дон Кихот» отчасти сливается с этим общеевропейским фоном и отчасти продолжает древнюю национальную традицию: «арабы — злейшие враги наши», — пишет Сервантес. Арабский историк Сид Ахмет Бен-Ихали, написавший историю Дон Кихота, — не просто автор интереснейшего жизнеописания, но «собака-автор» («galgo de su autor»). Сиду Ахмету можно якобы верить лишь постольку, поскольку он восхваляет Дон Кихота, будучи врагом испанцев, склонным скорее не к преувеличению, а к приуменьшению их блестящих достоинств. Но интонации этих оговорок иронические. Не очень верится, что Сервантес так уж ненавидит арабов. К тому же, историк Сид Ахмет назван премудрым, его свидетельства, вопреки всем оговоркам, признаны единственно авторитетными, Сервантес во всем за ним следует, не считая это предосудительным или недостойным...

Если Испанию завоевали арабы, то Русь пережила татаро-монгольское иго. Борьба русского народа с восточными поработителями отражена в произведениях нашей древней литературы, многие из них, по-видимому, известны Аввакуму. Разумеется, он несочувственно цитирует изречение «татарского бога Магмета»: «Непокарающихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». Не Христу, а Магомету, считает Аввакум, подражают никониане, творящие насилие над сторонниками старой веры. Но сам он мечтает о крутой расправе с «собаками»-никонианами, склоняет царя к тому, чтобы казнить их, сжечь. Он обещает своим врагам: «Дайте только срок — я вам и лутчему тому ступлю на горло о Христе Иусе»; «Не уйдете от меня; надеюсь на Христа, яко будете

у́ меня в руках, выдавлю я из вас сок-от!». Эта надежда на Христа звучит на деле реабилитацией насилия, проповедуемого Магометом, богом «турским» и «татарским». Итак, в сочинениях Аввакума, как и в «Дон Кихоте», декларативное отталкивание от восточной культуры местами оборачивается фактическим ее признанием, «совпадением» с ней. Общий язык Аввакуму удастся найти и с сибирскими инородцами-язычниками, беспощадно губившими христиан: «Паки на Иртыше реке собрание их стоит: ждут березовских наших с дощеником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал; оне с луками и обскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, што с чернецами, а сам говорю: Христос со мною, а с вами той же! И они до меня и добры стали и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ним лицемеритца, как в мире леть совершаетца; и бабы удобрились. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стали... Приехав в Тоболеск, сказываю; ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкирцы с татарами воевали тогда. А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехал посреде их».

Историко-типологическое сравнение «Дон Кихота» с сочинениями протопопа Аввакума убеждает в следующем: несмотря на все несходство в художественной структуре, в жанре, в самом типе этих произведений, в них все-таки обнаруживается много общего, сходного, причем в самых разных аспектах. Так, глубоко родственны центральные герои этих произведений, совпадают решения двумя писателями ряда важных проблем, и среди художественных принципов, которыми руководствуются Сервантес и Аввакум, есть общие для обоих принципы.

Т. А. ИВАНОВА

ЕЩЕ РАЗ О «РУССКИХ ПИСЬМЕНАХ»

(К 1100-летию со дня смерти Константина-Кирилла)

Более ста лет продолжается спор о том, что представляли собой «русские письмена», какими были написаны евангелие и псалтырь, найденные Константином Философом в Корсуне: открыты же тоу евангелие и Псалтырь. Русскими писменами писано, и чювства шьрѣтъ глаголюща тоу вестѣю, и вестѣю съ нимъ, и емоу рѣчи прѣимъ, своен вестѣтъ прикладаа различнаа писмена, гласнаа и съгласнаа, и къ богоу молитвоу творѣа, къ скорѣ начатъ чести и сказати, и мнози съ емоу диклахоу, бога хвалаще¹. В других списках имеется: русским писменем и русскими писменъ².

Многие авторы, придерживающиеся мнения, что у славян существовала письменность до Кирилла и Мефодия, используют это сообщение VIII главы Жития Кирилла и определяют «русские» в смысле «восточнославянские». Ср., например, следующее высказывание П. Я. Черных: «Естественно думать, что корсунские книги были написаны не только русскими буквами, но и на древнерусском языке. Это подтверждается дальнейшим рассказом Жития о том, что Константин научился читать эти книги очень скоро, так что его спутникам — грекам — показалось, будто произошло великое чудо. На самом деле никакого чуда не было;... Константин (Кирилл) и его брат Мефодий были македонскими славянами и говорили на языке, очень близком к древнерусскому»³.

Однако вряд ли такое объяснение верно. Многие ученые (Ц. Тодоров, И. Гошев, В. Ф. Мареш и др.) встретили эту точку зрения критически, и мы уже имели случай признать справедливой и вполне убедительной аргументацию их замечаний⁴.

Вопрос о том, можно ли считать славянскими так называемые «русские письмена», упомянутые в пространном Житии Константина-Кирилла, был поставлен перед учеными в 1963 г. на V съезде славистов в Софии (вопрос № 16). Лишь один Е. Георгиев ответил на него положительно⁵.

¹ П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 12.

² Там же, стр. 49.

³ П. Я. Черных. Язык и письмо. «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 131.

⁴ Т. А. Иванова. Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие (1950—1960). «Известия АН СССР», Серия лит-ры и языка, т. XXII, вып. 2, 1963, стр. 132.

⁵ Славянска филология, т. II. Отговори на въпросите за научната анкета по литературознание. София, 1963, стр. 68—69.

Снова к этому вопросу он вернулся в статье «За начало то на българската и славянската писменост», в третьем разделе которой привел интересный, разнообразный, но, к сожалению, не вполне достоверный материал о народе, который греки называли именем Ῥῶς. Народ этот, пишет Е. Георгиев, по указанию разных источников, был крещен при византийском императоре Василии Македонце, имел у себя «епископа и пастыря» и, следовательно, нуждался в богослужебных книгах, евангелии и псалтыри. Более того, в «Подробном повествовании о том, как был крещен русский народ», впервые изданном в первой половине XVIII в. Ансельмом Бандури, сообщается, что два греческих миссионера, Кирилл и Афанасий, люди, «добродетельные, умные и ученые», сочли 24 греческих буквы недостаточными для росов и «дали им 35 и по тем их учили»⁶.

Все эти сведения представляются Е. Георгиеву вполне достаточными, чтобы не вызвать больше сомнения в том, что «росьское» письмо евангелия и псалтыри, найденных Кириллом в Корсуне, было письмом «росов», т. е. восточных славян, так как греки именем Ῥῶς называли, с точки зрения Е. Георгиева, именно их, а не какой-либо другой народ. Это, довольно произвольное, отождествление «росов» Фотия и других греческих авторов с обладателями «росьского» письма из Жития Кирилла позволяет Е. Георгиеву не только сделать далеко идущие выводы о наличии в докирилловский период у восточных славян письменности, но и противопоставить приверженцам готской теории «новый сокрушительный аргумент»: корсунские евангелие и псалтырь не могут быть готским переводом епископа Вульфилы, так как готы были крещены задолго до второй половины IX в., а «росы», по Фотию, были язычниками, недавно принявшими христианство⁷.

Однако этот аргумент мог бы иметь «сокрушительную силу», если нет сомнений в том, что «росы» — это действительно восточные славяне. Но такие сомнения были, есть и будут. При настоящем состоянии исторических источников возможны и другие решения этого вопроса. Так, например, Я. Отрембский в статье, посвященной слову *Rusь*, утверждает, что греки именем Ῥῶς называли не славян, а варягов-норманов, а поэтому даже их язык назван «русским» — Ῥωσικῆ, как у Константина Порфирородного. Но вместе с тем Я. Отрембский не считает имя *Rusь* скандинавским по происхождению⁸. Г. Б. Акопов также высказывает сомнение относительно «варяжского» происхождения термина «рус», и на другом материале показывает, что древние авторы этим словом называли разные народы, которые они нередко противопоставляли славянам⁹. Поэтому, безусловно, прав был А. И. Соболевский, когда писал Н. К. Никольскому о его работе, посвященной «русским письменам»: «...горе в том, что слова *русьскъ* и *Rusь* в течение всего домонгольского периода в разных местах Европы имели разные значения»¹⁰.

Но не только это отождествление «росов» с восточными славянами ошибочно в построениях Е. Георгиева. Его теория о том, что «росьский» письмен — это докирилловское славянское письмо, становится совершенно несостоятельной, если признать (как это делает и на что ссылается в своей статье сам Е. Георгиев) достоверным сообщением разных источников о том, что «росы» были крещены при Василии Македонце. Последний, как

⁶ Е. Георгиев. За начало то на българската и славянската писменост. «Език и литература», год. XXI, № 1, 1966, стр. 64.

⁷ Там же, стр. 65.

⁸ J. O t r e m b s k i. Noch einmal über *Rusь*. «Die Welt der Slaven», Bd. IX. 1—2, 1966.

⁹ Г. Б. А к о п о в. Этимология названия «рус» в свете теории этнической консолидации. «Вестник общественных наук АН Арм. ССР», 1967, № 6, стр. 89—101.

¹⁰ Архив АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 247, оп. 3, д. 376, л. 37.

известно, был императором Византии в 867—886 гг., т. е. после Михаила III (842—867), в царствование которого Константин Философ был послан сначала в хозарскую миссию (861 г.), а затем и в славянскую (863 г.). Следовательно, корсунские евангелие и псалтырь не могли принадлежать народу, в то время еще языческому.

Таким образом, новая попытка доказать, что *русские* писмена — это славянская докирилловская азбука, представляется неубедительной.

В 1924 г. Г. А. Ильинский высказал предположение, что чтение *русьскими писменами* возникло в результате простого искажения при переписке первоначального *франкскими > проушскими > роушскими*, т. е. «русские» следует понимать в смысле франкские, или готские. «Малые причины вызывают большие последствия, — писал в заключение Г. А. Ильинский, — и в данном случае ничтожное само по себе орфографическое недоразумение явилось причиной возникновения целой легенды о русских евангелии и псалтыри в Херсонесе Таврическом в самой середине IX в.»¹¹. О том, что такие искажения вполне вероятны, писал А. Вайан, обративший внимание на то, что в XVI главе Жития Кирилла вместо обычного *соури* имеется в ряде списков *рзи*¹². Эта форма, вероятно, с непреднамеренной перестановкой букв послужила А. Вайану одним из оснований созданной им и развитой Р. Якобсоном теории, о том, что под «русским» письмом следует понимать «сирийское» письмо¹³. В дальнейшем В. Ф. Мареш, признав точку зрения Вайана — Якобсона «наиправдоподобнейшей», привел и другие примеры подобных искажений. Так, при переводе лат. «*Quod enim graece angelus, hoc latine nuntius dicitur*» в Беседах папы Григория Великого в рукописи XIII в. имеется: *еже ко по грьцкѡу ангѡлъ, то по роумскѡу гѡлѡ наречѡтъ сѡ*, но в рукописи XVII в. уже читается: *а по роускѡму гѡлѡ нарицѡтъ сѡ*¹⁴.

В настоящее время, когда опубликована еще одна переработка «Сказания о писменах» Храбра, недавно обнаруженная в Музее сербской церкви в Сборнике из коллекции Радослава Груича под № 219, следует согласиться с автором публикации Б. Стипчевич, что гипотеза Вайана — Якобсона находит в открытой ею рукописи дополнительное подтверждение¹⁵. Данная рукопись, как и другая переработка «Сказания» Храбра из Берлинского сборника, впервые опубликованная В. Караджичем в 1857 г., содержит форму *роусомѡ* вместо обычной формы *асирѡмѡ*, *асуриѡмѡ*¹⁶, т. е. «сирийцам», в других списках «Сказания»: *Персомѡ* и *Халдеѡмѡ*, *Роусомѡ* *дѡс(тѡ)* звездочатие. Особенно важно для решения вопроса о *роуцкыхъ* (*роушкыхъ*) евангелии и псалтыри то, что в этой переделке «Сказания» язык, на котором говорил Адам, назван не «сирийским», как во всех других списках, а *роушскимъ*: *нес(тѡ) Б(ог)ѡ створилѡ жидовскихъ, ни роуменскихъ, елииска, ноу роушскимъ езикомъ Ѳд(а)мѡ г(лаго)лѡ*.

Если в отношении «*русских*» («*рушских*», «*росских*») евангелии и псалтыри с большей или меньшей долей вероятности можно предполагать все

¹¹ Г. А. Ильинский. Один эпизод из корсунского периода жизни Константина Философа. «Slavia», г. III, seš. I, 1924, s. 64.

¹² И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. «Исследования по русскому языку», т. I, СПб., 1895, стр. 291.

¹³ A. Vaillant. Les «lettres russes» de la Vie de Constantin, — «Revue des études slaves», t. 15, 1—2, Paris, 1935. См. также: R. Jakobson. Saint Constantin et la langue syriaque. «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», t. 7. New York, 1939—1944.

¹⁴ Славянска филология, т. II. Отговори на въпросите за научната анкета по литературознание. София, 1963, стр. 69.

¹⁵ B. Stipčević. Marčanska varijanta «Skazanja o sloveseh» Crnoriska Hrabra «Slovo», t. 14. Zagreb, 1964, s. 52—57.

¹⁶ К. М. Куев. Черноризец Храбр. София, 1967, стр. 190, 193, 196 и др.

что угодно, то в отношении языка, на котором говорил библейский Адам, этого сделать нельзя: по преданию, которым воспользовался Храбр, он говорил на *сирийском*, а не на древнерусском, готском или ином языке.

О том, что язык корсунских книг действительно мог быть одним из древнесемитских языков, косвенно свидетельствует содержание VIII главы Жития, предшествующее сообщению об обретении Кириллом в Корсуне «русских» евангелия и псалтыри. Из этой главы мы узнаем, что, придя в Корсунь, Константин Философ вначале научи сѧ тоу жидовскѣи вѣстѣи и книгѣмъ, затем он встретился там с неким самаритянином, который принес ему самаренскы книги, и Константин вскоре отъ бога разоумъ приимъ, чѣсти нача книги бѣс порока, и только после этого обрѣте тоу евангелие и псалтыря русскымаи писмены писано¹⁷. Таким образом, «русский» оказывается в одном ряду с древнееврейским и самаритянским.

Кроме того, Константину, чтобы научиться читать «русские» книги, пришлось усвоить различіе писмена, гласнаа и сѧгласнаа, т. е. такой алфавит, который отличался от греческого в передаче гласных и согласных, что и было характерно для древнеарамейских алфавитов, передававших гласные системой различных значков¹⁸. Сирийский же алфавит, имевший эту характерную особенность древнеарамейских алфавитов, вместе с тем, по начертанию букв существенно отличался от древнееврейского и самаритянского (разновидности древнееврейского) алфавитов. Однако Константин, уже читавший древнееврейские и самаритянские книги, конечно, мог без особого труда усвоить и сирийский алфавит, тем более, что содержание книг, которые он читал (евангелие и псалтырь), было ему более чем хорошо известно. Тем более, что сирийский язык, на котором они были написаны, был близок к языку, которым Константин владел в совершенстве. Как сообщает В. Кипарский, ссылаясь на финских ориенталистов А. Салонена и Ю. Аро, в IX в. разница между еврейским и сирийским языками была незначительной, приблизительно такой же, как между современным шведским и исландским или немецким и голландским. В связи с этим весьма показателен тот эксперимент, о котором пишет В. Кипарский: «Я сам хорошо знаю немецкий и шведский языки, но никогда не занимался специально ни голландским, ни исландским. И вот, взяв сперва голландскую, потом исландскую газету, я убедился, что при помощи немецкого и шведского без всякой подготовки (грамматики, словаря и т. п.) понимаю суть голландской и исландской передовиц. Ручаюсь, что «вскоре», не позже чем через неделю я бы при известном усердии научился читать и понимать свободно и по-голландски и по-исландски, а ведь Кирилл был, несомненно, гораздо способнее меня. Таким образом, если Кирилл хорошо знал еврейский (а он не только хорошо знал, но даже составил еврейскую «грамматику в восьми частях»...), то он понимал суть сирийских текстов без всякой подготовки, а через недели две мог научиться читать их свободно и даже болтать по-сирийски»¹⁹. Следовательно, тот скептический взгляд некоторых ученых, что Константин не мог *кзкорѣ* научиться читать и понимать евангелие и псалтырь, написанные русскымаи писмены, если это письмо не было славянским, не имеет достаточных оснований.

Все вышеизложенное позволяет признать гипотезу А. Вайана о «русском»—*сирийском* письме корсунских книг наиболее убедительной.

¹⁷ П. А. Л а в р о в. Указ. соч., стр. 11—12.

¹⁸ И. Г о ш е в. С какво писмо са били написани двете книги, които създателят на славянското писмо намерил в Херсон. «Език и литература», год. XIII, 4, 1958, стр. 249.

¹⁹ В. К и п а р с к и й. О происхождении глаголицы. «Климент Охридски. Материали за неговото чествуване по случай 1050 години от смъртта му». София, 1968, стр. 95.

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

1. *битов*

От глагола *byti* еще на праславянской почве образовался deverbати́в *bytъ*, исконное значение которого с полной уверенностью восстановить трудно. В современных славянских языках он является носителем многих конкретных и абстрактных значений. Возможно, что его исконным значением было 'имущество, добро, хозяйство'¹. В дальнейшем из этого конкретного значения могли развиваться различные конкретные и абстрактные значения (ср. в чешском *být* 'жилище, квартира' в польском — 'бытие, существование, жизнь', в русском — 'общий уклад жизни', в сербохорватском 'суть, сущность' и т. д.).

Кроме образования мужского рода, был еще известен deverbати́в среднего рода — *byto*. В свое время Ф. И. Буслаев привел древние примеры подобного образования: «не дорого пито, да дорого *быто*», «изборяне грабиша *бито* московское и псковское»².

Deverbати́в *bytъ* еще на праславянской почве был осложнен различными префиксальными и суффиксальными образованиями: ср., например, польск. *pobyt*, *przebyt*, *nabytek*, болг. *добитѣк*, серб.-хорв. *битак*, словен. *bitak* и мн. др. В некоторых славянских языках (например, в украинском) встречаются образования только подобного типа.

От существительного *bytъ* были образованы прилагательные *bytъnъ*, *bytъnъjъ* и *bytovъ*, *bytovъjъ*. Есть основания полагать, что образования типа *bytъnъ*, *bytъnъjъ* более древние. Они, как правило, свойственны диалектной речи, в которой употребляются в старых и конкретных значениях; ср. в псковском диалекте — *бытнбй* 'жирный, здоровый'³. Прилагательное *bytovъ*, *bytovъjъ* являлось носителем абстрактных значений.

Болгарский язык принадлежит к тем славянским языкам, которые не знали deverbати́ва *bytъ*, не осложненного различными аффиксами. Современный литературный язык имеет существительное *бит* (ср. *селски бит*, *народен бит*, *градски бит*, *домашен бит*), но его русский источник не вызывает сомнений. Это слово не фиксируется словарями И. Богорова, А. Л. Дювернуа, Н. Герова. Не отмечают эти словари и прилагательного *битов*, которое в современном языке получило широкое распространение. Оно представлено почти во всех современных толковых и двуязычных сло-

¹ См. В. В. Виноградов. Из истории лексических взаимоотношений русских говоров и литературного языка. «Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка», вып. 5, М.—Л., 1949, стр. 97.

² Ф. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Этимология. Изд. 3. М., 1868, стр. 115.

³ «Дополнение к Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1858, стр. 16.

варях. В трехтомном толковом словаре под редакцией акад. С. Романского читаем: «*б и т о в*, -а, -о, прил. Който се отнася до бита, до начина на живота. *Битови условия. Културно-битово строителство.* || Който отразява народния бит; жанров. *Битови разкази и повести.* □ *Битово разложение* — прояви, противни на установената нравственност; разврат»⁴. В однотомном толковом словаре семантика слова характеризуется лаконичнее: *б и т о в* прил. Който се отнася до бита. *Битови особености. Битови песни*»⁵. В словаре акад. С. Младенова особо подчеркивается значение 'жанровый': *битова живопис, битови образи*»⁶.

Аналогично определяется значение прилагательного *битов* двуязычными словарями: «*б и т о в* adi. dotyczący bytu, bytowy, życiowy, obyczajowy, -и условия warunki bytowe, warunki materialne; -о разложение zepsucie obyczajów»⁷.

Прилагательное *битовой* в русском литературном языке утверждается в 30—40-е годы XIX в. Оно уже отмечено, например, в текстах В. Г. Белинского. «В период расцвета натуральной школы в 30—40-е годы XIX в. слово *бит* и производное от него *битовой* становятся боевыми словами реализма»⁸. Как свидетельствует Ю. С. Сорокин, первым словарем, зарегистрировавшим слово *битовой*, был знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863—1866). В этом словаре еще не дифференцируются прилагательные *битовой* и *битный*. В «Полном филологическом словаре русского языка» А. И. Орлова (т. I, СПб., 1884) «прилагательные *битный* и *битовой* уже семантически и стилистически разделены. *Битный* отмечено там как областное (псковское) слово с конкретным значением 'жирный, здоровый, плотный', *битовой* как относительное прилагательное к *бит* (с сочетаниями „битовое описание какой-либо страны, битовое отношение соседей“)»⁹. Во второй половине XIX в. прилагательное *битовой* широко употребляется в научном и публицистическом языке. Именно в это время формируется большинство тех устойчивых словосочетаний с этим прилагательным, которые хорошо известны и современному русскому литературному языку.

Из русского публицистического языка прилагательное *битовой* в 60—70-годы XIX в. перешло в болгарский литературный язык. Одно из ранних свидетельств употребления этого прилагательного в болгарском языке находим у Х. Ботева: «Сходството на *битовите* черти не малко е способствовало да са смесят различни варварски племена под едно общо име»¹⁰. Примечательно, что в это время прилагательное *битов* требовало пояснения. Слово было мало понятно. В сборнике «Сокол» (кн. 1, 1875, стр. 159) читаем: «Но различни събития, които изменили *битовите* (род-

⁴ «Речник на съвременния български книжовен език», т. I, А — К. Гл. редактор С. Романски. София, 1955, стр. 61.

⁵ Л. Андрейчин, Л. Георгиев, С. Илчев, Н. Костов, И. Лекков, С. Стойков, Ц. Тодоров. Български тълковен речник. София, 1955, стр. 36.

⁶ С. Младенов. Български тълковен речник с оглед към народните говори. т. I, А — К. София, 1951, стр. 150.

⁷ F. Słowski. Podręczny słownik bułgarsko-polski. Warszawa, 1963, s. 43.

⁸ В. Виноградов. Указ. соч., стр. 99.

⁹ Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965, стр. 278. В примечании Сорокин пишет, что «в этом значении и с отнесением к псковским говорам отмечено в Опытте 1852» Речь идет об «Опыте областного великорусского словаря», изданного Вторым отделением Академии наук. В Опытте этого слова нет. Оно имеется в «Дополнении» к Опытту, изданном в 1858 г. Однако нет сомнения в том, что А. И. Орлов взял его из словаря В. И. Даля. Об этом свидетельствуют приводимые значения.

¹⁰ С. Божков, З. Генadieva. Речник на езика на Христо Ботев, т. 1, А—К. София, 1960, стр. 66.

свенните) отношения на славяните, и влиянието на времето са останали причина...». Нельзя сказать, что указанное разъяснение является удачным.

К концу XIX в. прилагательное *битов* уже получает все права гражданства. Оно встречается в языке газет, в публицистических сочинениях, в научных трудах. Следует, однако, обратить внимание на то, что оно функционирует почти всегда в тех же самых словосочетаниях, что и в русском языке конца XIX в. Из русского же языка взяты и новообразования того времени: *битописание*, *битописател*, *битописателство* и др. Уже в советское время получает распространение специальный термин *битовизъм* 'чрезмерное увлечение старым народным бытом'. В русском языке оно возникло после революции «для обозначения натуралистической манеры изображения быта или излишней обремененности литературного произведения бытовыми подробностями»¹¹. Значительное распространение *битовизъм* и новое прилагательное *битовистичен* получают после 1944 г. Ср.: «За Елин Пелин действително може да се каже, че той решително преодоля *битовизма* в съвременната му белетристика» («Септември», 1954, кн. 12); «Нашата драматическа литература... чака не гайтанчетата на потурите и само омаслената риза, а прероденото [на герой] сърце. Не *битовизма*, а новия бит» («Народна култура», 1958); «Музиката на Пипков с съдържателна и образа. Тя извира от дълбините на народната ни лесен с нейната особена мелодика, без обаче да бъде *битовистична*» («Вечерни новини», 1961).

Следует обратить внимание на то, что русизм *битов* в XX в., уже на болгарской почве претерпел некоторое смещение семантических границ. Получило развитие то значение, которое в русском языке играло подчиненную роль, занимало периферийную часть семантического поля. Речь идет о значении 'относящийся к описанию народного быта, жанровый'. На основе соответствующих русских оборотов в болгарском появились *битова повест*, *битов роман*, *битови пиеси*, *битова комедия*, *битови образи от фламандската школа*, *битова живопис*, *битови теми* и мн. др. На основе данного значения в болгарском получило особое развитие значение 'народный, этнографический, характеризующий старый крестьянский уклад жизни'. Так появились в болгарском *битова култура*, *битова хигиена*, *битови особености на района*, *битова керамика*, *битова уредба*, *битов отдел на музея*, *битови песни*, *битов български стил* и др. В русском в соответствующих словосочетаниях прилагательное *битовой* уже не употребляется. Здесь эквивалентом будут прилагательные *народный*, *этнографический*: *народная культура*, *народные песни*, *этнографические особенности района*, *этнографический болгарский стиль* и т. д.

После 1944 г. наступил период интенсивного влияния русского литературного языка, русской социальной, политической и экономической терминологии, русской фразеологии на болгарский язык. Это влияние в последние два десятилетия всесторонне исследовалось. Отмечалось, что оно обогащает болгарский литературный язык. Одновременно почти все исследователи этого процесса указывали и на отрицательные последствия чрезмерного злоупотребления русской терминологией, русскими словосочетаниями, которые часто противоречат нормам родного языка. «Мы не ратуем здесь за излишние русизмы, — писал Л. Андрейчин, — которые проникают в речь некоторой части нашей интеллигенции и неоправданно занимают место уже существующих в языке собственных слов и выражений. Вместе с тем следует сказать, что русское влияние — явление естественное и положительное в жизни нашего языка»¹².

¹¹ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 101.

¹² Л. Андрейчин. К вопросу о влиянии русского языка советской эпохи на развитие современного болгарского языка. «Вопросы языкознания», 1958, 4, стр. 104.

Прилагательное *бытовой* в составе различных устойчивых словосочетаний, возникших в советский период, получает широкий доступ в язык прессы, радио, входит в активный словарь пропагандистов, получает распространение в разговорном языке. Так появляются в болгарском языке *битови нужди, битово положение, битови услуги, културно-битови учреждения, социално-битови акции, жилищно-битови условия, лечебно-битови условия, материално-битово положение, битови злополуки, битов травматизъм* и др.

Под интенсивным влиянием русского языка происходит сближение семантики болг. *битов* с русск. *бытовой*. Примечательно, что в 40-е и 50-е годы XX в. прилагательное *битов* редко употребляется в значении 'народный, характеризующий старый крестьянский уклад жизни'. *Битов* в данном значении в эти годы порой получает даже пейоративную окраску. Ср., например, тексты из журнала «Септември»: «Известни *битови елементи* (петли, биволи, кумове, бъкличи и пр.) също така са типични за образното виждане на поета» (1951, № 1); «Народният характер на поезията на Ванцаров я прави чужда на всяка *битова идеализация*» (1951, № 2). Именно этот период в истории слова *битов*, когда его семантика сближается со значением русск. *бытовой*, и отражается во всех болгарских словарях, опубликованных в 50-х годах. Поэтому специфически болгарское значение ('народный, этнографический') характеризуется этими словарями весьма поверхностно. Почти не приводится соответствующая фразеология.

Новый этап в истории слова *битов* начинается в 60-е годы в связи с утверждением новых общественных оценок старого крестьянского быта, его роли в развитии современной болгарской национальной культуры. Именно в это время ясно осознается, что факты старой народной культуры являются живыми элементами современной Болгарии. Это сказалось в изменении облика современного городского быта. Естественно, что все эти процессы находят отражение и в языке. В последние годы вновь активно начинает употребляться прилагательное *битов* в значении 'народный, свойственный старому укладу крестьянской жизни, этнографический'. На эстраде получает широкое развитие исполнение народных песен (*битов ансамбъл, битови песни, битови вокални групи*), в которых участвуют *битови певци*. Учащиеся средних школ готовят *битови вечера*, на которых исполняются народные песни и танцы. Во многих общественных местах появляются красиво оформленные уголки народной утвари (*битов кът*). В ресторанах появляются специально оформленные в стиле этнографического музея залы (*ресторанти с битов кът*). Возникают и специальные рестораны народной кухни (*битови ресторанти, ресторанти с битова кухня*) и т. д. Со страниц книг и журналов исчезает употребление *битов* в пейоративном значении.

Конечно, продолжает активно функционировать прилагательное *битов* и в том значении, в каком оно было заимствовано из русского языка. В прессе постоянно сталкиваемся с *битови условия, битово обслужване, битов комбинат* или *комбинат за битови услуги*, или *ателиета за битови услуги, за битови цели, битови помещения* и мн. др. На основе именно этого значения (ср. *жищично-битови условия*) в последнее время в разговорном языке сформировалось существительное *битови*, восходящее к данному прилагательному во множественном числе. В объявлениях о найме рабочей силы часто читаем: *допълнително възнаграждение за лоши битови*.

Анализ употребления прилагательного *битов* в современном литературном языке вскрывает два основных самостоятельных значения: 1) 'бытовой, связанный с условиями жизни', 2) 'народный, характеризующий старый крестьянский уклад жизни; этнографический'. К каждо-

му из этих значений примыкает ряд дополнительных, частных значений. Некоторые из этих дополнительных значений ограничиваются рамками определенной фразеологии. Все существующие толковые и двуязычные словари уже не отражают всей сложности семантического поля прилагательного *битов*.

История прилагательного *битов* свидетельствует, что русизмы в болгарском литературном языке могут стать активными факторами в развитии самостоятельных явлений тех стилей и жанров речи, которые далеко отстоят от книжного языка, от языка науки, техники и публицистики. Здесь открывается еще одна мало изученная страница русско-болгарских языковых связей.

2. покана

В моем болгарско-русском словаре слово *покана* толкуется следующим образом: «п о к а н а ж. приглашение; по ~ (на някого) по приглашению (кого-л.); *устна* ~ устное приглашение; *изпращам* ~ посылать приглашение»¹³. Аналогично толкуется данное слово и другими известными болгарскими двуязычными словарями. Правда, составитель болгарско-чешского словаря К. Гора фиксирует два значения: «п о к а н а ж. 1. *pozvání, výzva*; ; *bez* ~ *bez pozvání, bez vyzvání*; *po* ~ *na... na (základě) pozvání, na vyzvání*; *отправляя* ~ *някому vyzývati někoho*. 2. *pozvánka*; *пращам* ~ *posílati pozvánku*»¹⁴. Ни один из существующих словарей не дает возможности найти все точные соответствия болг. *покана*, с которыми это слово употребляется в разговорном языке (возможно, не всегда безупречно). Во всяком случае все они находят отражения в печатных текстах (объявлениях, инструкциях и т. п.). Как, например, с помощью моего словаря перевести зафиксированные мною в разговорном языке жителей болгарской столицы фразы «лицето с *покана* за Бургас пета кабина», «*покана* за телефонен разговор се подава...»? «Имате ли *покана* за колет?» — спросили при мне одну девушку, которая пришла на почту получать посылку. Очевидно, что в первых двух фразах слово *покана* на русский язык нужно перевести словом *заказ*, а в последней фразе — словами *извещение*, *повестка*. Кстати, проф. С. Стойков последний пример считает недостоверным. Однако мною обнаружено аналогичное употребление в «Сербохорватско-болгарском разговорнике», изданном в Софии в 1964 г. Здесь сербохорватские фразы «Имам доставницу за пакет. Где могу да га подигнем? Дајте доставницу. Молим Вас и личну карту» переводятся: «Имам *покана* за колет. Къде мога да го получа? Дайте *поканата*, моля. Ако обичате, дайте и паспорта си»¹⁵. Примечательно, что данный «Разговорник» переводит словом *покана* и серб.-хорв. *формулар*: «Изволите, попуните овај формулар» — «Попълнете, моля, тази *покана*»¹⁶.

В народном языке слово *покана* известно еще в значении 'угощение'. Именно в таком значении его употребил Л. Каравелов, что зафиксировано словарем А. Л. Дювернуа и трехтомным словарем под ред. С. Романского: «Приготвил е дядо Ангим богата *покана*: патки, гъски, яребици и мазна сметана». В современном литературном языке в этом значении слово *покана* не употребляется. В ряде контекстов для болг. *покана* нужно искать новые эквиваленты, новые оттенки значений. Так, в одном тексте С. Загорчинова (из романа «Ден последен») слово *покана* следует переводить на русский словом *почин*: «Когато песните прекъснаха, започнаха надбягвания с коне, мятане на копия или пък, по българска *покана*, борба на тантурести отроци-планинци... с гърци-рибари».

¹³ С. В. Б е р н ш т е й н. Болгарско-русский словарь. М., 1966, стр. 469.

¹⁴ К. Н о г а. Bulgarsko-český slovník. Praha, 1959, s. 649.

¹⁵ «Приручник срpsкохрватског и бугарског језика». София, 1964, стр. 79.

¹⁶ Там же, стр. 81.

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. ЛЬВОВА

ИЗ ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ИСКУССТВА КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Болгарское изобразительное искусство эпохи национального Возрождения занимает особое место в процессе становления болгарской нации, ее духовного формирования. Изучение художественной культуры этого периода ставит перед исследователями ряд интересных проблем. Они касаются и традиций национального искусства, и художественного метода, возникающего на основе новых идейно-эстетических задач, и личности художника; наконец, это вопрос о соотношении народного творчества и профессионального искусства нового времени с его общественными идеалами и особенностями. Болгарскими искусствоведами исследованы многие проблемы, связанные с национальным искусством первой половины XIX в. Основное внимание обычно уделяется рассмотрению тех видов, сторон художественного творчества, которые связаны с возникновением искусства профессиональных художников или школ. Гораздо меньше изучены истоки национального Возрождения, искусство XVIII — начала XIX в.

На этом этапе изобразительное искусство особенно тесно связано с другими видами художественного творчества болгарского народа. Как правило, художники совмещали свою деятельность с педагогической, церковной и просветительской. Болгарское искусство первых десятилетий национального Возрождения не существует в «чистом» виде, оно вмещает в себя произведения различных ремесел, соприкасается с многими жанрами. Основой всех видов художественных ремесел является фольклор. В это время происходит активное проникновение новой, светской идеологии в традиционные виды религиозного искусства, изменяя и разрушая привычные нормы и представления. В болгарском искусстве конца XVIII — первых десятилетий XIX в. естественно сочетаются образы религиозно-условные и реальные, отражающие жизнь и быт времени. Меняется и само традиционное понятие соотношения «божество — человек». Эти явления отмечены в литературных произведениях, а также в живописи, литографии, стенописях. Яркое отражение получили они и в таком жанре болгарского искусства, как миниатюра. Особый интерес представляют памятники искусства раннего этапа болгарского Возрождения, которые не упоминались в трудах болгарских искусствоведов. Авторы рисунков и миниатюр, о которых пойдет речь, — поп Пунчо из села Мокреш и даскал Тодор Пирдопский — были известны главным образом как создатели литературных произведений. На их творчество обращали внимание литературоведы и историки¹.

¹ См. Б. Ц о н е в. Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека, т. II. София, 1923, стр. 284—306; е г о ж е. Опис на ръкописите и старопечатните книги на народна библиотека в София. София, 1910; е г о ж е. Един български книжовник от края на XVIII век поп Пунчо от Мокреш. «Училищен преглед», 1923, № 1, стр. 179; е г о ж е. Славянски ръкописи и старопечатни книги на народната библиотека в Пловдив. София, 1920; Е. С п р о с т р а н о в. Опис на ръкописите в библиотека при св. Синод. София, 1920; Д. П е т к а н о в а - Т о т е в а. Дамаскините в българ-

Рис. 1. Поп Пунчо. Автопортрет. 1796 г.

ската народна библиотека. т. II. София, 1923). Биографические сведения о попе Пунчо крайне скудны — он пишет о себе, что ему 51 год (в 1796 г.) и что уже 17 лет он священник. Свой сборник поп Пунчо начинает пересказом части «Истории славяноболгарской» Паисия, а затем и сам обращается к читателям с патристическим словом — проповедью. Многие общие черты можно отметить в тексте, самом характере сборника с известными произведениями Софрония Врачанского, появившимися несколько позже. Наряду с текстами сборник содержит много рисунков, выполненных попом Пунчо. Особенно интересны два его автопортрета, на одном из которых автор написал: «Я — поп Пунчо». Он смело дал рядом (на развороте книги) два своих изображения в разных ракурсах. В левом автопортрете Пунчо изобразил себя за работой над рукописью. Лицо его сосредоточенно, весь он погружен в свой труд. Интересно отметить сочетание живых, реалистических элементов (в трактовке индивидуальных черт лица, внешности, движения) с моментами чисто условными (фигура художника словно висит в воздухе, хотя он изобразил себя сидящим, так же висит и чернильница). По углам автопортрета Пунчо нарисовал цветы, что придает изображению особую торжественность, нарядность и радостную приподнятость. Линия и цвет в автопортрете играют равно важную роль — поп Пунчо охотно использует красный, зеленый, золотистый тона и в одежде и в орнаменте. Однако он избегает моделировки светотенью и предпочитает сопоставлять локальные цветовые пятна, обводя их толстой цветной линией. Это один из первых автопортретов в искусстве болгарского Возрождения.

В тексте сборника читатель встречается с образами, трактованными в чисто народном, фольклорном духе, — среди них есть плоскостно-условные (например, Иоанн Предтеча, св. мученик Кирик, св. мученик Мива и др.), но в таких акварелях, как

ската литература. София, 1964, стр. 102; П. Д и н е к о в. Първи възрожденци. София, 1942, стр. 42, 128; М. С т о я н о в, Х. К о д о в. Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. София, 1964.

Переписчики и создатели дамаскинов, получивших широкое распространение в Болгарии в конце XVIII — первой половине XIX в. (включавших проповеди, поучения, рассказы, апокрифы, повести), были в то же время талантливыми и своеобразными художниками. В их творчестве, сложившемся на грани двух столетий, проявились наиболее яркие и типичные черты искусства раннего Возрождения: условное и реалистическое постоянно взаимосвязаны в их произведениях, поэзия и фантастический вымысел существуют рядом с жанрово-бытовым рассказом. В этом отношении творчество попа Пунчо и Тодора Пирдопского подлинно народно, оно перекликается с современной им литературой, стенописями, деревянной резьбой, гравюрой и иконописью. В отделе старопечатных книг Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии хранится дамаскин попа Пунчо 1796 г., содержащий около 70 житий, повестей, поучений и других текстов, написанных на болгарском языке для широкого читателя (Сб. № 693 НБСф; Б. Ц о н е в. Опис на славянските ръкописи в Софий-

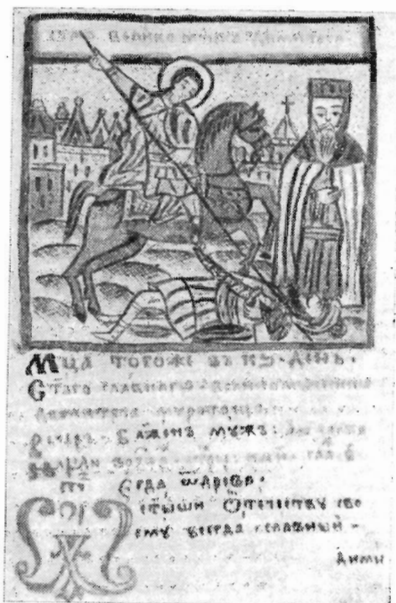

Рис. 2. Тодор Пирдопский. Миниатюра. Первая четверть XIX в.

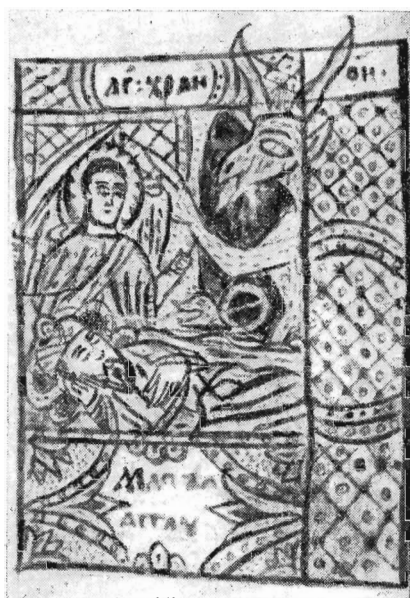

Рис. 3. Тодор Пирдопский. Миниатюра. Первая четверть XIX в.

св. Георгий-воин, сотворение Адама и Евы, обращают на себя внимание живые сцены — в них изображаются женщины в национальных болгарских костюмах, Адам трактуется как крестьянин-пахарь, Ева изображена с прялкой, а в части об Иоанне Златоусте поп Пунчо рисует городской пейзаж. В тексте много орнаментальных заставок, введены изображения растений, цветов, типичных для разных видов искусства болгарского Возрождения с его радостным, жизнеутверждающим мировоззрением. Художник словно впервые увидел мир во всем его богатстве и красоте и стремится рассказать о нем читателю и зрителю. Поэтому частое обращение Пунчо непосредственно к читателю: «Благословенные христиане, послушайте, я расскажу о чудесах» (л. 40) — относится в равной степени как к тексту, так и к изображению.

Большой интерес представляют не опубликованные ранее миниатюры другого художника раннего Возрождения — Тодора Пирдопского. В рукописных произведениях Тодора Пирдопского и многочисленных миниатюрах общие тенденции, отмеченные нами в работах попа Пунчо, проявляются особенно отчетливо: это внимание к окружающему миру, к человеку, природе, стремление осмыслить события и рассказать о них языком искусства своим соотечественникам. Этот художник чрезвычайно своеобразен, он словно вмещает в своем творчестве весь характер культуры Болгарии той эпохи, с ее противоречиями. Он полон искреннего горячего желания быть понятным, доступным самым широким кругам читателей, радуется за просвещение, образование — в этом главный пафос его произведений в целом. Художественное творчество Тодора Пирдопского не изучено. Его работы многочисленны и представляют большой интерес. Оставляя в стороне тексты произведений (они требуют специального анализа), отметим своеобразие миниатюр, украшающих рукописи. Изображая святых, беря традиционные сюжеты из священного писания, художник рисует болгарских крестьян, пейзаж родной земли. Грубоватые, земные образы, украшающие страницы дамаскинов Тодора Пирдопского, порой перекликаются с образами известных стенописей Земенской церкви XIV в. (и в этом можно отметить связь с традициями национального искусства), но все же они ближе к характерам народных сцен, включенных в стенописи Рильского или Бачковского монастырей — в них утверждается жизнь, рассказываются притчи и

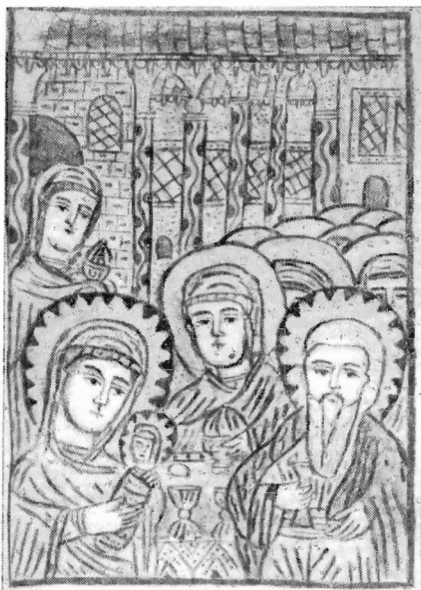

Рис. 4. Тодор Пирдопский. Миниатюра. Первая четверть XIX в.

Рис. 5. Тодор Пирдопский. Миниатюра. Первая четверть XIX в.

повествуется о чудесах, бичуется жестокость турецких завоевателей². По стилю, по манере исполнения миниатюры Тодора Пирдопского резко отличаются от изысканных по форме и цвету миниатюр предшествующих веков, продолжающих традиции миниатюрной живописи средневековья. Миниатюры обычно невелики по размеру, но, как правило, художник решает в них сложную задачу многопланового пространственного решения (пейзаж, интерьер). Порой в них ясно читается зависимость автора от иконы — так, Тодор Пирдопский создает миниатюру-икону, цветом, декоративным орнаментом стремится передать даже узоры оклада иконы. Но чаще всего построены им композиции вмещают большие пространства: горные вершины, долины, реки, леса — все это художник рисует с натуры, но стремится к предельному обобщению форм, лаконизму цветовых пятен. Главное средство, которым пользуется художник, — это цвет. Чистый, звучный, никогда не повторяющийся в сочетаниях, цвет в миниатюрах Тодора Пирдопского передает настроение, характеризует смысл событий. Если в миниатюрах пола Пунчо важную роль играла линия, членение форм, то Тодор Пирдопский исходит, как подлинный живописец, из декоративной звучности чистого цвета. Текст и миниатюра для него — единый художественный организм, он осмысливает страницу рукописи, разворот книги как большое художественное целое, в них взаимосвязаны заглавные буквы, цвет орнамента, заставки, миниатюры. Условность цветовых решений в миниатюрах столь естественна, что она воспринимается как вполне закономерная. Так, для того чтобы передать особое напряжение состояния природы («Сборник», ЦМ 115, л. 1305),

² Миниатюры Тодора Пирдопского украшают «Вечный календарь», хранящийся в отделе старопечатных книг Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии; в фондах Церковного историко-археологического музея при св. Синоде (София), миниатюрами украшены рукописные сборники — ЦМ 761, ЦМ 335, ЦМ 115, ЦМ 934, ЦМ 130, ЦМ 131, ЦМ 123 и др. (по описям ЦИАМ, данным Е. Спострановым), а также рукописи, хранящиеся в Народной библиотеке Пловдива, инв. № Р-75. (Список известных ранее дамаскинов Тодора Пирдопского, в том числе неописанных, дает Д. Петканова-Тотева, цит. соч., стр. 208.)

художник делает небо терракотовым, в другом случае (л. 1509) черным. В «Молитвеннике» (ЦМ 123, л. 149, 173) введены образы дьяволов, прямо перекликающихся с известными стенописями Захария Зографа или Тома Вишанова.

С любовью изображает художник современный интерьер сельского жилища («Сборник», ЦМ 115, л. 1013, и сцена «Благовещение»), в этом листе Мария — болгарская крестьянка. В другой миниатюре того же сборника (л. 227) изображен св. Димитрий, разящий турка. В текстах дамаскинов Тодор Пирдопский обычно ставит свою подпись, указывает место их создания — село Пирдоп. Датированы его работы периодом 1805—1842 гг.

Содержащие ценные исторические сведения, интересную их интерпретацию, произведения попа Пунчо и Тодора Пирдопского — яркие памятники искусства болгарского народа.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СССР И СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ В «ДОКУМЕНТАХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР»

В подготовленных под руководством Комиссии по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР «Документах внешней политики СССР»¹ немало материалов относится к истории взаимоотношений Советского государства со славянскими странами. Документы в публикации распределяются неравномерно как по периодам, так и по странам, и это в известной мере отражает состояние отношений между СССР и каждой из славянских стран на том или ином этапе.

И том содержит ряд важнейших документов, отражающих борьбу только что возникшего в результате Великой Октябрьской социалистической революции Советского государства за мир, за свободу народов, за ликвидацию национального гнета.

Ленинский декрет о мире², Декларация прав народов России³ указывали тем славянским народам, которые еще находились под гнетом империалистических держав, путь к восстановлению их национальной независимости и к социальному освобождению.

К моменту рождения Республики Советов болгарский и сербский народы имели свою государственность. Оба они были вовлечены в мировую империалистическую войну, оказавшись в рядах враждующих коалиций. Ни с сербским, ни с болгарским правительством в первые месяцы после Октябрьской революции Советское правительство не имело контактов. Первой попыткой установления таких контактов было обращение Совет-

ского правительства от 15 (28) ноября 1917 г. к правительствам и народам воюющих стран с предложением присоединиться к переговорам о перемирии⁴, только что начавшимся с германским военным командованием по инициативе Советского правительства. Правительство Сербии, которая находилась в составе коалиции, возглавляемой Антантой, не ответило на предложение Советского правительства так же, как не дали ответа и правительства других держав Антанты — Англии, Франции, Италии, США и др. С представителями Болгарии, входившей в австро-германский военный союз, советские представители вскоре сели за стол мирных переговоров в Брест-Литовске.

Однако контакты с Сербией, впоследствии — с Югославией⁵ и Болгарией, монархические правительства которых враждебно относились к Советскому государству, длительное время носили случайный характер и осуществлялись, как правило, по вопросам, связанным с обменом военнопленных, почтовой корреспонденцией и др.

По-иному сложились в этот период советско-польские отношения. Непосредственное соседство польских земель, вхождение части их в течение длительного времени в состав Российской империи обусловили общность судеб миллионов поляков с судьбами народов России. В годы войны около двух миллионов поляков — беженцы, рабочие и служащие предприятий и учреждений, эвакуированных из польских губерний, а также поляки-военнопленные из состава германской и австро-венгерской армий — проживало во внутренних областях России. Тысячи из них приняли участие в Октябрьской революции и в гражданской войне, защи-

¹ «Документы внешней политики СССР» (далее ДВП СССР). М., Госполитиздат. Т. I, 1957; т. II, 1958; т. III, 1959; т. IV, 1960; т. V, 1961; т. VI, 1962; т. VII, VIII, 1963; т. IX, 1964; т. X, 1965; т. XI, 1966; т. XII, XIII, 1967; т. XIV, 1968. Вышедшие тома охватывают период с 1917 по 1931 г.

² ДВП СССР, т. I, стр. 11—14.

³ Там же, стр. 14—15.

⁴ Там же, стр. 28—30.

⁵ 1 декабря 1918 г. было создано объединенное югославское государство — Королевство сербов, хорватов и словенцев, в 1929 г. переименованное в Югославию.

шая власть Советов, сознавая, что своей борьбой они отстаивают дело освобождения их собственной родины.

Документы ярко и наглядно показывают последовательную борьбу Советского правительства за независимость Польши. Об этом, в частности, свидетельствует заявление советской делегации в Брест-Литовске, вновь торжественно подтвердившее право польского народа на самоопределение⁶. Многие документы, вошедшие в издание, либо написаны В. И. Лениным, либо редактировались им. К ним относятся декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу, от 17 (30) января 1917 г.⁷, декрет СНК РСФСР от 29 августа 1918 г., которым были аннулированы все договоры, заключенные между правительством Российской империи и Австро-Венгрией и Германией, о разделах Польши⁸, и др.

Когда в ноябре 1918 г. было восстановлено независимое польское государство, Советское правительство, исходя из ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем, приложило максимум усилий к установлению с правительством Польши добрососедских отношений, что позволило бы немедленно приступить к разрешению ряда неотложных вопросов — обмена военнопленными, репатриации польских беженцев, восстановления торгово-экономических связей и т. д. Об этом свидетельствуют многие документы, опубликованные в I, II и III томах.

Однако польское правительство, политику которого определяли наиболее реакционные круги буржуазии и помещиков, заняло враждебную позицию по отношению к Советскому государству, стало на путь военных захватов на востоке и порабощения белорусского и украинского народов, начавших устанавливать у себя, по примеру и с помощью рабочих и крестьян России, Советскую власть. В I и II томах опубликован ряд нот Советского правительства правительствам держав Антанты и других государств, разъяснявших миролюбивую политику Советского государства в отношении Польши.

Но буржуазно-помещичье правительство Польши, внешняя политика которого направлялась пилсудчиками, не внимало голосу разума. Подталкиваемое международным империализмом, оказывавшим Польше большую военную помощь, польское правительство готовилось к войне с советскими республиками. Во II томе опубликованы Нота Советского правительства Польше от 22 декабря 1919 г. (док. 207), Заявление Совета Народных

Комиссаров РСФСР об основах советской политики в отношении Польши от 28 января 1920 г. (док. 226), Обращение ВЦИК к польскому народу от 2 февраля 1920 г. (док. 230) и другие документы, свидетельствующие о желании Советского правительства не допустить войны, а все спорные вопросы, в том числе и территориальные, решить путем переговоров.

Во II и III томах публикуются многочисленные документы, свидетельствующие о том, что и после развязывания польскими империалистами антисоветской войны на территории Украины, а затем и Белоруссии, Советское правительство, организовав вооруженный отпор агрессору, неустанно предлагало Польше мирное урегулирование конфликта. Позиция Советского правительства не изменилась и в момент наибольших успехов Красной Армии, в момент панического отступления войск Пилсудского. В своей ноте правительству Великобритании от 17 июля 1920 г. Наркоминдел писал, что Советское правительство желает переговоров с Польшей и «готово согласиться на более выгодную для польского народа территориальную границу», чем так называемая линия Керзона, соответствовавшая в основном этнографической границе⁹.

Большая группа документов разоблачает попытки держав Антанты, особенно Франции, не допустить мирных переговоров между советскими республиками и Польшей. Оказавшись перед фактом военного разгрома Польши, Антанта приняла срочные меры, увеличив поставки вооружения и направив в Польшу военных специалистов, офицеров и т. д. Все это позволило польским войскам, воспользовавшись трудным положением Красной Армии, вынужденной одновременно отражать атаки другого ставленника Антанты — Врангеля, перегруппировать свои силы и перейти в контрнаступление. Однако Польша, войскам которой был нанесен серьезный удар Красной Армией, не могла, несмотря на нажим Антанты, продолжать войну и была вынуждена согласиться на мирные переговоры. Документы III тома отражают ход советско-польских мирных переговоров, начавшихся в Минске и продолженных затем в Риге. В томе опубликованы тексты прелиминарного (предварительного) мирного договора, подписанного 12 октября 1920 г. в Риге, а также текст окончательного мирного договора, подписанного 18 марта 1921 г.

Рижский мир ознаменовал начало нового этапа в истории молодого Советского государства, когда первые попытки внутренней контрреволюции и международного империализма задушить, уничтожить Советское государство провали-

⁶ ДВП СССР, т. I, стр. 76—79.

⁷ Там же, стр. 95—96.

⁸ Там же, стр. 458—460.

⁹ Там же, т. III, стр. 51.

лись и настал период мирного сосуществования социализма с капитализмом. Характеризуя начало этого нового этапа, В. И. Ленин указывал: «В настоящее время международное положение таково, что какое-то временное, неустойчивое, но всетаки равновесие установилось; равновесие такого типа, что империалистические державы, при всей своей ненависти и желании броситься на Советскую Россию, от этой мысли отказались...»¹⁰. Советское правительство, Коммунистическая партия мобилизовали рабочий класс и крестьянство на максимальное использование мирной передышки для развертывания социалистического строительства.

Не менее ярко и убедительно отражен ленинский внешнеполитический курс Советского государства в 1917—1921 гг. по отношению к Болгарии, Чехословакии, Югославии. Болгария, входившая в военный блок с Германией и Австро-Венгрией, находилась в состоянии войны с Россией. Первые контакты с представителями Болгарии начались, как уже было отмечено, в Брест-Литовске. Однако и после подписания мира монархическое правительство Болгарии, пренебрегая традициями болгаро-русской дружбы и вопреки стремлениям народных масс, уклонялось от установления дружественных отношений с Советским государством. Долгое время контакты между обоими правительствами ограничивались рамками двух соглашений, подписанных еще в период брестских мирных переговоров, о возвращении на родину гражданских подданных обеих стран¹¹ и о почтовой, телеграфной и морской службе¹². Документы свидетельствуют о том, что правительство Болгарии поддерживало внутренних врагов Советской власти, оказывая помощь вооружением белогвардейцам. Враждебную позицию по отношению к Советскому государству занимало и правительство Югославии. Оно не только дало приют тысячам бежавших из Советской России белогвардейцев, но и всячески поддерживало белоэмигрантские антисоветские организации, действовавшие в Югославии. В 1920 г. правительство Югославии оказывало военную помощь Врангелю. Из публикуемых в III томе документов видно, что Советское правительство, протестуя против враждебных действий Югославии, в то же время проводило по отношению к ней неизменно миролюбивую политику. В своих нотках правительству Югославии оно предлагало установить дружественные отношения¹³.

Эта же линия прослеживается и по документам, касающимся советско-чехо-

словацких отношений. Народы России и Чехословакии издавна питали друг к другу взаимные симпатии. Национально-освободительная борьба чехов и словаков благодаря Великой Октябрьской социалистической революции завершилась победой. Однако в возникшей на обломках монархии Габсбургов независимой Чехословацкой республике власть захватила буржуазия, и это определило внешнеполитический курс чехословацкого правительства, пронизанный непримиримой классовой ненавистью к Советскому государству. Как свидетельствуют публикуемые документы, первоначально контакты с Чехословакией ограничивались перепиской о возвращении на родину чехословацких граждан — военноопленных чехов и словаков, бывших солдат австро-венгерской армии, а также русских военноопленных и гражданских лиц. Как видно из документов, Советское правительство, следуя ленинскому внешнеполитическому курсу, стремилось не ограничиваться лишь переговорами по вопросу о репатриации пленных и предложило чехословацкому правительству установить с ним нормальные дипломатические отношения, а также взаимовыгодные экономические связи¹⁴. Чехословацкое правительство уклонилось от обмена дипломатическими представителями. В то же время коммерческие интересы вынудили чехословацких капиталистов пойти на экономические контакты с советскими торговыми организациями. Эти контакты в дальнейшем расширились, и в середине 1921 г. состоялся обмен торговыми делегациями между РСФСР и Чехословакией, а затем начались и переговоры об установлении экономических и политических отношений, завершившиеся подписанием соглашения 5 июня 1922 г.¹⁵

Наибольшее количество документов первой половины межвоенного 20-летия посвящено советско-польским отношениям. Они рисуют настойчивую борьбу Советского правительства за нормализацию отношений с ближайшим соседом Советской республики на западе, что имело огромное политическое и дипломатическое значение для обоих государств. Стремление Советского правительства установить, в соответствии с Рижским мирным договором, добрососедские отношения с Польшей, развить с ней торговые и культурные связи наталкивались на противодействие польских правящих кругов. Многочисленные документы, включенные в IV том, впервые с исчерпывающей полнотой разоблачают действия польских властей по оказанию материальной и финансовой помощи петлюровцам и белогвардейцам, отряды кото-

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 340—341.

¹¹ ДВП СССР, т. I, стр. 648—650.

¹² Там же, стр. 662—665.

¹³ Там же, т. III, стр. 374.

¹⁴ Там же, т. II, стр. 390—391, 476—477.

¹⁵ Там же, т. V, стр. 441—446.

рых, сформированные и вооруженные на территории Польши, совершали нападения на пограничные районы советских республик. К осени 1921 г. дело дошло до острого конфликта, грозившего серьезными последствиями. И только благодаря твердой позиции Советского правительства угроза военного столкновения миновала. В томе публикуется подписанный 7 октября 1921 г. советско-польский протокол¹⁶, завершивший переговоры по урегулированию конфликта и открывший путь к реализации условий мирного договора. В последующие годы был подписан ряд соглашений, регулировавших взаимоотношения между обоими государствами: протокол о согласительных комиссиях по ликвидации пограничных инцидентов, соглашение о железнодорожном сообщении, санитарная, почтово-телеграфная, консульская конвенция. В основном была осуществлена реэвакуация в Польшу в соответствии с Рижским мирным договором культурных ценностей, промышленного оборудования и другого имущества, эвакуированного в Россию в связи с германским вторжением в 1915 г.

Большая группа документов, опубликованных в V—XII томах, позволяет воспроизвести историю переговоров о восстановлении торговых связей с Польшей, прерванных мировой войной. Начавшиеся еще в 1922 г. переговоры о заключении торгового договора неоднократно возобновлялись, но из-за различного рода препятствий, воздвигаемых польским правительством в ущерб государственным интересам Польши, эти переговоры не увенчались подписанием соответствующего документа¹⁷. Торговый обмен с Польшей осуществлялся путем заключения кратковременных соглашений с отдельными польскими фирмами. Объем такого обмена был невелик. Советский Союз занимал во внешнем товарообмене Польши самое последнее место, не превышая 1,5—2% общего объема ее внешне-торгового оборота. Торговые связи приняла несколько более устойчивый характер в результате образования в начале 1926 г. смешанного акционерного общества «Совпольторг» и открытия Польско-советской торговой палаты¹⁸.

Майский переворот 1926 г. и приход к власти в Польше профашистской клики Пилсудского способствовал усилению элементов, враждебных Советскому Союзу, что не замедлило оказать свое отрицательное влияние на польско-советские отношения. Правительство пилсудчиков, следуя курсу на дальнейшее сближение

с западноевропейскими империалистическими державами и все больше попадая в экономическую и политическую зависимость от них, активно включилось в возглавляемую Англией кампанию, направленную на политическую изоляцию СССР. В обстановке антисоветской истерии и провокаций в Польше было совершено злодейское убийство советского полпреда П. Л. Войкова, совершен ряд покушений на торговых представителей СССР.

В обстановке все нараставшей угрозы войны Советский Союз неустанно боролся за сохранение мира, за создание системы коллективной безопасности в Европе. В XI и XII томах читатель найдет документы о переговорах с правительством Польши по этому вопросу, показывающие, что Польша, в числе других держав, поддержала инициативу СССР о досрочном введении в действие пакта Келлога, что являлось серьезной победой советской дипломатии.

Ряд документов XIII и XIV томов воспроизводит историю борьбы советской дипломатии за заключение с Польшей пакта о ненападении, сыгравшего значительную роль в нормализации советско-польских отношений и смягчении международной напряженности¹⁹.

Из других славянских стран наиболее оживленные связи осуществлялись с Чехословакией. На основании Временного договора от 5 июня 1922 г., хотя им и не предпринимался вопрос о взаимном признании де-юре, был осуществлен обмен дипломатическими представительствами, главы которых пользовались всеми дипломатическими правами и преимуществами. Тем не менее по вине правительства Чехословакии Временный договор не послужил началом для развития дружественных отношений между чехословацким и советским народами. Как свидетельствуют документы, включенные в V, VI, VII, VIII тома, чехословацкое правительство дало приют и оказывало систематическую материальную помощь белоэмигрантским организациям. В Праге продолжала функционировать никогоне не представлявшая «Российская миссия», занимавшаяся антисоветской деятельностью под защитой правительства Чехословакии. В указанных томах публикуется ряд нот Советского правительства, касающихся антисоветской кампании в чехословацкой прессе, а также тексты записей бесед советских представителей в Чехословакии с чехословацкими государственными и общественными деятелями и другие документы, отражающие усилия Советского правительства, направ-

¹⁶ Там же, т. IV, стр. 394—396.

¹⁷ Первый советско-польский торговый договор был подписан только в феврале 1939 г.— всего за полгода до начала второй мировой войны.

¹⁸ ДВП СССР, т. IX, стр. 64.

¹⁹ Договор о ненападении между СССР и Польшей был подписан 25 июля 1932 г. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V. М., «Наука», 1967, стр. 533—535.

ленные на расширение экономических связей с Чехословакией. Несколько документов относится к вопросу о развитии культурных связей между СССР и Чехословакией.

В публикацию включены документы, свидетельствующие о попытках Советского правительства установить дипломатические отношения с Югославией. Однако правительство Югославии неизменно отклоняло советские предложения. В то же время дипломатия Югославии охотно принимала участие во всех комбинациях западных держав, направленных против СССР. Не менее враждебно относилось к Советскому Союзу и правительство Болгарии, что с достаточной полнотой отражено в рецензируемом издании. Советско-болгарские отношения носили случайный характер и поддерживались через представителей третьих государств, с которыми Советское правительство имело дипломатические отношения. Целиком и полностью по вине правящих кругов Болгарии торговый обмен между СССР и Болгарией выражался в те годы в мизерных суммах. И только в начале 30-х годов Болгария, оказавшись в тяжелом экономическом положении, стала зондировать почву относительно возможности заключения торгового договора с СССР. Советское правительство, как свидетель-

ствуют документы XIV тома, с готовностью откликнулось на эту инициативу, предложив Болгарии, со своей стороны, начать одновременно переговоры и об установлении дипломатических отношений. Правительство Болгарии отказалось.

Значение рецензируемого издания для изучения истории внешней политики Советского правительства, и в частности истории взаимоотношений СССР со славянскими странами, поистине огромно. Достаточно сказать, что около половины включенных в это издание документов публикуется впервые, а те, которые ранее публиковались, вновь тщательно сверены с подлинниками. Исследователь международных отношений в новейшее время и каждый, кто интересуется историей советской дипломатии межвоенного периода и историей славянских стран народной демократии (а особенно Польши), найдет в вышедших 14 томах «Документов внешней политики СССР» богатый и ценный материал.

Капитальное издание документов внешней политики СССР, несомненно, является крупным событием в научной и политической жизни нашей страны.

П. Ольшанский

«ROCZNIK LUBELSKI», t. I—X
«ЛЮБЛИНСКИЙ ЕЖЕГОДНИК», т. I—X

«Рочник Любельски», журнал Отделения Польского исторического общества в Люблине, начал выходить в 1958 г. по инициативе и под редакцией профессоров Яна Добжаньского и Тадеуша Менцеля; секретарем редакции был Станислав Кшикала¹. 1968 год — юбилейный для журнала: к этому времени вышло 10 томов. Они содержат материалы по широкой проблематике, относящейся не только к Люблинскому региону, и свидетельствуют о необходимости такого издания.

Внимание партийных и государственных органов к исследованиям по истории и культуре региона, финансовая поддержка со стороны Президиума Воеводской рады народной во многом содействуют разработке проблем, имеющих научное и политико-воспитательное значение, и систематическому изданию журнала.

В момент своего создания «Рочник Любельски» ставил целью популяризацию «знаний о Люблине и Люблинщине среди общественности, особенно среди учителей, деятелей культуры и просвещения, и всех, кто интересуется богатым историческим прошлым Люблинщины». Деятельность журнала постоянно подчинена этой основной цели.

За десять лет в журнале опубликовано 110 статей и научных исследований, из них 26 посвящены истории района до конца XVIII в., 72 — новой и новейшей истории (в том числе 23 — годам гитлеровской оккупации и послевоенному периоду), в семи статьях рассматриваются проблемы всеобщей истории, в шести — просвещения и образования, в пяти — археологии, в двух — языкознания, есть статьи по истории искусства и литературы. В журнале выступают историки Люблина, Варшавы, иностранные ученые, партийные и хозяйственные руководители Люблинского воеводства, учителя истории, любители прошлого Люблинщины, лингвисты, историки просвещения, археологи.

¹ Главным редактором журнала с VII тома является профессор К. Мыслинский, секретарем редакции (с VI тома) — доктор А. Копруковняк.

До VII тома включительно журнал имел раздел «Материалы», в котором печатались интересные документы по истории Люблина и Люблинщины. В 1965 г., с VIII тома, редакция отказалась от раздела «Материалы», так как он не оправдал возлагаемых на него надежд. При быстром развитии новых методов работы в архивах (микрофильмы, фотокопии) публикации документов не могли оказать существенной помощи историкам в их исследовательской и популяризаторской работе, тем более, что выбор материалов часто был случаен. В журнале печатаются рецензии, а с VIII тома и библиографические заметки о работах по региональной проблематике и связанных с ней исследованиях общего характера. Отдел «Хроника» содержит информацию о научных сессиях, съездах, о деятельности Польского исторического общества, о выставках, стремится дать представление о всех наиболее существенных моментах научной жизни региона. В дальнейшем журнал будет иметь и отдел «Библиография Люблинщины».

Содержание журнала с VIII тома дается на трех языках: польском, русском и французском, начиная с X тома публикуются резюме статей, в зависимости от их характера, на русском и французском, иногда — на немецком и английском языках. В течение десяти лет значительно изменилась тематика журнала; ежегодник отошел от узко понимаемого регионального принципа и стал более дифференцированно освещать научные достижения местных историков. Отдельные тома имеют тематический характер или приурочены к знаменательным событиям, в других — помещены статьи по различным проблемам или относящиеся к различным историческим периодам. Здесь следует также сказать, что ежегодник уделяет много внимания публикации работ молодых историков².

Переходим к краткому обзору десяти люблинских ежегодников и начинаем его с тематических томов.

II том (1959) был целиком посвящен пятнадцатилетию народной власти на Люблинщине. В нем выступили не только историки-профессионалы, но партийные и государственные деятели, в статьях которых рассказывалось о положении Люблина и всего района в 1944 г., когда на освобожденной Советской Армией и Войском Польским части польской земли впервые создавались органы легальной рабоче-крестьянской власти, и о достижениях социалистического строительства за 15 лет. Том открывается текстом мани-

феста Польского комитета национального освобождения, содержащего широкую программу политических и общественно-экономических реформ. В статьях, в основном, мемуарного характера, затрагиваются важные проблемы: деятельность Крайовой рады народной и Польского комитета национального освобождения. А. Вендель осветил генезис и деятельность высших органов народной власти и сумел передать атмосферу напряженной работы в течение пяти месяцев по восстановлению экономики и героической борьбы против оккупантов. Хотя утверждения автора не всегда бесспорны³, статья является первым опытом систематического изложения данной проблемы. Статья Э. Бертольда об аграрной реформе, реализованной в соответствии с декретом Польского комитета национального освобождения от 6 сентября 1944 г., носит мемуарный характер, но опирается на источники. Автор показал противодействие классового врага и громадные трудности, связанные с разделом помещичьих земель. П. Домбек в очерке «Воеводская рада народа в Люблине, 1944—1959» показал, как 18 февраля 1944 в Кияньской Рудке Любартовского повята организовывалась первая в стране конспиративная рада народа и как после освобождения происходило становление народной власти в Люблине. Автор проанализировал социальный состав рады, партийную принадлежность ее членов и рассмотрел процесс демократизации рады, непосредственное участие в ней рабочих, крестьян, интеллигенции, их влияние на деятельность рады. Статья С. Кшижалы и А. Искишицкого посвящена образованию Городской рады народной в Люблине и ее деятельности за 15 лет. Интересны также статья Б. Вильчевского «Экономические проблемы Люблинского воеводства, 1944—1959» и статья Я. Добжаньского и Т. Менцеля о деятельности 21 научного общества в Люблине в 1944—1959 гг. Можно сказать, что содержащиеся в этом томе статьи представляют собой ценные источники для дальнейшего изучения истории первого периода народной власти на Люблинщине.

Том IV (1961) посвящен истории Люблина. Статья С. Вархола «Происхождение и значение названия, Люблин», в которой изложены все взгляды по этому вопросу, открывает этот том. Особого внимания заслуживает статья Т. Менцеля «Организация и деятельность государственной администрации в Люблине в 1809—1866 гг.». Это первое научное исследование по такой важной проблеме, как развитие города в первой половине XIX в.

² В Университете им. М. Кюри-Скловской издаются «Annales UMCS», одна из серий которых — F (филологические и гуманитарные науки) предоставляет свои страницы для историков.

³ См. K. Kersten. Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego 22 VII—31 XII 1944. Lublin, 1965.

Автор рассматривает деятельность городской администрации в связи с процессами урбанизации, экономическими и социальными переменами (включая территориальные и демографические вопросы) и касается изменений, происшедших после ноябрьского восстания. В результате детального анализа источников Т. Менцель приходит к выводу, что в этот период господствовала тенденция подчинить внутренние дела города общегосударственным соображениям, что значительно ограничивало круг вопросов, которые городские власти могли решать самостоятельно.

О патриотическом порыве города, и прежде всего молодежи, учащихся воеводской люблинской гимназии, о связи люблинского района со всеми землями Королевства рассказали Р. Бендер в статье «Первые патриотические выступления люблинской молодежи в 1861 г.» и Я. Томчик в статье «Люблин в период январского восстания». Р. Бендер указывает, что жители города были подготовлены к восстанию и массовым политическим выступлениям в ходе его, активной патриотической деятельностью гимназистов и ремесленников. Это полностью подтверждается и данными детального изучения источников Я. Томчиком. Он считает, что тайная организация в Люблине действовала уже с лета 1862 г., и ее организаторами были Ян Франковский, Бальтазар Пасьик (Пасьниковский), Казимеж Валентович. В основном организация состояла из ремесленников и гимназической молодежи, участниками ее были военные и чиновники, многие из которых в дальнейшем стали активными участниками восстания.

В статье «Территориальное развитие и состояние коммунальных предприятий г. Люблина в 1870—1915 гг.» А. Керк рассмотрел демографические проблемы (население с 21 364 чел. в 1870 г. возросло до 80 060 чел. в 1913 г.), территориальное расширение города, неразрывно связанное с развитием промышленных районов (металлообработывающая промышленность, пищевая, кожевенное дело) и железнодорожного узла. Автор обращает внимание на состояние городских улиц, мостов, промышленное и городское строительство и отмечает, что в тот период наиболее отставало строительство зданий для нужд культуры и просвещения. А. Керк касается положения фабричных поселков (они не были приспособлены для нормальной жизни рабочих), развития городского транспорта (конные омнибусы появились в Люблине в 1885 г., а автобусы — в 1912 г.), деятельности городских властей. В заключение автор приходит к выводу, что запущенное состояние городского хозяйства отрицательно повлияло не только на облик и функционирование города, работу транспорта, но и сказывалось в дальнейшем на его положении.

Январское восстание на Люблинщине и Подлясье нашло отражение не только в отмеченных выше материалах, но и в специально подготовленном к сотой годовщине с начала восстания VI томе ежегодника (1963). Этот выпуск содержал работы люблинских и варшавских историков. Нас прежде всего интересуют исследования люблинских ученых. Я. Томчик, хорошо знающий источники по истории январского восстания, в статье «Гражданско-военная организация Люблинского воеводства и Подлясья в январском восстании» коснулся мало разработанной темы. Собранный им богатый архивный материал и воспоминания участников восстания позволили автору детально проанализировать такие вопросы, как зарождение и структура конспиративной организации в Люблинщине и на Подлясье, состав тайных комитетов в этом районе, конспиративная деятельность до начала восстания. Он охарактеризовал деятельность К. Валентовича, Л. Франковского, определил численность тайной организации (около 5 тыс. чел. в Люблинском воеводстве, в том числе 700 чел. в Люблине). Автор представил также деятельность участников восстания на Подлясье Р. Рогиньского, Э. Лисикевича, В. Левандовского, дал характеристику повстанческих отрядов Рупкого, Крысиньского, Янковского, Чаховского. Я. Томчик остановился на вспомогательных службах — национальной жандармерии, повстанческой почте, медицинском обслуживании, на финансовых вопросах. В статье Я. Томчика получила многостороннее освещение деятельность гражданских и военных властей восстания.

Т. Менцель, большой знаток проблематики январского восстания, в статье «Валенты Левандовский и начало январского восстания на Подлясье» обстоятельно исследовал жизнь и деятельность этого выдающегося деятеля конспирации и участника восстания, опровергнув при этом некоторые ошибочные мнения о нем. Автор проанализировал одно из наиболее крупных повстанческих сражений на Подлясье — атаку на Семятыче (7 II 1863), в которой участвовала самая крупная группировка повстанческих войск. В статье нашли отражение связи В. Левандовского с русскими революционерами в ссылке и его руководящая роль в канско-красноярском заговоре 1865 г. Во второй части статьи приводятся показания В. Левандовского, данные на следствии, являющиеся важным документом о его деятельности.

В статье «Пятый отряд Люблинского воеводства Каэтана Цешковского-Цвека в январском восстании» Т. Менцель осветил организацию и действия одного из многих повстанческих отрядов. Этот очень разнородный по национальному и социальному составу отряд (в него вхо-

дили австрийские офицеры, оттоманские казаки, русские юнкера, венгерские офицеры) отличался особой дисциплиной. Отряд был создан в июне 1863 г. (насчитывал тогда около 250 чел.) и просуществовал до января 1864 г. Действовал он в восточной части Люблинского воеводства, наибольшие успехи имел летом 1863 г. К статье приложен интересный дневник военных действий с 15 августа по 27 октября 1863 г.

Связи Люблинщины с Восточной Галицией во время восстания рассматривает С. Ханковский. К. Гронёвский пишет о люблинской деревне в конце восстания и обращает внимание на взаимное переплетение национально-освободительного и крестьянского движения. Косвенно с проблематикой тома связаны статьи Я. Мазуркевича об изменениях в имущественных отношениях в Люблине после поражения восстания и З. Ковальского о стачке школьной молодежи в Люблине в 1905 г.

Современной Люблинщине был посвящен VII том (1964). В нем опубликованы работы об установлении и деятельности народной власти в «люблинский период» народной Польши⁴. С. Кшикала в статье «Сущность и формы национального фронта в период ПКНО» показал творческое развитие Польской рабочей партией, в период гитлеровской оккупации и после освобождения, лозунга народного правительства, выдвинутого КПП в межвоенный период. ПРП, руководствуясь принципами марксизма-ленинизма, сумела объединить вокруг программы общественного, экономического и политического переустройства широкие массы общества и демократические партии (ППС, Строничтво людове и Строничтво демократичне), придать национальному фронту новое классовое содержание. В статье В. Сквишло «Формирование государственного аппарата в период Польского комитета национального освобождения» доказывается, что события периода оккупации (образование ПРП, Крайовой рады народовой, разработка в стране и эмиграцией в Советском Союзе главных принципов общественно-экономического устройства, зародыши народной власти в виде рад народных и войска) были существенным фактором в создании аппарата народной власти. Автор охарактеризовал идейные основы новой власти и обратил внимание на использование существовавших прежде форм при создании нового государственного аппарата. Обстоятельно показано формирование Польского комитета национального освобождения, рад народных, гражданской милиции, органов правосудия. Автор приходит к выводу, «что создание

государственного аппарата народной Польши происходило в основном в соответствии с закономерностями народно-демократической революции».

П. Карпюк в статье «Экономическая жизнь Польши в период деятельности ПКНО» начинает анализ с того времени, когда народная Польша только зарождалась и занимала территорию 77 633 кв. км с населением 5530 тыс. чел., дает характеристику этого района, относившегося в межвоенный период к так называемой Польше Б, перенаселенной и отсталой в экономическом и сельскохозяйственном отношениях. Далее автор показывает усилия властей, направленные на восстановление промышленного потенциала, транспорта, сельского хозяйства, мобилизацию масс для обеспечения военных нужд. Он рассказывает о помощи Советского Союза не только военной, но и экономической, отмечает революционный энтузиазм народных масс.

З. Маньковский рассматривал культурные преобразования в период «люблинской Польши». Автор охарактеризовал деятельность Польского радио, Союза польских писателей, театральную жизнь, кино, охрану памятников старины, музыкальную жизнь. Много внимания уделено вопросу образования. Несмотря на большой ущерб, причиненный оккупантами школьному делу, и другие трудности в сентябре 1944 г. возобновились занятия в школах. В это время началась школьная реформа. К концу 1944 г. удалось восстановить систему обучения примерно на 90%. Важным средством в формировании общественного мнения была пресса. Первый номер органа ПКНО «Жечпосполита» вышел 23 июля 1944 г. Всего в этот период вышло 42 газеты и журнала, что при учете материальных трудностей и нехватке кадров следует считать значительным достижением.

Я. Малярчик заинтересовался вопросами организации и функционирования Университета им. М. Кюри-Склодовской. Инициатором создания высшего учебного заведения в Люблине был проф. д-р Г. Раабе, он стал и первым ректором. Декрет об открытии университета издан ПКНО 23 октября 1944 г. Он имел четыре факультета: медицинский, естественный, сельскохозяйственный и ветеринарный. Учебный год начался 14 января 1945 г. В значительной части студентами были люди в мундирах — солдаты и партизаны. Большую помощь в организации научных центров университета и библиотек оказал Советский Союз. В этом томе были помещены статьи М. Шишко об участии политических организаций в заселении возвращенных земель и Э. Мисловского о развитии ПРП в 1945 г. в Люблинском воеводстве. Этот том был одним из важных изданий Польского исторического общества, посвященных 20-летию народной Польши.

⁴ См. «Sto sześćdziesiąt cztery dni „Polski Lubelskiej”». Lublin, 1964.

В 1967 г. Люблин праздновал свое 650-летие. Этому юбилею редакция посвятила IX том (1966), содержащий, в основном, статьи по истории города⁵. Среди них были новейшие исследования археологов в районе города (М. Калетын-Млынарской «Средневековые поселения на Чвартке в Люблине в свете данных раскопок») и исследования, показывающие Люблин на фоне соседних земель (Я. Гурба, А. Гардавский, С. Хочыкувна). Статьи археологов богато документированы рисунками и чертежами. К. Мысльинский анализирует процесс создания средневекового Люблина до локационной грамоты 1317 г., связывая его с общими вопросами образования городов. Он показал также исключительное значение Люблина как центра пересечения торговых дорог, ведущих с запада на восток и с юга на север. В. Фрох осветил историю школьного дела в Люблине в XV в., А. Кужовтковская остановилась на истории иезуитского здания, в котором теперь размещается Люблинский воеводский архив. Новому и новейшему времени посвящены статьи Я. Марчука о выборах в Городскую раду в 1919 г. и о политической борьбе левых и правых сил и И. Цабана «Люблин в период освобождения (22—31 июля 1944 г.)», представляющая картину города в первые дни независимости.

В целом IX том значительно обогащает наши знания об этом важном в средние века торговом, политическом и культурном центре⁶. Результаты археологических исследований указывают на «древность» Люблина и дают основания для утверждения, что изучение раннесредневековой его истории может послужить для «создания новой модели развития догородского восточнопольского поселения». Другие статьи связаны с важнейшими датами в истории города, когда в Люблине некоторое время находились органы высшей государственной власти — в 1918 г. правительство Дашиньского, а в 1944 г. — Польский комитет национального освобождения. Большинство статей имеет и общее значение.

Остальные статьи тома: А. Коробовича о греко-униатском духовенстве в Королевстве Польском (1815—1875), Я. Мазуркевича о ликвидации феодальных отношений в городах Королевства в 1866 г., С. Кшикала о борьбе учителей за свои права в 1937 г., В. Волчева о деятельности буржуазного подполья в Люблинщине в 1944 г. — также в значительной мере касаются самого города Люблина.

⁵ См. «Lublin 1317—1967». Praca zbiorowa pod redakcją H. Zinsa. Lublin, 1967; «Zarys dziejów Lublina 1317—1967», Lublin, 1967.

⁶ См. «Dzieje Lublina. Próba syntezy». T. I. Lublin, 1965.

Редакция журнала выпускает также тома, которые содержат статьи, относящиеся к разным историческим явлениям и событиям. Типичным примером является том I, открывающий издание (1958). Здесь можно найти работы по архивоведению (Т. Менцель) и студенческому движению в Пулавском институте в 1901—1902 гг. (С. Кшикала), судебные юрисдикции люблинского воеводы над шляхтой в XVI в. (Я. Мазуркевич), данные о Тышовецкой конфедерации 29 декабря 1655 г. (А. Керстен), о просвещении на Люблинщине в XIX в. — на материале начальных школ (Я. Добжаньский) и о профессиональном и ремесленном образовании в Люблине (К. Познаньский). В этом томе, однако, преобладала крестьянская проблематика. В интересных статьях К. Мысльинского «Из истории развития люблинской деревни в XIV и XV вв.» и Ю. Р. Шафлика «О положении и классовой борьбе крестьян деревень Луковского старства в XVII в.» выясняется, что экономические и колонизационные процессы в люблинской деревне значительно отставали от аналогичных процессов на других польских землях. И. И. Костюшко касается деятельности П. Спегенного, Ю. Вийом, рассматривает аграрное движение в люблинской деревне в 1861 г., охватившее 28% всех крестьянских дворов со 120 тыс. чел., что составляло около 17% жителей деревни.

Подобный характер имеет III том (1960). Венгерский историк Г. Коморочи пишет об экспорте из Венгрии в Польшу в XVI—XVIII вв., М. Закшевска-Дубасова — об общественной организации армян в Замостье в XVI—XVII вв. Административно-правовой проблематике посвящены статьи В. Собоциньского о роли Ю. В. Бандке в развитии польской юриспруденции и его борьбе за сохранение кодекса Наполеона на польских землях и Я. Мазуркевича, занимающегося пережитками старинной ипотeki в Западной Галиции в 1795—1810 гг. А. Айненкель освещает деятельность правительства Польской республики в Люблине в 1918 г., С. Кшикала рассказывает о Советах фольварочных рабочих в Люблинском воеводстве. Статьи взаимно дополняют друг друга и дают представление о формировании аппарата власти имущих классов и зародышах новой власти пролетариата. В них содержатся интересные данные о политических партиях и их роли в общественной и революционной борьбе на люблинских землях, о крестьянском движении. К. Мысльинский анализирует роль Люблина, расположенного на так называемой радомско-люблинской дороге, конкурировавшей с краковской в торговле Вроцлава с Россией в XIV и XV вв. По мнению автора, этот путь раньше был единственным в торговле люблинских купцов со Львовом. В статье А. Александро-

вича о пребывании Ю. У. Немцевича в Пулавах дается и характеристика Пулав как культурного центра на рубеже XVIII—XIX вв.

Интересен по содержанию и V том (1962). М. Станкова и С. Пайлова в статье о Куровском повяте в XV в. раскрывают не известные до сих пор административно-судебные связи Люблинщины с другими землями Малой Польши. А. Керстен пишет о военной кампании 1656 г. на Люблинщине, имевшей важное значение для ликвидации шведского нашествия, В. Цвик рассматривает положение королевских городов в этом районе в последней трети XVIII в. и их борьбу за политические права и экономическую независимость. М. Тырович рассказывает о Войцехе Гутковском, пропагандировавшем агротехнический прогресс в животноводстве в период княжества Варшавского и Королевства и о его связях с Люблином и Замостьем. А. Коробович исследует административно-правовые взгляды П. Сцегенного, Т. Мендель — деятельность гражданских властей в Люблинском воеводстве в период ноябрьского восстания. К. Гронёвский поднял проблему очень существенную для выяснения положения крестьян после январского восстания — он занялся анализом крестьянских хозяйств, их имущественной структурой и процессами дробления хозяйств. Э. Мысловский пишет об организационном развитии ПРП в Люблинском воеводстве в 1944 г., В. Волчев — о реализации Крайовой армией плана «Буря» на Люблинщине и приходит к выводу, что эта акция, направленная против демократических сил в период оккупации и после освобождения страны, имела незначительный военный эффект, но большое политическое значение⁷. М. Валешко показал изменения в составе населения Люблинского воеводства после освобождения в связи с общими социальными и экономическими изменениями. Наряду с другими материалами⁸ здесь опубликован Э. Вуйциком обзор советской и западноевропейской историографии о восточной политике Речи Посполитой в конце XVI и в XVII вв., в котором автор обращает внимание на многие недостатки в изучении этого вопроса и тенденциозный подход к нему и указывает, что историческая литература последних лет внесла много ценного в его изучение.

⁷ См. I. S a b a n, Z. M a n k o w s k i. Realizacja wojskowych zadań planu «Burza» na Lubelszczyźnie. «Najnowsze dzieje Polski 1939—1945», t. XI. Warszawa, 1967, s. 43—81.

⁸ См. в этом томе: Cz. W ó j c i k. Strajki kolejarzy w województwie lubelskim (1920—1923); M. B u c z y n s k i. Nazwy dzielnic i przedmieść Lublina.

В VIII томе ежегодника (1965) впервые была широко представлена проблематика всеобщей истории. Р. Каменик освещает взгляды Сальвиана (Марсийского). Знарок английской истории, Г. Цинс, в статье «Английский вывоз сукна на Балтику во второй половине XVI в.», показал, что английская торговля с балтийскими странами занимала второе место после торговли на Северном море. М. Крупа знакомит с попыткой Дистервега провести реформу системы просвещения. Г. Хычко рассмотрела военные действия 1700—1721 гг. на территории Люблинского воеводства, которое занимало важное место в стратегических планах шведов в 1706—1709 гг., где сталкивались влияния различных политических группировок, особенно сильной группировки сторонников соглашения со Швецией и поддерживавших кандидатуру Лещиньского на польский трон. Р. Орловский охарактеризовал деятельность канцлера Анджея Замойского. Автор коснулся также таких проблем как положение горожан, монетная система, крестьянский вопрос, участие Замойского в Компании шерстяных мануфактур, и отметил его стремление к усовершенствованию экономики и всего государственного аппарата.

Чрезвычайно важную проблему поднял В. Слядковский в статье о немецкой колонизации в восточной части Королевства Польского в 1864—1915 гг. Автор выяснил источники немецкой колонизации, которая заметно усилилась в это время, чему вначале способствовало благоприятное отношение царских властей. Автор полемизирует с немецкой историографией, тенденциозно преувеличивающей роль колонистов в распространении новых методов ведения хозяйства. В сфере интересов автора оказались также такие вопросы, как расслоение колонистов, районизация поселения, отношения с местными крестьянами и помещиками, сельское хозяйство. Он показывает, что немецкое население на этой территории использовалось немецким империализмом для шпионажа и реализации политики Дранг нах Остен.

Обращает на себя внимание и статья И. Цабана и З. Маньковского, которые одними из первых в Польше завлелись в таком объеме изучением деятельности Армии крайовой, политически и организационно подчиняющейся эмигрантскому правительству; концепция и методы борьбы ее с оккупантами принципиально отличались от позиции левых сил. Значительный интерес представляют наблюдения источниковедческого характера. В статье рассматривается личный состав, приводятся криптонимы, псевдонимы деятелей АК на Люблинщине, реконструирована организационная и территориальная система АК. В целом это очень содержательная работа, она в определенной мере пролагает путь для дальнейшего

изучения организации, о которой все еще немного можно сказать⁹.

Юбилейный, X том ежегодника (1967), приурочивался к X съезду польских историков. Он дает представление о результатах исследований люблинского центра¹⁰. Две статьи посвящены проблемам античности (Т. Лопощко, «Голод в Риме в 57 г. до н. э.» и Р. Каменика о взглядах Сальвиана на собственность). К. Мыслинский занялся историей славянского государства Стодоран со столицей в Бренне (Бранденбург). Автор polemизует с немецким историком Г. Д. Калем, по мнению которого Чехия и Польша отставали в экономическом развитии от Германии и включение полабских славян в орбиту германской империи было поводом для их более быстрого развития на высшем уровне. В результате анализа источников К. Мыслинский приходит к выводу, что государство Стодоран «в экономическом и социальном отношении непрерывно развивалось как раннефеодальное государство... Оно имело все условия для дальнейшего независимого существования и развития». Ч. Дупула касается древней истории Казимежа над Вислой. Г. Цинс пишет о значении балтийского района для английского судостроительства в XVI и XVII вв. Ю. Вийом делает обзор французской историографии, оправдывающей внешнюю политику Наполеона. Проблемы города XIX в. нашли отражение в статьях Я. Мазуркевича о ликвидации городской организации в малых городах Княжества Варшавского и Королевства в 1807—1864 гг. и В. Цвика об экономическом положении городов Малой Польши в 1815—1866 гг. З. Войцеховский рассказал о шляхте Люблинского воеводства во второй половине XVI в., а Я. Добжаньский остановился на системе среднего образования в Западной Галиции в период с 1795 по 1809 г., В. Слядковский — на школьном деле у немецких колонистов в восточных районах Королевства Польского во второй половине XIX в. В. Волчев осветил изменения в расстановке политических сил на Люблинщине во второй половине 1944 г., С. Кшикала — борьбу ПРП за создание и упрочение народной власти. В других статьях читатель найдет материалы о костюшковском восстании на люблинских землях (Р. Орловский),

⁹ Авторы продолжают заниматься этими вопросами. В печати находится двухтомная работа «Союз вооруженной борьбы и Армия крайова в Люблинском районе». Ч. I, монографический очерк. Ч. II, документ.

¹⁰ К съезду были подготовлены также: «Annales UMCS», т. XX, Lublin, 1965 (изд. 1968) и «Polska w Europie. Studia historyczne» pod red. H. Zinsa. Lublin, 1968.

полемику с учеными, предполагающими, что на люблинских землях когда-то находилось государство Дулебов (Ю. Гурба), соображения о начале средневековой историографии (Я. Шиманьский).

С. Творек с достойной подражания систематичностью и эрудицией исследует уже давно поставленную проблему истории польской реформации¹¹, в частности вопрос о кальвинизме в Малой Польше. Государственной думе и некоторым общественным и экономическим аспектам Люблинщины межвоенного периода посвящены статьи автора данного обзора¹².

Оценивая достижения «Люблинского ежегодника» за десять лет, следует сказать, что его проблематика была прежде всего связана с историей района. В большинстве случаев это работы, касающиеся вопросов, малоизвестных или совсем неизвестных польской историографии, или вопросов, требующих пересмотра, так как многие из них решались в противоречии с истиной. Опубликованные материалы имеют не только региональный, но и более общий характер, так как они касались периода гитлеровской оккупации, первого периода существования народной Польши, общественного и революционного движения в XIX и XX вв., города и деревни при феодализме. Ежегодник стремится избегать тематической односторонности, потому так разнообразны вопросы, освещавшиеся на его страницах. Предназначаясь для широкого круга читателей, журнал приобретает важное значение для историков Люблина и всего района. Детальные исследования, результаты которых были опубликованы в ежегоднике, позволили подготовить синтетическую историю города¹³ и Люблинщины¹⁴.

¹¹ См. статьи С. Т в о р к а: *Proces księgarza kalwińskiego Jana Kownackiego w Lublinie w latach 1615—1619* (t. I, 1958); *Dysputa lewartowska w 1592 roku* (t. III, 1960); *Walka z braćmi polskimi w Lublinie w XVII wieku* (t. IV, 1961); *Z zagadnień organizacji zborów kalwińskich w Małopolsce w XVI—XVII w.* (t. VIII, 1965); *Z zagadnień ruchu kalwińskiego w Małopolsce* (t. X, 1967).

¹² См. А. К о р п у к о в н и а к. *Likwidacja serwitutów w Ordynacji Zamajskiej (1920—1932)* (t. III, 1960); *Pomoc bezrobotnym w Lublinie (lata 1929—1933)* (t. IV, 1961); *Walka polityczna w czasie wyborów do pierwszej Dumas Państwowej na Lubelszczyźnie* (t. IX, 1966); *Społeczeństwo Lubelszczyzny wobec wyborów do drugiej Dumas Państwowej* (t. X, 1967).

¹³ См. «*Dzieje Lublina...*». Том содержит историю города до 1918 г. Идет работа над следующим томом по истории города до нашего времени.

¹⁴ Готовятся к изданию монография в двух томах: «*Lubelszczyzna*», а также: «*Wieś lubelska w rozwoju dziejowym*»

Обращаясь в последний период к общей проблематике и сравнительным исследованиям, ежегодник уверенно выходит за «пределы узкого регионализма». Представляется, что журнал должен, не оставляя чисто люблинские проблемы,

развиваться в этом направлении, так как тогда он сможет быть полезен не только региону, но и включится в общую польскую историческую науку.

А. Копруковняк

НОВЕЙШИЕ РАБОТЫ ХОРВАТСКИХ И СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ ОБ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЗАДАРСКОМ ДИСТРИКТЕ X—XIV вв.

Далматинский город Задар имеет богатое историческое и культурное прошлое, которое привлекает все большее число исследователей¹. До недавнего времени их внимание в основном было направлено на изучение городской жизни². В последние же годы повысился интерес и к истории задарской деревни. И это вполне закономерно. Во-первых, город и его сельский округ имели прочные многосторонние связи, и интересно определить их взаимовлияние в социально-политической и экономической сферах. Во-вторых, Задарский дистрикт — это значительный земледельческий центр Далмации, игравший существенную роль в ее аграрной жизни.

Тема аграрных отношений получила некоторое освещение в историко-правовом исследовании И. Беуца «Статут Задарской коммуны 1305 г.»³, посвященном возникновению и развитию Задарской коммуны, формированию Задарского дистрикта, развитию городского права, подробному анализу правовых положений Задарского статута. В небольшом разделе «Кметы» автор характеризует отдельные категории сельских жителей, обозначенных в Задарском статуте терминами *homines districtus Jadrae, habitatores, rustici, villani*, кратко рассматривает положение статута о сдаче земли в аренду. Подробнее автор останавливается на условиях обработки земли по так называемому «кметскому договору». А так как сведения об этом в статуте довольно скудны, И. Беуц прибегает к помощи и других источников — Новиградскому сборнику, записям задарского нотариуса Кресте Таралло, Задарскому катастику XV в., сборникам документов «Miscellanea». К сожалению, И. Беуц рассматривает арендные и кметские отношения лишь

с юридической точки зрения и при том в статике, без учета их изменения в процессе развития феодальных отношений. Вопрос же о причинах возникновения и распространения аренды и кметства автор не ставит. В другом небольшом разделе «Феодатарии» И. Беуц анализирует условия держания коммунальной земли мелкими феодалами-рыцарями, находившимися на службе у городской коммуны.

Сельскому хозяйству Задарской коммуны в раннее средневековье посвящена статья Н. Чолака⁴. Автор считает, что изучение экономической истории средневековья должно опираться на выводы, полученные при исследовании хозяйства позднеантичного времени, так как тогда уже существовали некоторые экономические формы, сохранившиеся и в средневековье. Используя акты, опубликованные Ф. Рачки, Н. Чолак, к сожалению, упускает из виду, что некоторые из них являются фальсификатами или аутентичность их подвергается сомнению⁵. Отмечая, что еще в раннее средневековье существовало крупное землевладение, он обращает внимание на то, что основная часть крупных земельных владений, так называемые куртис, обрабатывалась сельскими рабами (*familia rustica*), а также колонами — кратковременными (*livelarii*) и наследственными (*emfiteutae*) арендаторами⁶. Однако высказывание автора о краткосрочных и наследственных арендаторах не подкреплено доказательствами. Да и сам Н. Чолак далее замечает, что первое упоминание в хорватских источниках об аренде земли зафиксировано лишь актом 1075—1076 гг.⁷ Вызывает возражение и употребление термина «ливеллярий», который не встречается в договорах об аренде земли в Задарском дистрикте, по крайней мере до XV в. По нашему мнению, автор также не совсем обоснованно причисляет к рабам всех

¹ См., например, «Radovi Instituta JAZU u Zadru», sv. I—XII, Zadar, 1954—1965; «Pomorski zbornik», knj. I—II, Zagreb, 1962; zb. «Zadar», Zagreb, 1964; и др.

² Исключение составляет работа М. Медичи «O postanku i razvitku kmetskih i težackih одношаја u Dalmaciji», Zadar, 1920, в которой уделено много внимания Задарскому сельскому округу.

³ I. В е u с. Statut Zadarske komune iz 1305 godine. «Vjesnik državnog arhiva u Rijeci», sv. II, Rijeka, 1954.

⁴ N. Č o l a k. Poljoprivreda Zadarske komune u ranom srednjem vijeku. «Radovi Instituta JAZU u Zadru», sv. IX, Zadar, 1962.

⁵ См., например, Ю. В. Б р о м л е й. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, стр. 56, 59—60, 65—68 и др.

⁶ N. Č o l a k. Ibid., s. 165.

⁷ Ibid., s. 176.

сервов, упомянутых в завещании приора Андрея 918 г.

Освещая состояние сельского хозяйства Задарской коммуны, Н. Чолак подробно останавливается на природных условиях Задарского района, отмечает высокий уровень развития в нем виноградарства, скотоводства, наличие пашенного земледелия, садоводства и огородничества. Автор приводит данные источников о земельных участках в окрестностях Задара и об их собственниках, подробно характеризует процесс укрупнения владений монастырей св. Кршевана и св. Марии.

Другая статья Н. Чолака посвящена земельным владениям Задарской коммуны в XII в.⁸ Отмечая скудость источников, автор предпринимает попытку хотя бы частично восстановить картину сельского хозяйства Задарского дистрикта XII в. вообще и земельных владений в нем в частности.

Начав с краткого описания состояния землевладения в Задарской коммуне в раннее средневековье, уже рассмотренного им в разобранной выше статье, Н. Чолак переходит к анализу монастырского землевладения в XII в. и прежде всего таких крупных земельных собственников, как монастыри св. Кршевана и св. Марии. Он указывает на источники роста монастырского землевладения, отмечает усилившуюся борьбу монастырей и светских лиц за землю, приходит к выводу, что в XII в. рост монастырского землевладения замедлился. Затем автор приводит данные источников о землевладении монастырей св. Платона и св. Деметрия, а также некоторых церквей. Подобным же образом Н. Чолак анализирует землевладение светских лиц, «частных владельцев», по его терминологии. Он отмечает, что в период развитого феодализма отношения светской власти и задарской церкви обостряются из-за чрезмерного роста церковно-монастырского землевладения. Н. Чолак пишет, что монастыри сдавали землю и виноградники в аренду, а также использовали в своем хозяйстве труд рабов.

К сожалению, Н. Чолак не рассматривает в своих статьях вопросов о системе пашенного земледелия, о способах обработки почвы, развитии орудий труда и т. п. Он избегает сравнений с поземельными отношениями других сельских районов Далмации, не замечает взаимовлияния города и его сельского дистрикта. И все же, несмотря на эти недостатки, Н. Чолак внес полезный вклад в дело дальнейшего изучения поземельных отношений в Далмации, при этом с позиций марксистской методологии.

⁸ N. Čolak. Zemljišni posjedi Zadarske komune u 12 st. «Radovi Instituta JAZU u Zadru», sv. X, Zadar, 1963.

Аграрная история Задара привлекла внимание и советского историка М. М. Фрейденберга. Он считает Задар и его сельский дистрикт единым социально-экономическим комплексом, составные части которого активно воздействуют друг на друга. При этом аграрные отношения Задарского дистрикта используются автором для широких обобщений по аграрной истории всей северной Далмации.

Влиянию города на далматинскую деревню в XIII—XIV вв. было посвящено выступление М. М. Фрейденберга на VIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы⁹. Отмечая две основные формы эксплуатации крестьянства: аренду и кметство, — он пишет: «Аренду можно считать той формой держания, которая возникла в далматинской деревне под влиянием города и вполне соответствовала потребностям городской жизни»¹⁰. Существование кметов в деревнях, удаленных от города, М. М. Фрейденберг объясняет «органической связью кмета с его наделом». «Эта-то связь и разрывалась в условиях близости к городу, когда земельная собственность находилась в процессе постоянной мобилизации и дробления»¹¹. Нам думается, что М. М. Фрейденберг сузил представление о кметстве, характеризует его лишь в развитых формах: «Кмет, обязанный не только оброком, но и барщиной („згоном“), должен быть обеспечен пахотным наделом (обычно 4—6 га), усадьбой и воловьей упряжкой»¹². Однако в Задарском дистрикте существовали и крестьяне, находившиеся в неразвитой форме кметской зависимости. Такими, очевидно, являлись арендаторы, поселившиеся в вилле землевладельца и признавшие себя «его виллапами»¹³. В источниках не говорится о выделении наделов таким кметам. Возможно, безнадельными были и кметы, жившие в близких к городу селах¹⁴. Что касается барщины, то она упоминается в задарских источниках не ранее XV в.

М. М. Фрейденберг показывает процесс вовлечения сравнительно крупных земельных владений задарского монастыря

⁹ М. М. Фрейденберг. Далматинская деревня в сфере влияния города в XIII—XIV вв. «Тезисы докладов и сообщений VIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы», М., 1965.

¹⁰ Там же, стр. 16.

¹¹ Там же, стр. 17.

¹² Там же.

¹³ «Statuta Iadertina cum omnibus reformationibus», Venetiis, 1564, reformationes, № 109; «Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae» (в дальнейшем — CD), Zagrabiae, v. X, № 109.

¹⁴ См. CD, VII, № 105; IX, № 169; X, № 104, 229, 404 и др.

св. Кршевана и удаленного от города Роговского аббатства в торгово-денежные операции, обращает внимание на проникновение задарских монастырей, городско-го патрициата и других слоев горожан в некоторые близлежащие к Задару села и переход к ним почти всего земельного фонда этих сел. В то же время автор отмечает и сохранение свободной крестьянской собственности как в непосредственной близости от Задара, так и на периферии, особенно на островах.

Свое выступление на Седьмой всесоюзной конференции византинистов М. М. Фрейденберг посвятил византийскому эмфитевзису¹⁵. Он сравнил эмфитевтическую аренду VI—VIII вв. в Византии и XIII—XIV вв. в Далмации. М. М. Фрейденберг впервые предпринял попытку рассмотреть задарский эмфитевзис с точки зрения развития социальных отношений, тогда как предшествующих исследователей интересовала лишь юридическая сторона дела. Остановившись на некоторых чертах задарского эмфитевзиса, он отметил, «что, сохранив многие свои прежние особенности, эмфитевзис перестал быть земельным держанием, ориентированным главным образом на самостоятельных собственников, что он стал формой эксплуатации мелких производителей»¹⁶. Правда, задарский эмфитевзис М. М. Фрейденберг рассматривает лишь в общих чертах, сравнивая его с византийским. Проанализировав также особенности эмфитевзиса в окрестностях Трогира, М. М. Фрейденберг отметил, что причины сохранения эмфитевзиса в Далмации «заключались в существовании развитых городских центров, нуждавшихся в крестьянстве, в свободном и связанном с распространением наиболее выгодной в рыночном отношении сельскохозяйственной культуры — винограда»¹⁷.

В то же время следовало бы указать, что распространению эмфитевзиса, как и вообще аренды, способствовало и наличие сравнительно крупного землевладения, нуждавшегося в рабочих руках. Например, из имеющегося в нашем распоряжении 91 договора об эмфитевзисе в Задарском дистрикте в 77 землевладельцами были крупные собственники — монастыри и патриции.

Одна из работ М. М. Фрейденберга посвящена эволюции земельного держания в Далматинской Хорватии в XI—XVI вв.¹⁸ Выводы, к которым приходит

автор, в значительной степени основаны на материале задарских источников. По мнению М. М. Фрейденберга, «сравнение данных XI и XIII—XIV вв. должно выявить специфику развития деревни» в Далматинской Хорватии¹⁹. Автор подчеркивает большую трудность такого сравнительного анализа, объясняемую разнохарактерностью и локальной разнородностью источников, скудостью их данных. В XI—XII вв., по его мнению, в деревне сохраняются значительные массы свободного крестьянства, владеющего землей, сельская община; часть вотчинных земель обрабатывается сервами. Автор отмечает и наличие аренды-издольщины, считая, что она «отнодь не являлась формой аренды, возникающей только под воздействием развитых товарно-денежных отношений»²⁰. К сожалению, М. М. Фрейденберг не показал, какие же еще факторы способствовали появлению аренды-издольщины в Далматинской Хорватии, в частности, уступив из виду формирование крупного землевладения. Отмечая широкое распространение аренды начиная с первой половины XIII в., автор характеризует признаки сложившейся формулы арендного договора, по сути дела лишь договора об эмфитевзисе. Но ведь существовали и другие виды аренды, а следовательно, и формулы арендных договоров.

М. М. Фрейденберг останавливается также на другой форме держания земли в Далмации — кметстве, указывает его основные черты. Но и здесь он, как и ранее, не ставит вопроса о возникновении этой формы держания. Проследившая изменения в характере кметства и аренды в XIII—XIV вв., автор отмечает взаимопроникновение этих форм земельных держаний.

В 1966 г. была опубликована работа М. М. Фрейденберга «Патрициат далматинских городов XII—XIV вв. (по данным из Задара и Трогира)»²¹, в которой он делает вывод, «что землевладение является самым устойчивым видом собственности, самой надежной имущественной основой правящих фамилий города»²². Не оспаривая этот основной вывод, мы должны отметить, что отдельные положения статьи вызывают возражение. Нам представляется ошибочным мнение М. М. Фрейденберга о разорении Вулчины Мартинуича²³, основанное на том, что в счет долга Вулчины в 800 либров

¹⁵ М. М. Фрейденберг. Византийский и далматинский эмфитевзис. «Тезисы докладов Седьмой всесоюзной конференции византинистов». Тбилиси, 1965.

¹⁶ Там же, стр. 49.

¹⁷ Там же, стр. 50.

¹⁸ М. М. Фрейденберг. Эволюция земельного держания в Далматинской Хорватии в XI—XVI вв. «Тезисы докладов и сообщений IX (таллинской)

сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». Таллин, 1966.

¹⁹ Там же, стр. 148.

²⁰ Там же, стр. 150.

²¹ М. М. Фрейденберг. Патрициат далматинских городов XII—XIV вв. (по данным из Задара и Трогира). «Славянские исследования». Л., 1966.

²² Там же, стр. 62.

²³ Там же, стр. 42.

была продана с торгов его земля в Раце за 300 либров. В то время Вулчине принадлежал еще ряд владений там же в Раце и на о-ве Пашмане. В последующие годы он осуществляет крупные операции по скупке земли: за 300 либров, еще раз за 300 либров, за 50 либров²⁴. К спекулятивной деятельности автор почему-то относит продажу с торгов четырех наделов земли Франциска Николаева Варикаши²⁵. При характеристике рода Фанфронья совсем упускаются из вида факты купли и продажи земельных владений и виноградников, иногда сравнительно больших размеров (земля за 300 либров, вилла в пять наделов за 250 золотых дукатов)²⁶. Неточен М. М. Фрейденберг при характеристике землевладельцев Косы Саладини. Перечисляя записанные в завещании многочисленные владения Косы, которые были рассредоточены в отдельных селах и по разным урочищам, автор утверждает, что их «никак нельзя назвать наследственным, все они приобретены у кого-либо»²⁷. Однако в завещании Косы упоминается о приобретении лишь двух участков земли и виноградника. Умолчание о приобретении остальной массы владений скорее всего говорит, что они не были приобретены Косой Саладини. Помимо указанных в завещании, мы знаем лишь об одном случае приобретения земли Косой (в 1278 г. на Длинном острове за 100 либров²⁸). Не отличались активностью по приобретению земли и другие представители рода Саладини. В актах XIV в. зафиксировано три случая отчуждения ими земли: за 80, 200 либров, семь больших либров и лишь один случай приобретения небольшого участка земли за 16 либров²⁹. Поэтому мне думается, рискованно утверждать, что для рода Саладини характерно «традиционное стремление превращать денежные богатства в земельные владения»³⁰.

К сожалению, научный аппарат статьи не всегда удовлетворяет читателя. Ссылки на большое число документов для подтверждения одного факта или явления зачастую осложняют чтение работы. При этом некоторые ссылки не подтверждают

указанных в статье фактов. Например, в тексте читаем, что представители рода Пекиро «получают земли в дар от князя Брибирского, продают угоды на огромную сумму в 800 либров, сдают их вилланам в держание»³¹. Однако в документах, на которые ссылается автор (сноска 23), находим лишь упоминания о земле Николая Пекиро в Туклечано, установление наследника имущества Миссула Пекиро, запрещение Николаю Виткору и Миссуле Пекиро пасти скот на земле монастыря св. Николая в Благо. Не все приведенные в статье факты подтверждаются документами, указанными в сносках 39, 48, 66, 76.

В целом работы М. М. Фрейденберга — весомый вклад в изучение аграрных отношений как Северной Далмации вообще, так и Задарского дистрикта в частности.

Аграрная история Задарского округа нашла частичное отражение также в общих исследованиях В. Бабича, Е. А. Ефремова, Ю. В. Бромлей³² и др.

Работы югославских и советских далматинистов свидетельствуют об определенных успехах, достигнутых в изучении аграрного строя Задарского дистрикта. В то же время остаются еще недостаточно исследованным уровень развития сельскохозяйственного производства задарской деревни X—XIV вв., общинные отношения в ней, особенности формирования и развития крупного светского и церковного землевладения, мелкое землевладение крестьян, а также ремесленников и других рядовых горожан, эволюция форм земельных держаний и феодальной эксплуатации. Насколько нам известно, совершенно не ставился вопрос об участии крестьян дистрикта в городских волнениях, имевших место в Задаре в XIV в.

³¹ Там же, стр. 20.

³² V. B a b i ć. Crkva i njezini posjedi u Hrvatskoj do 1102. «Nastava historije u srednjoj školi», knj. 1, br. 4—5, Zagreb, 1951—1952; е г о ж е. Zakupnički odnosi u Dalmaciji u 13. i 14. stoljeću. Е. А. Е ф р е м о в. Формирование феодальной собственности на землю в Далматинской Хорватии в X—XI вв. (Формирование крупного феодального землевладения). УЗИС, т. XX, 1960; е г о ж е. Земельные отношения и сельская община в Далматинской Хорватии в X—XI вв. УЗИС, т. XXIV, 1962; Ю. В. Б р о м л е й. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964. Некоторые вопросы данной проблемы были затронуты и в нашей статье «К вопросу об аграрных отношениях в Задарском округе в XIII—XIV вв.» «Вопросы истории славян», вып. 2, Воронеж, 1966.

²⁴ CD, VIII, № 316, 332, 427, 462; IX, № 136.

²⁵ М. М. Ф р е й д е н б е р г. Патрициат..., стр. 38.

²⁶ CD, VIII, № 316; XII, № 61; XIII, № 233, 339.

²⁷ М. М. Ф р е й д е н б е р г. Патрициат..., стр. 47.

²⁸ CD, VI, № 217.

²⁹ Там же, X, № 4, 289; XII, № 83; XV, № 66.

³⁰ М. М. Ф р е й д е н б е р г. Патрициат..., стр. 48.

НОВЫЕ РАБОТЫ УРАЛЬСКИХ БАЛКАНИСТОВ

В последние годы при некоторых университетах организуются группы ученых, разрабатывающих общую или смежные проблемы. В области славистики такие группы сложились в Воронежском университете по проблемам раннефеодалного развития славянских народов; в Харьковском университете успешно разрабатываются вопросы истории национально-освободительного движения. В Свердловске группа молодых ученых объединилась для изучения вопросов истории балканских стран и международных отношений на Балканах накануне и в начале второй мировой войны.

В 1968 г. вышли в свет два новых сборника уральских балканистов¹, которые продолжают разрабатывать проблемы, намеченные еще в их диссертационных работах. Для В. И. Шихова, например, основным является вопрос об итало-германских противоречиях в Юго-Восточной Европе накануне второй мировой войны. В статье «Нацистский путч в Австрии 25 июля 1934 г. и позиция стран Римского блока» (I, стр. 3—20) показано столкновение интересов двух фашистских государств, достигшее в этот момент наибольшей остроты за весь межвоенный период. Сосредоточив основное внимание на позиции Италии, автор, однако, не раскрыл политики Венгрии и воздействия этих событий на отношения между странами Дунайского бассейна. Полнее и глубже указанные вопросы рассмотрены в статье Шихова «Итало-германское соперничество в странах Дунайского бассейна летом 1938 года» (II, стр. 19—46). Раскрыв отношения фашистских держав в период между аншлюсом Австрии и Мюнхенским соглашением, автор убедительно показал падение влияния Италии и причины ее неудачных попыток воссоздать под своим руководством проитальянский блок в Дунайском бассейне.

Для специалистов, занимающихся изучением политики западных держав на Балканах, интересна статья П. К. Тарасова «Франко-турецкие отношения накануне второй мировой войны. 1936—1939 гг. (Краткий обзор источников)» (II, стр. 3—18). Стремление французской дипломатии сыграть на вопросе об Александреттском санджаке и вмешательство в этот конфликт других великих держав в значительной мере определяли позицию Турции в международных делах, в част-

ности ее политику на Балканах. Статья Тарасова «Саадабадский пакт» (I, стр. 47—48), а также статья В. Н. Грак «Империалистические противоречия на Ближнем Востоке после капитуляции Франции (июнь—сентябрь 1940 г.)» (II, стр. 193—215) затрагивают проблемы, которые необходимо постоянно иметь в виду для правильной оценки развития международных отношений на Балканах, хотя они и не относятся непосредственно к балканскому региону.

Сложный комплекс вопросов, связанных с отношениями Болгарии и стран Балканского пакта, отражен в статье С. И. Рябокоия «Салоникское соглашение 31 июля 1938 г.» (I, стр. 21—26). Автор сосредоточил внимание на дипломатической подготовке соглашения, инициатором и вдохновителем которого он считает Англию. В тени остались отношения между участниками Балканского пакта. В целом в статье дана правильная оценка болгарской политики, стремившейся маневрировать между англо-французским блоком и фашистской «осью». Эта оценка повторена Рябокоином в статье «Позиция болгарского монархо-фашистского правительства в период Мюнхенского сговора» (II, стр. 47—55).

Своекорыстная политика Англии на Балканах в начальный период войны нашла освещение в статьях А. Г. Чевтаева «Подготовка к отправке британских войск в Грецию (январь—март 1941 г.)» (I, стр. 69—95) и «Роль Критской операции в военно-политических планах Англии и Германии весной и летом 1941 года» (II, стр. 175—192). Автор показал, что английская политика была направлена в этом районе не на организацию эффективного сопротивления гитлеровской Германии, а на отвлечение ее внимания и сил от операций в Северной Африке и на Ближнем Востоке. При этом английская дипломатия рассчитывала, что гитлеровская агрессия против Советского Союза заставит Германию пересмотреть свои планы в отношении британских позиций в Восточном Средиземноморье.

Больше половины общего объема обоих сборников занимают статьи И. Н. Чемпалова «Итало-германская агрессия на Балканах в конце 1940 г.» (I, стр. 96—221), «Завершение оккупации Румынии немецко-фашистскими войсками (январь—март 1941 г.)» (I, стр. 222—255) и «Присоединение Болгарии к Тройственному пакту и позиция великих держав» (II, стр. 56—174). Они представляют собой части подготовляемой автором монографической работы и объединены общностью замысла и концепции. Затронутый в них круг проблем чрезвычайно широк. Автор использовал огромный фактический материал, почерпнутый в основном из архивов.

¹ «Международные отношения в новейшее время», Уч. зап. Уральск. гос. ун-та им. А. М. Горького, № 63, сер. истор., вып. 6, Свердловск, 1968 (далее — I); «Балканы и Ближний Восток накануне и в начале второй мировой войны», Уч. зап. Уральск. гос. ун-та им. А. М. Горького, № 74, сер. истор., вып. 12, Свердловск, 1968 (далее — II).

Чемпалов подробно исследует изменения в политической обстановке на Балканах в результате итальянского нападения на Грецию; показывает обострение итало-германского соперничества в Юго-Восточной Европе, позицию Турции, Болгарии, Венгрии, Румынии и Югославии по отношению к итало-греческой войне и дальнейшим событиям. В статьях раскрывается картина военно-политической экспансии гитлеровской Германии на Балканах на общем фоне ее подготовки к агрессии против Советского Союза. Важным этапом на этом пути были усилия нацистской дипломатии добиться присоединения балканских стран к Тройственному пакту. Развернувшаяся дипломатическая борьба, в которой СССР выступил против распространения сферы войны в Европе и расширения германского влияния на Балканах, привела к оттяжке немецких планов включить Болгарию в фашистский блок. Не увенчался успехом и нажим на Югославию.

Сосредоточение мощной германской вооруженной группировки в Румынии в начале 1941 г. изменило военно-стратегическое положение на Балканах. Чемпалов показывает эти события в тесной связи с развитием внутривнутриполитического кризиса в Румынии, приведшем к установлению диктатуры Антонеску. Исключительное внимание уделено им освещению дипломатической борьбы великих держав по вопросу о присоединении Болгарии к Тройственному пакту в начале 1941 г.

Интересные и насыщенные фактическим материалом статьи Чемпалова имеют существенные недостатки. Среди них можно отметить довольно схематическое освещение позиции Советского Союза, слабое раскрытие особенностей его тактической линии на Балканах. Неправильно характеризуется английская политика на Балканах — на действия Англии в конце 1940 — начале 1941 г. переносится ряд оценок, справедливых для периода «странной войны». Особенно ярко эта особенность концепции автора проявилась в статье о позиции великих держав в связи с присоединением Болгарии к Тройственному пакту, где, по его словам, «особое внимание уделяется разоблачению закулисной сделки, заключенной в начале 1941 г. правительством Черчилля с Гитлером при активном посредничестве правительства США» (II, стр. 57). Этими словами Чемпалов оценивает болгаро-турецкую декларацию о нейтралитете от 17 февраля 1941 г. и связанные с ее подготовкой дипломатические переговоры.

В чем же суть этой сделки? По мнению автора, суть сделки состояла в «... закулисной компромиссной соглашении о разграничении сферы интересов на Балканах и Ближнем Востоке между двумя воюющими империалистическими державами — гитлеровской Германией и Ан-

глией...» (II, стр. 108). Можно подумать, что речь идет не о том периоде, когда стоял вопрос о самом существовании Англии, которая вела тогда борьбу не на жизнь, а на смерть, а о незначительном столкновении интересов, в ходе которого стороны могут поговорить, между прочим, и о разграничении сфер своего влияния. Не удивительно, что, задавшись целью доказать этот тезис, Чемпалов не обратил внимания на усилия английского правительства создать, например, оборонительный блок балканских стран в составе Греции, Турции и Югославии для противодействия германскому продвижению на Балканы. Эта политика была непоследовательна, но сбрасывать ее со счетов не следует, равно как и поддержку этой линии со стороны США, о чем свидетельствовала поездка в начале 1941 г. по балканским столицам главы американской разведки полковника Доновена. Но автор считает такое объяснение «версией», которая «не имеет ничего общего с действительными целями поездки Доновена на Балканы» (II, стр. 111). Такая трактовка событий вводит в заблуждение в конечном счете самого автора.

Мы далеки от идеализации внешней политики Англии в этот период. О ее своекорыстии написано много справедливых слов. Можно лишь согласиться с мнением, например, В. Г. Трухановского, приводимом и в статье Чемпалова, что Черчилль стремился «повернуть германское наступление, нацеленное на Ближний Восток, в сторону Советского Союза»². Критически оценивают английскую политику на Балканах в тот период и другие советские авторы, которые усматривают в ней стремления обострить советско-германские отношения и втянуть СССР в войну против гитлеровской Германии. Дальше всех пошел в своих выводах Л. Б. Валева, который писал: «В довольно запутанном переплете сложившихся к концу 1940 г. взаимоотношений на Балканах нетрудно заметить элементы негласного сговора обеих воюющих империалистических группировок, направленного в конечном счете на развязывание войны против СССР»³. Но и он впоследствии уточнил эту оценку, полемически заостренная форма которой создавала возможность для самых разнообразных толкований. В вышедшей позднее монографии Л. Б. Валева дана четкая и объективная оценка событий того времени, а болгаро-турецкая декларация показана как итог изменения внешней политики

² В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. М., 1965, стр. 162.

³ Л. Б. Валева. Из истории Болгарии накануне и в начале второй мировой войны. Уч. зап. Ин-та славяноведения, 1960, т. XX, стр. 64.

самой Турции, в которой усилились прогерманские тенденции⁴.

Концепция Чемпалова стоит, таким образом, особняком в советской историографии. Эта концепция сформировалась давно и была высказана им в основных чертах еще в кандидатской диссертации⁵. Автор не учитывает большого пути развития, пройденного советской исторической наукой. Превосходный знаток фактов, много сделавший для изучения балканских событий того времени,

⁴ Л. Б. В а л е в. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964, стр. 162.

⁵ И. Н. Чемпалов. Англо-американская политика поощрения итало-германской фашистской агрессии в Греции (октябрь 1940 — май 1941 гг.). дисс., М., 1953.

он допускает в своих выводах ряд досадных искажений, как, например, в оценке стратегических планов английского командования на Балканах в начале 1941 г. «Суть этого плана, как видно, заключалась в том, — пишет Чемпалов, — чтобы сдать противнику без всякого противодействия со стороны Англии и Турции не только Болгарию, но и Северную Грецию в том случае, если бы Германия воздержалась от дальнейшего продвижения на Ближний Восток» (II, стр. 164). Такие крайности значительно снижают общее впечатление от его работ.

В целом сборники статей говорят о больших успехах свердловских балканистов, чья плодотворная работа позволяет ожидать появления в будущем и монографических исследований.

В. К. Волк

W. ZEIL. *Bolzano und die Sorben*. Ein Beitrag zur Geschichte des «Wendischen Seminars» in Prag zur Zeit der josephinischen Aufklärung und der Romantik. Bautzen, VEB Domovina — Verlag, 1967, 264 S.

В. ЦЕЙЛЬ. *Большано и лужицкие сербы*

Новая работа немецкого слависта Вильгельма Цейля (ГДР) посвящена истории так называемого «Вендского семинара» с момента его основания в Праге в 1706 г. до середины XIX в. История этого семинара интересует автора в связи с общим ходом чешско-лужицкого культурного общения в рассматриваемый период. Такой подход вполне методологически обоснован, ибо лужицкие сербы (сорбы), как известно, на протяжении нескольких столетий (с середины XIV в.) входили в состав земель чешской короны и лишь по договору 1635 г. отошли к Саксонии. Но и после этого связи между ними не прекратились. Достаточно напомнить лужичанина К. Сейбта, профессора морали и изящных искусств, чьи лекции в Карловом университете в 60—70-е годы XVIII в. оказали воздействие на таких крупнейших деятелей чешского просвещения и национального возрождения, как Й. Добровский или Й. Юнгман.

Книга состоит из четырех глав: «Верхне-лужицкие сербы после Тридцатилетней войны и основание Вендского семинара в Праге», «Вендский семинар на исходе XVIII и в начале XIX в.», «Вендский семинар под руководством больцанистов» и «Наследие романтизма и Вендский семинар».

Выясняя причины появления в Праге такого своеобразного учреждения, каким был Вендский семинар, просуществовавший более 200 лет, автор рассматривает катастрофические социально-экономические, политические и культурные последствия Тридцатилетней войны для народов Центральной Европы, которые в

Чешских землях усугублялись политической насильственной контрреформацией. Австрийский император, сохранивший в качестве чешского короля право покровительства лужицким католикам (составлявшим, впрочем, не более 8—10% местного населения) и после 1635 г., когда Лужица уже не входила в состав Чешских земель, требовал усиленной миссионерской и проповеднической деятельности. Это и привело к созданию в Праге семинара, целью которого была подготовка кадров католического духовенства для лужицких сербов. Основателями семинара были братья Шимоны, выходцы из Верхней Лужицы. Но фактически работа семинара проходила под контролем и руководством ордена иезуитов вплоть до его ликвидации в 1773 г. Характерно, что членами ордена были преемники И. Шимона на посту руководителя Вендского семинара Ш. Вицки, И. Рожант и И. Попих.

Рассматривая историю семинара, автор пытается также установить его связи с проблемой славянского самосознания лужицких сербов в том виде, в каком она проявлялась уже в конце XVII — начале XVIII в. и в последующие десятилетия. В работе, в частности, характеризуются взгляды М. Френцеля, «отца серболужицкой литературы», который, по мнению В. Цейля, на 150 лет ранее Яна Коллара сформулировал многие важнейшие положения теории славянской взаимности (стр. 14), а также Б. Фабрициуса и Я. Фрицо. Положительно оценивая культурные и научные достижения в эти десятилетия, автор указывает:

«Забота о серболужицком языке и при этом о серболужицкой светской культуре на научном основании как составная часть борьбы лужицких сербов против германизации приобретала, естественно, особое значение» (стр. 15). И под этим углом зрения автор рассматривает далее усилия по созданию грамматики и словарей серболужицкого языка, предпринимавшиеся учеными, как католиками, так и протестантами. Как видно из некоторых замечаний автора, он усматривает влияние идей Просвещения на этот процесс в весьма ранний период. Так, по словам В. Цейля, уже в грамматике верхне-лужицкого языка, составленной ученым иезуитом Тицином и изданной в Праге в 1679 г., проявлялись многие идеи Просвещения (стр. 17). Следовательно, заключает автор, с самого начала Вендский семинар не только стал местом подготовки католических кадров для Лужиц, но и играл существенную роль в культурном движении лужицких сербов.

Однако, как видно из подзаголовка, автора в первую очередь интересует развитие Вендского семинара в периоды йозефинистского Просвещения и романтизма, т. е. в конце XVIII и в первой половине XIX в. И действительно, освещению этого периода посвящена большая часть рассматриваемой книги. При этом автор принимает в значительной мере историко-биографический принцип подачи материала, сосредоточивая внимание на раскрытии взглядов и описании деятельности ряда видных лужицко-сербских и чешских ученых, сыгравших существенную роль в развитии лужицкой литературы, культуры и письменности. Вместе с тем В. Цейль подчеркивает благотворное воздействие на этот процесс идей так называемого йозефинизма, которое он, вслед за Э. Винтером, трактует в основном как теорию и практику реформы католицизма при определенном влиянии некоторых идей Просвещения (стр. 41). Применительно к этому периоду автор особенно высоко оценивает деятельность Франца Юрия Лока, выходяца из Верхних Лужиц, сыгравшего заметную роль как в истории серболужицкой культуры, так и в истории лужицко-чешских связей. Вернувшись после окончания в 1776 г. пражского университета, где он слушал лекции своего земляка К. Сейбта, Лок не порывал связей ни с Вендским семинаром, ни с чешской научной средой. Примечательно, что после государственного банкротства Австрии в 1811 г., когда под вопрос было поставлено существование Вендского семинара, Лок сыграл решающую роль в сохранении этого учреждения (стр. 55). Он принимал активное участие и в лужицкой общественной жизни, будучи одним из членов основанного в 1779 г. в Герлице Верхне-лужицкого общества наук. Не случайно,

что позднее видный историк Верхних Лужиц Хр. Пешек тепло писал о заслугах Лока перед своим народом.

В. Цейль показывает развитие в чешской научной среде интереса к истории и культуре лужицких сербов. Так, видный представитель раннего этапа чешского национального возрождения Г. Длабач явился едва ли не первым историографом Вендского семинара. Его очерк, опубликованный на страницах «Лужицкого ежемесячника» в 1793 г., вызвал значительный интерес в научных кругах ряда стран. Весьма тесными были связи с Вендским семинаром и с лужицкой культурой у В. Ганки (стр. 190—204). Но, конечно, наибольшее значение имела деятельность в этой области Й. Добровского. Автор правильно подчеркивает, что в первую очередь Добровского занимали проблемы сорабистики. Детально анализируя работы его в этом направлении, В. Цейль подчеркивает, что интерес к маленькому народу, на протяжении нескольких столетий тесно связанному с судьбами Чешских земель, представлял для Й. Добровского нечто гораздо большее, нежели просто лингвистические исследования. Не случайно именно в связи с этими занятиями он написал в 1823 г. знаменательные слова: «Мое призвание неотразимо влечет меня к поддержке счастья всех людей и народов» (стр. 83).

Чрезвычайно интересны те разделы книги, в которых рассказывается о тесных связях с Вендским семинаром Бернарда Больцано и его последователей. В этой связи автор весьма подробно останавливается на биографии выдающегося чешского мыслителя и утопического социалиста, характеризует основные черты, собственные его мировоззрению, останавливается на отношении к Больцано его современников. Так, касаясь лекций Б. Больцано, имевших значительный резонанс далеко за пределами университетской среды, В. Цейль говорит: «Его аудитория в Праге собиралась не только за счет немецких, чешских и серболужицких студентов, но и за счет многих образованных людей, мещан, солдат» (стр. 91). И характерно, что, несмотря на крайне подозрительное отношение к Больцано властей и в конце концов его отставку в 1820 г., его ученики и последователи сохраняли влиятельное положение в Вендском семинаре. Так, в 1824 г. руководить им стал ближайший друг Б. Больцано — Ф. Пшихонский, после отъезда которого в Баутцен (Будишин) в 1839 г. место это занял чех Ф. Нахловский. Преемниками последнего были А. Славичек и И. Дитрих. Все они также принадлежали к числу больцанистов и были тесно связаны со своим учителем. А это давало возможность Больцано не только быть в курсе текущей жизни семинара, но и оказывать определенное воздействие на

его деятельность, которая, как подчеркивает автор, характеризовалась преобладанием духа терпимости, характерной для эпохи после Иосифа II (стр. 171). Благодаря такой позиции болыбанистского руководства значение Вендского семинара как важного центра развития серболужицкой культуры в середине XIX в. все более усиливается. Это видно на примере «Сербовки», учрежденной в 1846 г. членами семинара для поддержки национального языка и литературы. В деятельности этого литературно-просветительного объединения принимали активное участие Пшихонский, Славик, Дитрих и В. Ганка как преподаватель славистики. В. Цейль подробно рассматривает деятельность «Сербовки» (стр. 204—215), касается позиции Яна Смолера и упоминает о создании в 1849 г. «Лиги Сербской» как общества, объединявшего всех студентов из Верхних и Нижних Лужиц. Период, когда у руководства Вендским семинаром стояли болыбанисты, автор считает наиболее ярким в истории семинара (стр. 220).

Автор достаточно полно освещает проблему, представляющую значительный научный интерес и до недавнего времени остававшуюся малоизученной. Заслуживает поддержки стремление автора рассматривать историю Вендского семинара не изолированно, а в тесной связи с общественным движением своей эпохи. Нельзя не обратить внимания и на широкий круг историков и литературы, привлеченных В. Цейлем для своего исследования. Вместе с тем в интересной работе автора имеются аспекты, требующие дополнительного рассматривания. Прежде всего, на мой взгляд, недостаточно четко охарактеризована структура семинара:

стремясь шире показать связь семинара с культурным развитием Чешских земель и лужицких сербов, автор в ряде случаев упускает из поля зрения такие вопросы, как состав семинара, его структура, порядок преподавания и т. п. В обобщающем труде подобные сведения должны непременно присутствовать. С другой стороны, поскольку семинар находился под непосредственным покровительством католической церкви, влияние которой было особенно сильным в первой половине XVIII в., следовало бы определить взаимоотношение Вендского семинара со сходными учреждениями, например с пражским архиепископским семинаром, с которым, кстати сказать, в конце 60 — начале 70-х годов XVIII в. был тесно связан К. Сейбт, читавший здесь лекции. Кроме того, в ряде случаев автор недостаточно раскрывает или аргументирует выдвигаемые им положения. Так, он отмечает, что в грамматике верхнелужицкого языка Тицина, вышедшей в Праге в 1679 г., содержались некоторые идеи Просвещения. На этом следовало бы остановиться подробнее, не ограничиваясь лишь констатацией самого факта. В других случаях автор несколько ограничивает столь широкое и отнюдь не однозначное понятие, как йозефинистское Просвещение, рамками реформы католицизма. Не отрицая значения последнего, мы, однако, полагаем, что сводить его только к проблемам реформы католицизма было бы неправильным. В целом книга В. Цейля представляет собой ценный вклад в разработку истории межславянского культурного общения.

А. Мильников

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «ЛЕТОПИСИ ПОПА ДУКЛЯНИНА»

(Пересмотр прежних представлений и гипотез)

«Летопись попа Дуклянина», подготовленная югославским историком Сл. Миошковичем¹, — значительный вклад в область исследований южнославянского средневековья, изучения древнейших славянских исторических и литературных памятников. Книга включает фототипический текст Ватиканского списка Летописи — единственного латинского рукописного варианта ее (стр. 123—169), обширную вводную статью (стр. 7—120) и новый перевод Летописи, выполненный С. Миошковичем по Ватиканской рукописи с указанием наиболее значительных расхождений с предшествующими пере-

водами (в изданиях Ф. Шишича и В. А. Мошина) (стр. 173—282).

Вполне понятно, что данная публикация, основанная на латинском оригинале и исправляющая многие ошибки и произвольные переделки отдельных имен и мест Летописи, позволяет по-новому взглянуть на этот широкоизвестный труд средневекового автора, вызывавший до нынешнего дня ожесточенные споры в историографии и появление различных гипотез относительно его состава, датировки, авторства, наконец, даже его названия².

¹ «Летопись попа Дуклянина». Увод, перевод и комментарий др. Славко Миошкович, Библиотека «Луча», вып. 19, Титовград, 1967, 282 стр.

² См., например: К. В. Х в о с т о в а. К вопросу о терминологии Летописи попа Дуклянина. «Славянский архив», 1959, стр. 30—45. В литературе утвердилось мнение, что автором хрони-

Давая сжатый обзор истории данного памятника, его рукописей и переводов (латинской и хорватской редакций), изданий (начиная с труда Мавро Орбини, 1601 г.) и литературы о нем (кончая т. I «Истории Черногории», 1967 г.) (см. стр. 8—35)³, С. Миошкович делает важный вывод, что Летопись попа Дуклянина должна быть исключена из круга исторических источников, поскольку многолетние труды разных исследователей «не стоят столь незначительных и обычно ненадежных результатов» и фантастических предположений, извлекаемых из ее текста (стр. 36—37, 115—116). Из-за ненадежности и фантастичности содержания Летописи, многих вымыслов и хронологических ошибок, — повторяет далее Миошкович, — можно рассматривать эту хронику лишь как произведение средневековой литературы (стр. 116), притом не столь раннее, как указывается обычно (середина или конец XII в.), а возникшее лишь во второй половине XIV или первой половине XV в. (стр. 107).

Столь категорические суждения и пересмотр общепринятых представлений о Летописи вызывают особый интерес к аргументации издателя, хотя в историографии уже неоднократно высказывались весьма критические замечания по поводу неправдоподобия и путанности многих мест хроники. Поэтому обращение С. Миошковича к первоисточнику — Ватиканской рукописи, которую он подробно описывает на стр. 41—47, совершенно справедливо и оправдано. Проанализировав этот лучший и наиболее полный список и сравнив его с изданиями И. Лучича (1668) и Ф. Шишича (1928), Миошкович не только выявил ряд важных различий, ошибок и произвольных изменений оригинального текста (последние особенно характерны для публикаций Ф. Шишича), но и сделал весьма любопытные наблюдения и выводы по поводу самого произведения и его истории.

Дело в том, что общепринятая датировка Летописи серединой или концом XII в. в работах предшественников Миошковича (в особенности в издании

ки был анонимный клирик из зетского города Бар; согласно новой гипотезе Дж. Радоичича, автор хроники — Григорий из Задара, барский архиепископ (умер в конце XII в., см.: Ђ. Радоичич и др.). Къижевна збивања и стварања код Срба у средњем веку и у турско доба. Нови сад, 1967, стр. 19—21).

³ К сожалению, здесь не использованы названные выше работы К. В. Хвостовой, Дж. Сп. Радоичича, а мнения русских историков А. Ф. Гильфердинга, П. А. Ровинского переданы лишь в оценке и пересказе Ф. Шишича, а не по оригинальным их работам (стр. 24—25, 32—33).

Ф. Шишича) обосновывалась тем, что описание прошлого Дуклянского государства заканчивалось событиями приблизительно 1148—1149 гг., за которыми, согласно уверениям Шишича, не следует никакого послесловия автора или же знака продолжения (etc). Истолковывая это как свидетельство создания Летописи вскоре после описанных в ее заключении событий, Ф. Шишич и другие авторы, как отмечает С. Миошкович, неверно интерпретировали вступительные слова Летописи, считая, что летописец был современником последних, изображенных им перипетий борьбы правителей Дукли и Рашки (стр. 48).

Все эти построения опровергаются С. Миошковичем достаточно обстоятельно, с немалой находчивостью и убедительностью, заметно расшатываящими уже укоренившиеся в историографии представления о «полной сохранности» оригинала Летописи попа Дуклянина. Прежде всего Миошкович указывает на тот поразительный факт, что Ватиканская рукопись в действительности заканчивается сокращением — знаком «etc» (стр. 57—58; в фотокопии — стр. 169). Заслуживает внимания и то, что сама Ватиканская рукопись является вовсе не автографом самого И. Лучича, а изготовленной по его поручению писарской копией (возможно, не одного писца), снятой с неизвестных списков памятника, быть может, различавшихся в транскрипции личных имен и географических названий; при этом писцы могли искажать или исправлять имена или обороты, сопоставляя различные варианты неодинаковых по своей полноте списков Летописи (стр. 43—46).

Вместе с тем Миошкович, подчеркивая незаконность Летописи попа Дуклянина (в Ватиканской рукописи), предлагает новую трактовку и свой перевод вступления, из которого исключает (в соответствии с использованным им списком) ссылку на некие письменные источники летописца (стр. 48—56, а в тексте перевода — стр. 173—174). Кроме того, в переводе вступления Миошкович считает необходимым слово «seniores» переводить как «патриции», или нобили, опираясь на свидетельство документа 1247 г. о «seniores et populus» города Бара (см. стр. 173, прим. 1).

Разумеется, приведенные Миошковичем доводы опровергают утверждения Ф. Шишича, В. А. Мошина и других авторов о «завершенности» Летописи. Однако и эти немаловажные свидетельства не дают еще основания для непоколебимой уверенности в предлагаемой датировке (т. е. XIV—XV вв.), если их не подкрепить детальным анализом содержания хроники, в особенности тех мест, названных или фраз, которые рассматривались Ф. Шишичем как непреложное доказательство большой древности памятника.

Между прочим, даже наличие сокращения «etc» в конце Ватиканского списка еще само по себе не означает, что Летопись возникла после середины XIV в.

Вполне закономерно, что Миюшкович подробно останавливается на тех сведениях и фразах хроники, которые, по утверждению его оппонентов, не могли возникнуть позже XII или начала XIII в. (таковы, например, старое название г. Манфредонии — Спонт, древнее название Котора — Декатарум, Дубровника — Лаузиум, определенная манера определения дня месяца и т. д.). Он более или менее удачно опровергает объяснения и гипотезы Шишича (стр. 61—83), хотя иногда столкновение Миюшковича страдает известной натянутостью и искусственностью. По-видимому, считать появление названий Декатарум и Лаузиум лишь причиной и сознательной архаизацией летописца было бы слишком неосторожно, точно так же как и полностью исключить всякую возможность использования в Летописи каких-то письменных источников, быть может, даже довольно древних (XII—XIII вв.), пусть даже основанных на устной традиции.

Заметно, что пока все еще нуждается в дополнительной источниковедческой аргументации анализ состава и хронологических рамок данного памятника, проведенный Миюшковичем. В частности, это относится к выводам, сделанным им на основании пышного вступления к Летописи попа Дуклянина: о повторении хронистом лишь известной ему устной традиции его земляков (между прочим, здесь возможно умолчание, вполне сознательное, о каких-то использованных сочинениях, имеющее целью преувеличение собственных заслуг) и о завершении повествования Летописи распадом Сербского царства Стефана Душана в середине XIV в. (как нам представляется, этот весьма веский вывод опирается пока что на очень шаткое доказательство — слова летописца об описании им «всех подвигов и войн» славянских, т. е. сербских королей) (стр. 85—86, 94—95). С другой стороны, С. Миюшкович вполне справедливо подчеркивает неправдоподобность сообщений дуклянского клирика именно о тех дуклянских королях, его «естественных» повелителях, которых он (если бы писал в середине XII в.) должен был охарактеризовать гораздо подробнее и убедительнее по рассказам своих старших современников или даже по каким-то собственным воспоминаниям (стр. 95—96).

Действительно, явная нереальность многих перипетий истории Дуклянского государства (в изложении Летописи), более того — незнание дуклянским летописцем даже точного имени родоначальника «своей» династии Воиславлевичей (заметим, что в других средневековых памятниках весьма точно излагалась оте-

чественная история — в Хронике Анонима Галла, в сербских родословах) и в то же время подробные рассказы о баснословных готских, хорватских и сербских королях (об этом Миюшкович говорит на стр. 97—100) — по-моему, важные аргументы в пользу точки зрения, оспаривающей создание Летописи в XII в. Знакомство с текстом данного памятника, искусственно соединяющего готские, хорватские и дуклянские мотивы, позволяет считать, что Летопись была создана скорее в XV в., т. е. в эпоху, когда и сербские и русские книжники начинают усердно искать в древних «родственниках» своим государям, возводить их генеалогию к баснословным предкам из числа древнеримских императоров⁴. На мой взгляд, готская легенда дуклянского летописца представляет собою явление того же порядка, и поэтому было бы весьма желательно сопоставить в этом плане Летопись с другими произведениями далматинских историографов и западноевропейских авторов XV—XVI вв., в которых отражены сходные представления о роли готов в истории Европы и славян (как известно, в Дубровнике в 1423 г. называли «готом» Котромана, родоначальника боснийской династии)⁵. Вероятно, о позднем происхождении Летописи говорит и употребление слова «мавролахит» (стр. 184), этот термин относится самое раннее ко второй половине XIV в.⁶

По-видимому, целесообразно уточнить как предложенную Миюшковичем датировку Летописи, так и изложенные им цели создателя Летописи. По его мнению, памятник был создан в период наибольшего усиления зетской династии Балшичей (1360—1421) и наибольших претензий их на соседние районы Балканского полуострова, причем, по-видимому, по настоянию барских патрициев (стр. 107—108). На мой взгляд, данное предположение маловероятно, поскольку, во-первых, Балшичи не претендовали на Хорватию, а, во-вторых, подвергали жестокому гнету город Бар и местных жителей⁷, из числа которых вышел неизвестный нам летописец. Более того, даже если считать возможной гипотезу о влиянии на автора успехов и побед Балшичей, такую датировку все равно следует сузить (предлагая лишь период 70—80-х

⁴ Ср. Л. Стојановић. Стари српски родослови и летописи. Београд, 1927, стр. 44 и др.; «Полное собрание русских летописей», т. VII, СПб., 1856, стр. 231 (Воскресенская летопись), и др.

⁵ В. Коровић. Питање о пореклу Котроманића. — «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», кн. V, 1925, стр. 15.

⁶ Ср. «Зборник Константина Јиречека», т. I, Београд, 1959, стр. 203.

⁷ См. сб. «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966, стр. 107.

годов XIV в.). Можно назвать еще несколько мест из вводной статьи Миюшковица, которые нуждаются в дальнейшем исследовании и проверке, в частности, вывод автора, «равнеживающий» Летопись как источник по исторической географии Балканского полуострова (стр. 116); как мне представляется, именно данные топонимики отличаются большой стабильностью и поэтому Летопись в этом плане может отражать гораздо более ранний период, даже если она написана в XV в.

Подводя итог рассмотрению выводов и критических замечаний С. Миюшковица по поводу Летописи попа Дуклянина, следует отметить необходимость дальней-

ших источниковедческих исследований в данной области, желательность дополнения автором аргументации «контра» доводами в пользу его позитивных утверждений. Прodelанный им громадный труд по изучению Ватиканской рукописи, несомненные текстологические достижения, исправления оригинального текста и перевода Летописи заставляют с особым вниманием отнестись к разработке многосторонней проблематики средневековой славянской историографии, древней славянской культуры, истории славянской политической мысли и литературы.

Е. П. Наумов

ANDREJ ČERVENĀK. Vojanský a Turgenev. Bratislava, 1968, 193 s.

АНДРЕЙ ЧЕРВЕНЯК. Ваянский и Тургенев

Книга о творческом соприкосновении крупного словацкого писателя Светозара Гурбана Ваянского с Тургеневым — по своему характеру аналитична. Она принадлежит к тем не очень многочисленным сравнительным исследованиям, авторы которых не боятся углубиться в творческую лабораторию писателей, не отказываются от широкого сопоставления художественных текстов для выявления в них общих черт и своеобразия. Уже одно это делает работу А. Червеняка привлекательной.

Во введении автор дает историографический обзор работ предшественников (И. Влчека, И. Шкультеты, В. Шрабора, Ф. Вотрубцы, Л. Шкультеты, И. Ирасека, А. Мраза, А. Пражака, М. Хорвата, И. Кусы, П. Петруса и др.), рассматривает различные точки зрения на отношение Ваянского к Тургеневу, определяет свой подход к избранной теме.

В главе «Предпосылки связей» отмечается огромная популярность Тургенева в Словакии, приводятся слова академика А. Мраза: «Ни один классик русского реализма не выходил у нас до 1918 года так много в журнальных и книжных переводах, как Тургенев, ни одного из них не читали так много и внимательно». Этот интерес, конечно, не был случайным.

В последние десятилетия XIX в. словацкая литература постепенно становилась реалистической, при этом значение прозы в ней сильно возрастало. Именно это и привело к Тургеневу Ваянского, «который на рубеже романтического и реалистического периодов в словацкой литературе занял руководящее положение в словацкой общественной жизни». Как отмечает автор книги, «реалистические художественные средства нужно было ассимилировать там, где они существовали в наиболее приемлемой форме». Творчество Тургенева более всего соответствовало тогда идейным и литературным тра-

дициям словацкой литературы. Такова основная теоретическая посылка книги.

Главными причинами популярности Тургенева в Словакии, по мнению автора, были следующие: общественно-политическая ситуация, литературный уровень и сильное влияние творчества русского писателя на Ваянского. «Тургенев был реалист, но в его творчестве встречается целая шкала романтических признаков», — говорится в книге. Именно эти качества и делали его близким первым словацким реалистическим прозаикам, в первую очередь Ваянскому.

Прежде чем рассматривать само творчество Ваянского в сопоставлении с произведениями Тургенева, автор тщательно изучает пометки словацкого писателя на полях тургеневских книг. В них выделено четыре группы: пометки, касающиеся изображения психологии героев, мыслей и суждений о людях, художественного употребления отдельных слов (*важный ветерок, шепот ночи* и т. д.), и наконец критические замечания. Далее в книге идет речь о литературных сравнениях в произведениях Ваянского, иными словами о простейших примерах литературной филиации (использовании словацким писателем в художественных целях цитат из русской литературы, введении их в прямую речь героев, о парафразах и т. д.).

Все это указывает тот специфический путь, по которому шел Ваянский, осваивая художественный опыт Тургенева. Формы творческого соприкосновения словацкого писателя с русским были различны. Есть у Ваянского целые произведения, как бы являющиеся своеобразными параллелями к тургеневским («Ночное» — «Бежин луг», роман «Котлин» — «Отцы и дети» и др.). Но еще большее значение в словацком национальном освоении тургеневского идейно-художественного мастерства имели обра-

зы, сюжет и композиция, а также стиль русского писателя, оказавшие, как это подчеркивается в книге, существенное влияние на «модель реализма Ваянского». Этим вопросам посвящены специальные главы книги: «Образы», «Сюжет и композиция», «Стиль».

Обращаясь к проблеме использования Ваянским тургеневского типа романа в целом, А. Червенияк отмечает, что любовное и общественное начала, представляющие в общественно-психологическом романе Тургенева диалектическое единство, у словацкого писателя распадаются. В итоге своего исследования автор делает вывод: «Разнообразные филиации тургеневских элементов в творчестве Св. Г. Ваянского имеют двойное значение: 1) значение материала, из которого Ваянский создает свои оригинальные произведения, 2) значение моделей, по которым Ваянский создавал свои тургеневские ценности».

Пафос исследования А. Червенияка не в самоцельном изучении литературных зависимостей, а в стремлении объективно, научно объяснить отдельные явления словацкого национального литературного развития. И это автору во многом удалось. Конечно, можно было бы пожалеть, что в книге не получили должного освещения вопросы о соотношении оригинального и оригинально претворенного в творчестве Ваянского, т. е. о том, что дали ему словацкая жизнь и традиция словацкой литературы и что импульсы, полученные из других литератур, в том числе и от Тургенева, а также и не-

которые другие вопросы. Но судить о работе следует по тому, что в ней есть. Тему она целиком не исчерпывает, но вклад в ее разработку вносит ощутимый. Те, кто впредь будут заниматься Ваянским и Тургеневым или изучением тургеневской традиции в словацкой литературе, мимо нее уже не пройдут.

Книга «Ваянский и Тургенев» убедительно свидетельствует о том, что сравнительное изучение литератур вполне успешно может проводиться на конкретном художественном материале. В то же время она со всей очевидностью показывает, сколь полезно дополняют друг друга изучение литературных связей как таковых и проводимые при этом сравнительно-типологические сопоставления произведений. Помогая более глубоко и правильно понять творчество Ваянского, проведенное А. Червенияком конкретное сравнительное исследование произведений словацкого и русского авторов имеет и более широкое значение. Знакомясь с ним, мы воочию видим многочисленные примеры возможных творческих контактов, получаем наглядное представление о том, как, в чем и какими именно элементами литературного мастерства один автор входит в творческую жизнь другого, как в непосредственной художественной практике осваивается, осмысливается и трансформируется опыт одного национального писателя другим.

Книга имеет резюме на русском языке и указатель имен.

Д. К.

*«САДРУЖНАСЦЬ ЛІТЕРАТУР». Мінск, 1968, 166 с.
«СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТУР»*

Показать, как исторически возникли и развивались связи белорусской словесности с литературами других славянских народов, как постепенно в процессе взаимознакомления славян закладывались основы их современного широкого культурного общения с Беларуссией — такова цель этого сборника, выпущенного минским издательством «Наука и техника», под редакцией Н. С. Перкина. В сборник вошли статьи В. Гаповой и Э. Мартыновой, А. Мажейки и А. Мальдиса, И. Баса и Л. Самосейки.

Обстоятельная работа В. Гаповой «На путях братства и борьбы» посвящена белорусско-польским литературным взаимоотношениям 1918—1939 гг. Опираясь на малоизвестные и отчасти на новые материалы, Гапова освещает историю контактов между белорусскими и польскими литераторами как на землях Западной Беларуссии, входившей в то время в состав Польского государства, так и на территории Советской Беларуссии, где функцио-

нировало польское литературное объединение. Она убедительно доказывает, что не только политическое, но и творческое сотрудничество между белорусскими и польскими писателями было весьма ощутимым, гораздо более тесным и широким, чем принято думать; что развитие социалистического реализма в белорусской советской литературе и его становление в польской пролетарской литературе существенно изменили сам характер их взаимодействия. Впервые за всю историю белорусская и польская литературы встретились как равные, взаимно обогащающие друг друга своими национальными художественными открытиями. Гапова полагает даже, что в этом «двустороннем процессе белорусско-польского литературного взаимодействия более активная роль принадлежала Советской Беларуссии» (стр. 46). Но с этим, пожалуй, трудно согласиться, как и с тем, что «уже тогда творчество Танка по своей идейной направленности

было явлением белорусской советской литературы» (стр. 40).

К достоинствам работы Гаповой следует отнести то, что в ней показано значение польских коммунистических изданий в деле популяризации достижений белорусской литературы среди поляков; отмечена роль некоторых писателей и деятелей культуры (в частности, М. Танка и Е. Путрамента) в укреплении польско-белорусских культурных связей; подчеркнута влияние идейно-эстетических принципов В. Броневского на художественную жизнь Западной Белоруссии; охарактеризована поэтическая биография В. Ковальского и др. Продолжая изучение проблем, затронутых в книге польской исследовательницы К. Сероцкой «Из истории польской журналистики в СССР» (1963), работа Гаповой восполняет существенный пробел в трудах наших полонистов, изучающих проблему советско-польских литературных связей межвоенного периода.

К статье Гаповой примыкает по проблематике исследование А. Мажейки «Белорусская литература в чешских переводах». Автор начинает свое изложение с констатации того факта, что присоединение белорусских земель к России в конце XVIII в. создало более благоприятные условия для развития белорусской художественной культуры, которая привлекла внимание сначала русских славистов и благодаря им сделалась вскоре объектом изучения и зарубежных славистов, в первую очередь чешских, и заканчивает свой обзор внушительным перечнем имен белорусских советских писателей, чьи произведения переводились на чешский язык и содействовали становлению белорусской филологии в Чехии. Для славистов труд А. Мажейки имеет ту бесспорную ценность, что в нем впервые с такой научной обстоятельностью прослежена история вхождения еще одной славянской литературы в обиход чешского читателя; выявлены имена ведущих переводчиков, активно способствовавших культурному сближению чехов с белорусами; отмечены относительные достоинства переводов с белорусского на чешский и т. д.

Статья Э. Мартыновой «Художественный перевод как форма белорусско-украинских литературных взаимосвязей» посвящена в основном анализу тех специфических трудностей, какие возникают при переводе произведений родственной духовно-языковой культуры. Эту сторону дела Э. Мартынова рассматривает главным образом на классических образцах перевода поэзии Т. Шевченко, П. Тычины и А. Малышко на белорусский язык и Я. Купалы, А. Кулешова и М. Танка на украинский. При этом ведущей идеей для белорусской исследовательницы — идеей, которую она обосновывает всем ходом изложения материала, — слу-

жит мысль о том, что «взаимодействие литературы является одним из источников новаторства, расширения национальных традиций за счет новых мотивов, тем, образов, художественного осмысления и воплощения в родной литературе жизни иных народов» (стр. 72).

Рецензируемый сборник завершается публикацией «Писем Я. Лучины к Э. Шпесмыцкому», извлеченных из рукописного фонда Национальной библиотеки в Варшаве А. Мальдисом. Трудно переоценить научное значение этой находки А. Мальдиса. Достаточно сказать, что впервые опубликованные здесь материалы из переписки белорусского поэта с польским показывают нам Я. Лучину с новой стороны — характеризуют его как переводчика «Илиады», и, наконец, как сотрудника журнала «Вестник Европы» и польского еженедельника «Zycie», редактором которого был Зенон Шпесмыцкий (Мириам), один из зачинателей польского модернизма. «Ознакомление с материалами, помещенными в журнале „Zycie“, не дает оснований для вывода, что вокруг него группировались „декаденты и символисты“, — пишет А. Мальдис (стр. 156). Жаль только, что белорусский ученый не уточнил свою мысль. Дело в том, что говорить о каких бы то ни было группировках сторонников польского декаданса и символизма (течений, которые в конце 80-х годов XIX в. как таковые еще не оформились в Польшу), конечно, было бы преждевременным и бессмысленным. Но значит ли это, что Мальдис вообще отрицает утвердившееся в научной литературе мнение о том, что именно варшавское «Zycie», редактированное Шпесмыцким, стало предвестником декадентских веяний в Польше, — вот что остается неясным.

В статье И. Баса «А. П. Чехов и современная ему Белоруссия», которой открывается сборник, собраны любопытные факты о прижившейся популярности писателя на белорусских землях, о постановке его пьес и т. д. Не лишены известного интереса также предположения автора о влиянии Чехова на развитие белорусской новеллистики и драматургии. Но, к сожалению, автор недостаточное внимание уделил аргументации своих положений, из-за чего даже верные мысли иногда кажутся необидительными. Так, он рассказывает, что 18 февраля 1905 г. в помещении Минского общества любителей изящных искусств состоялась лекция о Чехове, по окончании которой революционные агитаторы, воспользовавшись кафедрой, организовали митинг, призывая к свержению царизма. «Этот факт, — заключает И. Бас, — свидетельствует о том, что произведения Чехова содействовали развитию революционного движения среди трудящихся, они звали их на борьбу с самодержавием» (стр. 9). Мысль, возможно, и верная, но

она не доказана, ибо, вообще говоря, те же агитаторы с успехом могли воспользоваться для своей революционной акции и лекцией на любую другую тему.

Работа Л. Самосейки «Белорусско-южнотлавянские литературные связи в древности» каких-либо новых материалов не содержит. Ее замысел состоял, кажется, в том, чтобы на материале уже известных фактов раскрыть литературные связи белорусов с болгарами и сербами в X—XIV вв. Я не берусь судить о том, правомерна ли вообще постановка вопроса о белорусах, украинцах и русских как об отдельных нациях применительно к указанному периоду. Но что Л. Самосейке не удалось обосновать постановку такой проблемы, у меня нет сомнений. Кроме двух-трех фактов на эту тему (фактов, изложение которых, кстати сказать, занимает в общей сложности не более странички и суть которых сводится к тому, что некоторые из летописцев древней Руси либо проживали в городах, ныне входящих в состав Белоруссии, либо посещали их), здесь нет никаких других доказательств декларированного тезиса.

Да и в статье речь идет собственно не о белорусской, а об общерусской древней письменности и о ее связях с южнотлавянской церковной литературой (именно в этом аспекте определяется научная ценность данной работы).

В целом же сборник представляется мне удачным. Несмотря на то, что авторы обращаются к разным эпохам и к различным славянским литературам, их работы, при всей специфичности, объединяет одна общая идея: пополнить представление об истории родной литературы и ввести в научный обиход новые факты, которые бы содействовали дальнейшему изучению творческого взаимодействия литератур. Хотя эта книга рассчитана преимущественно на тех, кто интересуется белорусской литературой, в некоторых отношениях она, бесспорно, представляет интерес и для всех славистов, и для специалистов по литературным связям, и для теоретиков художественного перевода.

И. К. Горский

Studien zur sprachlichen Interferenz, I. Deutsch-sorbische Dialekttexte aus Nochten, Kreis Weißwasser, bearbeitet von Siegfried Michalk und Helmut Protze, Bautzen, 1967, 173 S.

Исследования по языковой интерференции, I. Немецко-лужицкие диалектные тексты...

В современной лингвистической науке отчетливо выделяется раздел, который изучает явления, возникающие в условиях языковых контактов. Этому разделу посвящена богатая литература, в том числе такое фундаментальное исследование, как монография У. Вайнрайха¹. В то же время разработка проблематики языковых контактов тормозится недостаточностью фактической базы, отсутствием необходимых наблюдений над речью, порождаемой в условиях языковых контактов. Поэтому следует всячески приветствовать инициативу ученых Немецкой академии наук в Берлине и Института лужицкого народоведения в Баугцене, открывших серию публикаций текстов, которые получены от дикторов-билингвов, владеющих лужицким и немецким языками. Общее название серии — «Исследования по языковой интерференции».

Начатая серия имеет своей целью демонстрацию того, каким образом двуязычие отражается на немецкой и лужицкой речи билингвов. Нужно подчеркнуть, что до сих пор в работах по немецко-лужицкому двуязычию почти совсем не

уделялось внимания влиянию лужицкого языка на немецкий. Рецензируемая работа впервые обращается к рассмотрению этого вопроса. Большим достоинством серии является и то, что она впервые предлагает вниманию исследователей тексты, фиксирующие диалектную речь билингвов.

Рецензируемый первый выпуск серии содержит немецкий и лужицкий тексты, фиксирующие речь жителей д. Нохтен (нем. Nochten/луж. Wochozy) округа Вайсвассер. Для сплошь двуязычного старшего и среднего поколения жителей деревни лужицкий язык является родным: младшее поколение склоняется к немецкому одноязычию, обнаруживая весьма слабое знание лужицкого языка.

В системе лужицкого диалектного деления говор д. Нохтен относится к числу переходных, сочетающих нижнелужицкие и верхнелужицкие особенности, однако с преобладанием последних. С точки зрения немецкого диалектного деления говор д. Нохтен принадлежит центру новолужицкого диалекта и сочетает особенности, восходящие к верхнесаксонскому разговорному языку, с одной стороны, и к лужицкому субстрату, с другой. Немецкая речь жителей деревни характеризуется высокой степенью вариатив-

¹ U. We i n r e i c h. Languages in Contact, Findings and Problems. The Hague, 1964.

ности. Это обусловлено тем, что немецкий язык здесь усваивался по разным образцам, таким как соседние диалекты (лужицкие и силезские), литературный язык, верхнесаксонский разговорный язык, язык района Берлина (стр. 59—73).

Опубликованные тексты подготовлены к печати германистом Гельмутом Протце и сорабистом Зигфридом Михалком.

Ими же разработан метод получения текстов, наиболее надежно обеспечивающий выявление фактов интерференции. Поскольку для лужицкого языковой области вообще характерны значительные генерационные различия в степени владения лужицким и немецким языками, в качестве информаторов берутся представители трех поколений (для д. Нохтен это лица рождения 1886, 1929, 1938 гг.). От каждого информатора записываются на магнитофон следующие виды текстов: 1) перевод с листа немецкого литературного текста на немецкий и лужицкий диалекты (24 предложения); 2) свободный рассказ на немецком диалекте (76 предложений от старшего информатора, 91 — от среднего, 39 — от младшего) и на ту же тему на лужицком диалекте (93 предложения от старшего, 43 — от среднего, 24 — от младшего). Тексты публикуются в фонетической транскрипции, единой для немецкой и лужицкой части. В целях облегчения понимания транскрибированных текстов они передаются, кроме того, обычным немецким и верхнелужицким шрифтом, а лужицкие тексты снабжаются немецким переводом. Тексты снабжены комментариями, в которых констатируются разнообразные факты интерференции, устанавливается диалектная принадлежность явлений, даются объяснения, облегчающие для несорабистов понимание лужицких текстов.

Хотя главная цель предпринятой публикации — это демонстрация явлений интерференции, возникающих в условиях билингвизма, предложенные тексты дают также возможность проследить результаты влияния немецкого и верхнелужицкого стандартов на немецкий и лужицкий диалекты. Комментарии к текстам и некоторые общие выводы, сделанные авторами, дают следующее представление о языковой интерференции в условиях немецко-лужицкого билингвизма.

Немецкие тексты, порожденные в условиях немецко-лужицкого билингвизма, обнаруживают результаты лужицкого влияния в фонетике. Лужицкие правила сочетания звуков распространяются на немецкую речь, следствием чего является неправильное с точки зрения немецкой системы употребление глухих и звонких (Fortis и Lenis) согласных, утрата инициального *h*, появление сочетания *ŕg*. Немецкие звуки заменяются лужицкими иной артикуляцией: *u, ŕ* дифтонги вместо

немецких *o, e* дифтонгов, мягкие согласные вместо твердых, *ŷ, i*, вместо *u, e* вместо *э* и т. д. (стр. 21—29). Нарушаются правила дистрибуции долготы и краткости гласных (стр. 27). В немецких текстах встречается калькирование лужицкого словообразования (стр. 87, 131, 132), лужицких грамматических моделей (стр. 88, 131). Нередко в немецких конструкциях пропускаются составные части, не имеющие эквивалента в соответствующих лужицких конструкциях (стр. 133, 88, 132, 161). Лужицкое влияние обуславливает неправильный порядок слов в немецком тексте (стр. 132, 133) и частое нарушение правил употребления артикля, неправильный выбор синонимов (стр. 90, 131, 132).

Распределение фактов лужицкой интерференции неодинаково: 1) в обязательном переводе с немецкого стандарта и в свободном тексте и 2) в свободных текстах, полученных от разных информаторов. В обязательном тексте лишь в одном предложении зафиксировано явление интерференции (*junge* вместо *junŕ*, стр. 59). Свободный текст, полученный от старшего информатора, содержит результаты влияния лужицкого языка в 30% всех предложений, от среднего — 28%, от младшего — в 5%. При этом текст, полученный от младшего информатора, не содержит ни одного факта интерференции на фонетическом уровне.

Лужицкие тексты в меньшей степени, чем немецкие, обнаруживают факты фонетической интерференции. Влияние немецкой фонетики более или менее ощутимо проявляется лишь в текстах, фиксирующих речь младшего информатора. Значительно чаще под немецким влиянием нарушаются лужицкие грамматические правила. Это проявляется в ошибочном выборе падежа (стр. 98, 171, 172), в неверном согласовании по роду (стр. 72, 108, 111, 171), в ошибочном выборе глагольной формы (стр. 172), в неправильном употреблении предлогов (стр. 68), в появлении конструкций, являющихся контаминацией лужицкой и немецкой моделей (стр. 112), в неуверенном образовании такой части речи, как числительное (стр. 97), в колебании в выборе одной из двух форм, если соответствующие формы в немецком не дифференцированы (стр. 149). Такого рода ошибки свидетельствуют о том, что нередко при порождении лужицкой речи у информаторов превалирует немецкое языковое сознание. У младшего информатора это уже по существу привело к утрате умения правильно порождать лужицкую речь (свободный лужицкий текст, полученный от младшего информатора, содержит факты интерференции в 62% всех предложений, от среднего — в 30%, от старшего — в 22%). Немецкое влияние проявляется, кроме того, в калькирова-

При словообразовании (стр. 110 и след.), в неправильном порядке слов (стр. 61). В усвоении лужицким языком артикля (стр. 38).

Однако между немецким и лужицким языками имеется и принципиальное различие в характере реакции на ситуацию билингвизма. В то время как лужицкие тексты содержат большое количество слов, являющихся по своему происхождению немецкими заимствованиями (Lehnwort), и немецких лексических включений, или субституций (Wortsubstitution), немецкие тексты фактов такого рода интерференции не обнаруживают совсем (стр. 30). В работе приведен полный список заимствований и субституций из публикуемых лужицких текстов, пополненный данными из текстов в «Sorbsische Dialekttexte, II. Nochten, Kr. Weißwasser» (Budyšin, 1964).

Авторы не формулируют своего понимания заимствования и субституции, ссылаясь на то, что граница между ними расплывчата (стр. 30). Эта позиция нам представляется ошибочной, и не только потому, что при составлении комментариев авторы в каждом конкретном случае встают перед необходимостью констатировать или заимствование или субституцию и вынуждены давать такие формулировки ад hoc, как «явление, промежуточное между заимствованием и калькой» (стр. 110), «заимствование в морфологически интегрированной форме» (стр. 111), «морфологически полуинтегрированное заимствование» (стр. 147), «субституция немецких слов без грамматической интеграции» (стр. 148) и др., а для слова *šarŋk* авторы вообще затрудняются в выборе определения (стр. 71). Иногда трудно понять авторскую логику рассуждений в этом плане. Так, на стр. 63 *fest* определяется как субституция из литературного текста, а *feste* — как заимствование из немецкого диалекта с «*e* saxoniscum». Однако неясность исходных позиций авторов позволяет с равным правом считать оба эти примера как субституцией, так и заимствованием, а также констатировать заимствование в первом случае и субституцию во втором.

Заимствование и субституция — принципиально разные явления, что особенно необходимо учитывать при анализе языковой интерференции, цель которого — установить, как система одного языка реагирует на контакт с другим языком. Заимствование из одного языка в другой может осуществляться и вне ситуации массового билингвизма, хотя, несомненно, билингвизм отражается на количестве заимствований. Заимствованное слово, преобразуясь по правилам звуко- и словоизменения заимствовавшего языка, уже тем самым включается в систему этого языка и синхронно принадлежит ему. Поэтому даже очень большое количество лексических заимствований в принципе не

должно вызывать изменений в системе заимствовавшего языка (с меньшей уверенностью это можно утверждать лишь по отношению к фонетическому разделу системы). Субституция возможна только в условиях билингвизма: билингвы, владея двумя языковыми системами, могут в своей речевой практике использовать их одновременно, в частности вводить в речь на родном языке слова или словосочетания другого языка. Субституция является несомненным показателем, что у соответствующего индивидуума ослаблено владение системой родного языка². Высокая частота фактов субституции в речи сопровождается обычно большим количеством нарушений правил системы родного языка при порождении речи на этом языке.

Субституированное слово (словосочетание) сохраняет грамматические признаки языка-источника, оставаясь вне системы словоизменения того языкового контекста, в который это слово включено. Поэтому неправомерно утверждение, что субституция может выступать в морфологически интегрированной форме. Приводимый в качестве таковой пример *tyšlereŋ* (стр. 70) не является субституцией. Словоформы *tyšareŋ*, *tyšlereŋ* (стр. 55), выступающие в составе одного и того же предложения, но в текстах, полученных от разных информаторов, демонстрируют вариативность фонетического оформления одного и того же заимствованного по происхождению слова.

Возможна ситуация, когда иноязычное по происхождению слово по своей звуковой и грамматической форме полностью совпадает с аналогичным словом языка-источника. В этом случае единственным критерием отнесения данного слова к системе того языкового контекста, в который оно включено, или выведения его за ее пределы являются наличие или отсутствие исконных для названного контекста дублетов иноязычного по происхождению слова. Если иноязычное по происхождению слово является единственным обозначением некоторого понятия, то это слово принадлежит заимствовавшему языку так же, как в любой языковой системе для каждого известного понятия имеется обозначение. Интересно, что при этом в языковом сознании билингвов складывается представление о тождестве слов в обоих языках. Ср. следующее высказывание старшего информатора: *my prajimy, němski tež rěka jogen, a serbski tež prajimy jogen* (стр. 93, имеется в виду *das Jagen*). Другие примеры такого сов-

² Введение иноязычных слов в речь на родном языке вызвано ослаблением ассоциативных связей между понятием и лексемой родного языка. См. Е. М. Верещагин. К проблеме разносистемной принадлежности лексики при билингвизме. Автореф. дис., М., 1966, стр. 7.

падения: *šraŋk* (стр. 71, коль скоро в диалекте это единственное слово со значением 'шкаф'), *hektar* (стр. 147, в *swancich hektar* — субституция, в *dwasći hektarow* — лужицкое слово пияязычного происхождения).

В связи со сказанным хотелось бы пожелать, чтобы авторы последующих выпусков, констатируя субституцию, обязательно приводили существующий в диалекте, но не используемый в данном тек-

сте эквивалент субституированного слова (словосочетания). К сожалению, авторы рецензируемого выпуска делают это не всегда (см. стр. 113, 147, 148, 150).

Начатая немецкими учеными серия «Исследования по языковой интерференции» является ценным вкладом в изучение проблематики языковых контактов.

Л. Калынь

R. OLESCH. *Bibliographie zum Dvaänopolabischen*. Köln — Graz, 1968, 126 S.

Р. ОЛЕШ. *Библиография древяно-полабского языка*. Кёльн — Грац, 1968, 126 стр.

В распоряжение славистов поступила составленная Р. Олешом «Библиография древяно-полабского языка». Эта книга, вышедшая как восьмой том «Славистических исследований» в издательстве Бёлау, представляет собой продолжение серии публикаций составителя по вопросам полабского языка (см. наш обзор и рецензию в «Советском славяноведении», 1966, № 2 и 1968, № 6).

В библиографию включена литература по вопросам полабского языка, а отчасти — истории и культуры полабян, начиная от первого упоминания полабских населенных пунктов в свидетельстве Оттона I (937 г.) и кончая изданиями 1967 г. на различных европейских языках. Всего в основной части указателя отмечено 807 номеров научных книг и статей (на некоторые из них приведены под теми же номерами рецензии). В «Библиографии» описаны также рукописные источники полабского языка (41 позиция), дан перечень библиографий и каталогов, список журналов и продолжающихся изданий, в которых опубликованы материалы по полабистике. В особый раздел выделены полабские, немецкие, славянские и другие словари, включающие полабские материалы (41 название). На стр. 118 даны дополнения к основному списку литературы. Завершают книгу именной указатель и список сокращений. К книге приложена цветная карта округа Люхов-Данненбург, где дольше всего сохранились полабские славяне.

Полабская библиография Р. Олеша — очень полезное пособие, особенно тем, что немногочисленные научные работы по этому разделу славистики печатались в различных, часто труднодоступных изданиях. Не всегда, правда, ясны мотивы, по которым в библиографию включались (или не включались) нелингвистические работы. Жаль, что в библиографии не указано количество страниц в книгах, так как по названию трудно представить объем исследования. Приходится сожа-

леть и об отсутствии аннотаций, особенно в тех случаях, когда название работы недостаточно информативно (ср., например, «Полабские заметки» Г. А. Ильинского, № 498, а также № 643, 668, 669, 684 и др.) Не последователен составитель в указании рецензий: если решено было вообще не давать ссылок на обзоры, то не надо было указывать их и под № 680 и 724. Поскольку даются переводы названий работ на славянских языках, то, вероятно, следовало бы дать и перевод датского издания, указанного под № 576. Из пропусков отмечу рецензию О. Н. Трубачева на этимологический словарь Т. Лера-Славинского и К. Полянского (№ 722), помещенный в сб. «Этимология. 1964» (М., 1965, стр. 351—353), и рецензию Л. И. Ройзензона на мои «Полабские числительные» (№ 732) в «Славянском сборнике, II» (= Уч. зап. филол. ф-та Киргизского гос. ун-та, вып. 10, Фрунзе, 1964, стр. 206—207). Можно было бы указать ряд общих славистических работ и обзоров, в которых то или иное место занимает полабский язык (например, книгу Н. А. Кондрашова «Славянские языки», М., 1962, стр. 164), но важнее было бы отметить в библиографии переиздания работ, например всех работ Я. Розвадовского, названных в указателе его «Избранных работ» («Wybór pism», t. 1—2, Warszawa, 1959—1961) или четырех важных статей Т. Лера-Славинского во второй серии его «Избранных работ и очерков» («Studia i szkice wybrane z językoznawstwa słowiańskiego», Warszawa, 1966).

Несмотря на эти незначительные — в сравнении с общим объемом библиографии — пробелы, следует признать, что книга Р. Олеша является важным вкладом в славистическую библиографию. Она будет служить всем, кто занимается проблемами полабского языка.

А. Е. Супрун

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ
ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ
ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ в 1969 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Обращение государств—участников Варшавского договора ко всем европейским странам. «Правда», 1969, 18 марта.

Владимиров В., Орлов И. Внешняя политика социализма—фактор мира и социального прогресса. Междунар. жизнь, 1969, № 2.

Встреча парламентариев стран социализма. (Улан-Батор, 12—13 февраля 1969 г.). «Правда», 1969, 14 февраля.

Голін Е. М.. Историко-економічні вгадки і фальшиві пророцтва «Остфоршунгу». (До критики «аргументів» реваншизму.) Укр. іст. журн., 1968, № 12.

Коммюнике о визите в СССР министра иностранных дел ЧССР (5—11 февраля 1969 г.). «Правда», 1969, 12 февраля.

Коммюнике о визите делегации ЧССР в Советский Союз (2—4 февраля 1969 г.). «Правда», 1969, 5 февраля.

Коммюнике о визите министра иностранных дел ПНР Стефана Ендриховского в Советский Союз (26—28 февраля 1969 г.). «Правда», 1969, 1 марта.

Коммюнике о пребывании в СССР Чехословацкой военной делегации (21 февраля—1 марта 1969 г.). «Правда», 1969, 2 марта.

Коммюнике Совещания Политического Консультативного Комитета государств—участников Варшавского договора. (Будапешт, 17 марта 1969 г.). «Правда», 1969, 18 марта.

Мунтян М. А. Дипломатическая борьба СССР и народно-демократических стран Дунайского бассейна за новый судоходный режим Дуная (1945—1948 гг.). Балканский ист. сб., Кишинев, 1968, № 1.

О пребывании Председателя Правительства Чехословацкой Социалистической Республики т. Олдриха Черника в Москве (13 марта 1969 г.). «Правда», 1969, 14 марта.

2. Экономика, экономическое сотрудничество.

А. Л. Одиннадцатое заседание Постоянной комиссии Совета Экономической Взаимопомощи по статистике (Москва,

25—29 ноября 1968). «Вестник статистики», 1969, № 2.

Алампиев П., Ширяев Ю. Экономическое сотрудничество стран социализма. (К 20-летию Совета Экономической Взаимопомощи). «Вопросы экономики», 1969, № 1.

Афанасьев Н. П. Развитие железнодорожного транспорта ПНР. Ж.-д. транспорт, 1969, № 2.

Багров М. На принципах социалистического интернационализма. (О советско-чехословацких экономических переговорах, проходивших в Праге в декабре 1968 г.). Экон. газета, 1969, № 4.

Баш Ю. М. Модели оптимизации внешней торговли в европейских социалистических странах. Бюл. иностр. коммерч. информации. 1968, Прил. № 13.

Брож. Модель оптимизации долгосрочного плана развития производства. (Метод, применявшийся при разработке пятилетнего плана развития шерстяной и кожевеннообувной промышленности ЧССР). Техн.-экон. информ.бюл. по легкой пром-сти, 1968, № 2.

Валевская В. И. Торговля Польской Народной Республики с развивающимися странами. «Народы Азии и Африки», 1968, № 6.

Векши и Г. Принцип: взаимная выгода. (Об экономическом и техническом сотрудничестве между Советским Союзом и Чехословакией.). Экон. газета, 1969, № 9.

Гочев Г. Закупочные цены и материальная заинтересованность в повышении качества продуктов (в Болгарии). Экономика сел. хозяйства, 1969, № 1.

20 лет Совета Экономической Взаимопомощи и сотрудничество стран—членов СЭВ в области легкой промышленности (Передовая). Тех.-экон. информ. бюл. по легкой пром-сти, 1968, № 2.

Жарков П. Экономика Чехословакии в цифрах. (Развитие экономики в 1968 г. и перспективы советско-чехословацкого экономического сотрудничества.). «Новое время», 1969, № 3.

Заволжский С. Объединение энергосистем стран СЭВ. Междунар. жизнь, 1969, № 2.

Заседание Исполкома СЭВ. (Берлин, 23—27 января 1969 г.). «Правда», 1969, 28 января.

Заседание Исполкома СЭВ. (О 38-м заседании в Берлине 23—27 января 1969 г.). Экон. газета, 1969, № 6.

Звасс А. Многосторонние расчеты

стран — членов СЭВ. «Деньги и кредит», 1969, № 1.

Иванов В. Коллегиальный орган братского сотрудничества. (К 20-летию СЭВ.) «Коммунист Молдавии», 1969, № 1.
К 20-летию СЭВ. «Новое время», 1969, № 5.

Караваев В., Христов Тодоров С., Фролова И. Экономическая реформа в строительстве НРБ. «Экономика строительства», 1969, № 2.

Керски Э. Стандарты и современное производство. (О работах по стандартизации продукции в ПНР.) Экон. газета, 1969, № 5.

Коммюнике о XXII сессии Совета Экономической Взаимопомощи (Берлин, 21—23 января 1969 г.). «Правда», 1969, 24 января.

Конonenko Д. К. Эффективность разделения труда между странами социализма. Научн. тр. Краснодар. политехн. ин-та, 1968, вып. 23, № 7.

Конычев Д. Д. Экономические эксперименты в хозяйственной реформе народной Польши. Уч. зап. Моск. обл. педин-та, 1968, т. 216. Философия, вып. 2.

Котиш Я. Долгосрочная перспектива развития легкой промышленности ЧССР. Техн.-экон. информ. бюл. по легкой пром-сти, 1968, № 2.

Котковский Я., Тарасов Л. Новые условия хозяйствования в европейских социалистических странах. Полит. самообразование, 1969, № 2.

Кузнецов В. И. Принципы социалистического интернационализма в отношениях стран — членов СЭВ. Уч. зап. Ин-та междунар. отношений, М., 1969, вып. 2.

Лучкина Л. Изменение структуры промышленности в европейских странах — членах СЭВ. «Вопросы экономики», 1969, № 2.

Песчаная Г. Н. Конференция по проблемам планового анализа и совершенствования организации рабочих мест в промышленности (Варшава, 1968 г.). «Труд и заработная плата», 1968, № 4.

Плодотворное сотрудничество. (О 17-м заседании Постоянной комиссии СЭВ по экономическим вопросам. Бухарест, 7 февраля 1969 г.) «Правда», 1969, 8 февраля.

Поляков В. Вопреки фактам. (Разоблачение ложной информации о сессии СЭВ в Берлине, появившейся в одном из номеров английского журнала «Economist».) Экон. газета, 1969, № 6.

Проверено практикой. (В связи с введением в НРБ с 1 января 1969 г. нового положения об объединениях и государственных предприятиях.) Экон. газета, 1969, № 7.

Птичкин Н. 20 лет братского сотрудничества. (К 20-летию СЭВ.) «Внешняя торговля», 1969, № 2.

Ржигала Л. Важная область сотрудничества. (О научно-техническом сотруд-

ничестве между ЧССР и СССР.) Экон. газета, 1969, № 7.

Созидание — девиз социализма. Статистические органы братских стран сообщают (о выполнении народнохозяйственных планов в 1968 г. в НРБ, ВНР, ГДР, СРР, ПНР и СССР). Экон. газета, 1969, № 8.

Соколов М. Технический прогресс и топливно-энергетическая проблема стран — членов СЭВ. Научн. доклады высш. школы. Экон. науки, М., 1969, № 1.

СЭВ — содружество равных. Экон. газета, 1969, № 6.

СЭВ — содружество равных. (Изложение статей председателей ряда постоянных комиссий СЭВ.) Экон. газета, 1969, № 7.

СЭВ — содружество равных. (Статьи председателей постоянных комиссий СЭВ по внешней торговле, транспорту, стандартизации, статистике, валютно-финансовым вопросам.) Экон. газета, 1969, № 8.

СЭВ — содружество равных. (Статьи председателей постоянных комиссий геологии, черной металлургии, цветной металлургии и др., посвященные 20-летию СЭВ.) Экон. газета, 1969, № 3.

Усиевич М. Ленинское учение о двух подразделениях общественного производства и опыт строительства социализма в странах СЭВ. «Вопросы экономики», 1969, № 1.

Фаддеев Н. Плодотворное сотрудничество. (К 20-летию СЭВ.) Бюл. экон. информации (СЭВ), 1968, № 6.

Христов М. Государственный бюджет в новой системе руководства народным хозяйством Болгарии. «Финансы СССР», 1969, № 1.

Черний А. І. Шляхи і методи механізації болгарського сільського господарства в перші роки соціалістичної революції (1944—1948 рр.). «Питання нової та новітньої історії». Київ, 1968, вип. 7.

Шинтяпин Ю. Роль орошаемого земледелия в развитии межгосударственной специализации сельскохозяйственного производства европейских стран — членов СЭВ. «Вопросы экономики», 1969, № 2.

Шмакова Е. Экономическое сотрудничество социалистических стран в обеспечении топливом и энергией. Научн. доклады высш. школы. Экон. науки, М., 1969, № 1.

Экономическое и научно-техническое сотрудничество социалистических стран в развитии отдельных отраслей народного хозяйства и в других областях деятельности. (Статьи председателей постоянных комиссий СЭВ по разным отраслям.) Бюл. экон. информации (СЭВ), 1968, № 6.

Яковлева Е. Трудовые ресурсы в странах — членах СЭВ. (О международной научной конференции по вопросам

использования трудовых ресурсов и структурных изменений занятости в социалистических странах. Будапешт, сентябрь 1968 г.) «Вопросы экономики», 1969, № 1.

3. Партийная жизнь

Андерсон М. Ф., Ларькина Л. С. Славные юбилеи партии польского пролетариата. (О научной конференции, посвященной 50-летию основания КПП и 20-летию образования ПОРП, проводившей совместно с польскими учеными в Москве 13 декабря 1968 г.) «Вопросы истории КПСС», 1969, № 2.

Драгойчева Ц. Выдающийся деятель коммунистического и рабочего движения. (Г. Димитров). Полит. самообразование, 1969, № 2.

Клишко З. Коммунистической партии Польши — пятьдесят лет. «Коммунист», 1969, № 1.

Костиков П. К. Боевой авангард польского народа. (К 20-летию создания ПОРП.) «Вопросы истории», 1969, № 1.

Ольшовский С. V съезд Польской объединенной рабочей партии об актуальных международных проблемах. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1969, № 2.

Пленум ЦК компартии Словакии (Братислава, 13 марта 1969). «Правда», 1969, 14 марта.

Совещание в Праге. (Совещание первых секретарей областных и районных комитетов КПЧ 7 февраля 1969 г. было посвящено современному внутриполитическому положению.) «Правда», 1969, 8 февраля.

Станев Н. О работе среди сельской интеллигенции. (Из опыта работы окружных комитетов БКП.) Парт. жизнь, 1969, № 2.

4. Государственное строительство и право

В Федеральном собрании ЧССР. (О работе сессии.) «Правда», 1969, 31 января.

Всеармейское совещание в Праге (О совещании командиров и партийно-политических работников Чехословацкой народной армии с участием руководителей партии и правительства. Прага, 5 февраля 1969 г.) «Правда», 1969, 7 февраля.

Заседание ЦК Национального фронта Чехии (Учредительное заседание в Праге 20 февраля 1969 г.) «Правда», 1969, 21 февраля.

Новое правительство Чехословакии. (Краткие биографические сведения о некоторых членах федерального правительства.) «Новое время», 1969, № 3.

Программное заявление Правительства ЧССР. (Заявление Председателя правительства ЧССР О. Черника на заседании Федерального собрания в Праге

30 января 1969 г.) «Правда», 1969, 1 февраля.

Кушко Э. К новым успехам в строительстве социализма. (О претворении в жизнь решений V съезда ПОРП.) Коммунист Вооруж. Сил, 1969, № 4.

Ромашкин П. С., Кириченко В. Ф. Новый Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии (принят 15 марта 1968 г.). Сов. государство и право, 1969, № 1.

Свобода Л. (Речь на всеармейском совещании командиров и партийно-политических работников Чехословацкой народной армии. Прага, 5 февраля 1969 г.) «Правда», 1969, 6 февраля.

Собрание актива МВД ЧССР. (Прага, 20 февраля 1969 г.) «Правда», 1969, 21 февраля.

Съезд Демократической партии Польши. (Варшава, 23 февраля 1969 г.) «Правда», 1969, 24 февраля.

Съезд словацких профсоюзов. (Прага, 27 января 1969 г.) «Правда», 1969, 29 января.

Твердая поступь. Воззвание к болгарскому народу. (Текст воззвания партийных и общественных организаций по случаю 25-летия социалистической революции 9 сентября.) «Правда», 1969, 24 февраля.

Черник О. (Выступление на первом съезде чешских профессиональных союзов в Праге 22 января 1969 г.) «Правда», 1969, 23 января.

Чушенко В. І. Софійська міська Народна Рада в системі місцевих органів державної влади Болгарії. Вісник Львівського держ. ун-ту. Історія, економіка, право, 1968.

Штроугал Л. С народом, для народа. Выступление Л. Штроугала на активе народной милиции (24 января 1969 г.) «Правда», 1969, 30 января.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Арсенич П. І. Засновник КПСГ К. М. Саврич (Максимович). Укр. іст. журн. 1969, № 1.

Артиков М. З. З історії участі іноземних інтернаціоналістів у боротьбі за Радянський Туркестан. (Лютий-жовтень 1917 року.) Вісник Львівського держ. ун-ту. Історія, економіка, право, 1968.

Бруз В. С., З історії переговорів про Східний пакт. (Вересень 1934 р.—лютий 1935 р.) «Питання нової та нової історії», 1968, вип. 7.

Бэлінський М. Я. Підпільна і партизанська преса Львівщини (1941—1944 рр.). Вісник Львівського держ. ун-ту. Серія журналістики, 1968.

Белякевич І. І. Деякі питання сучасної польської історіографії про участь

поляків-інтернаціоналістів у Жовтневій революції в Росії. (Аналіз робіт за 1947—1966 гг.) Вісник Львівського держ. ун-ту. Історія, економіка, право, 1968.

Винников В. А. О поддержке Россией возрождавшегося сербского национального государства (1804—1812 гг.). Сб. ученых трудов Свердловск. юрид. ин-та, 1968, вып. 8.

Волькович Л. Ю. До характеристики буржуазно-національного руху в Королівстві Польському в другій половині 80-х—початку 90-х років XIX ст. «Питання нової та новітньої історії», 1968, вип. 7.

Калениченко П. М. Ради робітничих депутатів у Польщі на заключному етапі (1919 р.). (До 50-річчя Комуністичної партії Польщі). Укр. іст. журн., 1968, № 12.

Клеванский А. Х. Борьба Советского правительства за нормализацию светско-чехословацких отношений (конец 1918 — начало 1920 г.). «Вопросы истории», 1969, № 2.

Кобердова И. Научно-исследовательская работа в архивах ПНР. Сов. архивы, 1969, № 1.

Колкер В. М. Румынское правительство и мюнхенский договор. Балканский ист. сб., Кишинев, 1968, № 1.

Кузьмин М. Н. 50-летие чехословацкого государства (О научной сессии в Институте славяноведения и балканистики АН СССР 23 октября 1968 г.). «Вестник АН СССР», 1969, № 1.

Кузьмин М. Н. 50 лет Чехословацкой Республики. Научная сессия в Москве. (23 октября 1968 г.) «Новая и новейшая история», 1969, № 1.

Липшиц Е. Э. К истории «Земледельческого закона» в Византии и в средневековых балканских государствах. «Византийский временник», 1969, т. 29.

Лопатнюк С. Государственный переворот в Польше 1926 года и иностранные государства. «Вопросы истории», 1969, № 2.

Матвішин Я. О. Сторінка зісторії українсько-польських наукових зв'язків в XV ст. Укр. іст. журн., 1968, № 12.

Мельникова І. М., Кулінич І. М. Стан і завдання вивчення історії європейських соціалістичних країн. Укр. іст. журн., 1969, № 1.

Мовчан С. П. Філіп Філіпович про вплив Великої Жовтневої Соціалістичної Революції на розвиток революційного руху трудящих південнослов'янських земель (1918—1920 роки). Вісник Львівського держ. ун-ту. Історія, економіка, право, 1968.

Монин М. Из истории боевого содружества советских и чехословацких войск. Воен. ист. журн., 1969, № 2.

Никольская Л. Становление советско-чешских культурных связей. «Вопросы и ответы», 1969, № 2.

Орехов А. М. 50 лет со дня провозглашения независимой Польши. (О заседании Ученого совета Ин-та славяноведения и балканистики АН СССР, посвященном этой дате. Москва, 20 ноября 1968 г.) «Вестник АН СССР», 1969, № 1.

Пірко В. О. Помісне господарство Галицького Прикарпаття в першій половині XVIII ст. (На матеріалах Перемишльської землі.) Укр. іст. журн., 1969, № 1.

Поглубко К. А. О связях издатель журнала «Вперед!» с сербскими социалистами. (Середина 70-х гг. XIX в.) Балканский ист. сб., Кишинев, 1968, № 1.

Резонов П. И. Историческое значение февральских событий 1948 г. в Чехословакии. «Новая и новейшая история», 1969, № 1.

Сохань П. С., Чернявський Г. Й. Документи ЦДАЖР УРСР про революційний рух у Болгарії та радянсько-болгарські зв'язки 20—30-х рр. Укр. іст. журн., 1969, № 1.

Фролов В. Время и книги. К 75-летию Ярослава Ивашкевича. Лит. газета 1969, 26 февраля.

Чернявський Г. Й. Внутрішня боротьба в болгарському Землеробському народному союзу в 1925—1929 рр. «Питання нової та новітньої історії», 1968, вип. 7.

Чолаков В., Вылчев А. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на формирование взглядов медицинской общественности Болгарии. Сов. здравоохранение, 1969, № 1.

Яцкевич І. Е. Розвиток нафтової промисловості Прикарпаття в кінці XIX та початку XX століть. Вісник Львівського ун-ту. Серія екон. наук, 1968, вип. 1.

2. Культура и наука

Апостолов М. А. О предьистории высшего медицинского образования в Болгарии. Сов. здравоохранение, 1969, № 2.

Атанасов П. Леся Українка на болгарській землі. (О софийском периоде жизни поэтессы и ее связях с Болгарией.) «Весвіт», 1968, № 12.

Балевский А. Наука служит интересам народа. (Ответы президента БАН на вопросы редакции журнала.) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1969, № 2.

Гайдай М. VI Міжнародний з'їзд славістів. (Прага, 7—13 августа 1968 г.) Нар. творчість та етнологія, 1968, № 6.

Гродзіцький А. Сучасність на польській сцені. «Весвіт», 1968, № 12.

Колесник Ю. А. Борьба вокруг оценки Льва Толстого на Буковине в начале XX в. Вопросы рус. лит-ры. Львов, 1968, вып. 3.

Мадиевский С. А. Научные связи историков Молдавской ССР с историками социалистических стран Юго-Во-

сточной Европы (1956—1965 гг.). Балканский ист. сб., Кишинев, 1968, № 1.

П а н д у р с к и й В. Сокровища древней Болгарии. (О выставке древнеболгарского искусства в Государственном музее изобразительных искусств им. Пушкина.) «Творчество», 1969, № 1.

П а ч о р о в с к и й Т. И. I. Франко — переключатель польских поэтов другой половины XIX ст. Укр. литературоведство, 1968, вып. 5. Иван Франко.

Польскому экономическому обществу 50 лет. Экон. газета, 1969, № 4.

П о п о в и ч М. Народная поэтика Вука Караджича. Вестник Моск. ун-та. Филология, 1969, № 1.

П ш е н и ч н ы й В. М. Атеистична спрямованість фейлетонів в Петра Козлянока (1925—1934 рр.). Вісник Львівського держ. ун-ту. Серія журналістики, 1968.

Р о в д а К. И. М. Горький у болгар. (Обзор работ, вышедших в 60-е годы.) Рус. лит-ра, 1969, № 4.

С а т о В. Закарпатье в русской дореволюционной литературе. (В летописях XII—XIII вв., очерках XVIII—XIX вв. и в художественной литературе.) Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, 1968, № 288.

VI Всесоюзные редакторов философских и социологических журналов социалистических стран. (Яблонна, 28—30 ок-

тября 1968 г.) «Вопросы философии», 1969, № 1.

Я н к о в с к и й Г. Просветительские иллюзии и снобизм экспертов. (Теории и оценки.) (Доклад на совещании редакторов философских и социологических журналов соц. стран. Яблонна, 28—30 октября 1968 г.) «Вопросы философии», 1969, № 1.

Я щ у к П. И. Мастер фейлетонного жанру. (О творчестве западноукраинского писателя П. Козлянока периода 1920—1930 гг.) Вісник Львівського держ. ун-ту. Серія журналістики, 1968.

3. Я з ы к о з н а н и е

Ж у к о в с к а я Л. П. Замечания о «предварительном списке» и «сводном каталоге» славянских древних рукописей. «Вопросы языковедения», 1969, № 1.

М а й Е. Итоги заседаний Комиссии по изучению грамматического строя славянских языков. (Берлин, 16—20 апреля 1968 г.) Научн. доклады высш. школы. Филол. науки, 1969, № 1.

Р о й з е н з о н Л. И. Полемические заметки по славянскому глаголу. (По поводу статьи Г. Шустера-Шевца «Die „Perfektiven Intertiva“ im sorbischen»). Тр. Самаркандского гос. пед. ин-та, 1968, вып. I. Вопросы рус. языковедения.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1969, № 1

Л. Ж и в к о в а. Англо-турецкие отношения накануне второй мировой войны; Б. П р и м о в. Болгарское богомилство и европейская реформация; М. И с у с о в. Расходы Болгарии в Отечественной войне (1944—1945).

«Език и литература», 1968, № 6

С. Р у с а к н е в. Христо Смирненский; А. Я щ е н к о. К вопросу о происхождении некоторых русских гидронимов в области Посемья; Й. Ц о н е в. Эпопея о Великом Октябре у нас — роман Серафимовича «Железный поток»; А. Л ю д с к а н о в. Оптимальна ли общепринятая стратегия машинного перевода? В. В е л ч е в. Международное революционное социалистическое движение и болгарская литература; К. П о л о в. Одно античное имя в нашей топонимии: *Jamphorynna* — *Фороуна*; К. М л а д е н о в. Греческое языковое проникновение в нижневардарские говоры.

«Przegląd Historyczny», 1969, № 1

М. Б о г у ц к а я. Торговля Гданьска с Иберийским полуостровом в первой половине XVII в.; Я. В о й т а с и к. Борьба Августа II с профранцузской оппозицией в первый год правления (1697—1698); С. Д з е н ц и о л о в с к и й. Центральное общество сельского хозяйства в Королевстве Польском и его программа в 1906—1908 гг.; С. М и г д а л. Отношение Саксонии к Королевству Польскому в период первой мировой войны; Ф. С т а с и к. Деятельность Карла Крашцира во время ноябрьского восстания и в эмиграции (1831—1842); Э. К о з л о в с к и й. Неизвестные письма Ярослава Домбровского (1865—1868).

«Slavia Orientalis», 1968, № 4

З. Ж а к е в и ч. Русская литература 1895—1914 гг. в кругу Молодой Польши; Я. З о м б к о в с к а я. Отлагательные имена прилагательные с суффиксом -тель- в современном русском языке. Их место в словообразовательной системе.

«*Československý časopis historický*», 1968, № 1

О. Урбан. Карл Каутский и формирование марксизма как политической идеологии массовой социалистической партии в конце XIX в.; Э. Влчкова. Концепция единого фронта левых социалистов Германии и Австралии в связи с наступлением фашизма (1933—1934); В. Ладина. Об аграрных концепциях социал-демократии и национал-социалистов в 1945—1948 гг.

«*Česká literatura*», 1968, № 6

Ф. Свейковский. Проблематика ритма «Песни господина Штемберка»; Ф. Каутман. Ст. К. Нейман в период с 1922 по 1926 год; Э. Гарони. Разнородность эстетического объекта и проблемы критики искусства; Э. де Феличе. Об «историзме» и «структурализме»; О. Сус. О структуре (К терминологии чешского структурализма в трудах Яна Мукаржовского); М. Павек. Литература и феноменология; Ю. Штепанкова. Основы семиологии; О. Кралик. Прения по поводу корней чешской агнографии.

«*Slavia*», 1968, № 4

Е. И. Мельников. К проблеме происхождения Остромирова евангелия; В. М. Марков. Путятина Минея как древнейший памятник русского письма; Дж. Феррел. Перфективирующие приставки в современном русском литературном языке; Я. Иша.

Русский футуризм спустя пятьдесят лет; Д. Маречкова. Великая црква в Проложном житии Константина и Мефодия; Л. Пацнерова. Числовые знаки для обозначения тысяч в древнечешском глаголическом Ко-месторе; К. Горалек. От стиля к эпической мотивации (Заметки о технике романа Ф. М. Достоевского); Б. Догнал. Перевод как форма (К чешским переводам поэзии Пушкина); М. Шмерда. Бернард Таннер и его путешествие в Польшу и Москву в 1676—1679 гг.; С. Шепс. Люрианская Каббала, мар-тинизм и Мицкевич.

«*Izraz*», 1968, № 10

Х. Тахмишчич. Насилие и вопрос о человеке; Я. Скацел. В фо-кусе времени и творчества; Д. Реджеп. Вариация на тему о Матиче; Й. Видмар. Драма на перепутье; С. Леовац. Змай; Л. Мифка. Живопись Нивес Кавурич-Куртович; П. Волк. Верная линия жизни.

№ 11

Р. Франкастел. Элементы и структура образного языка; Й. Видмар. Об ответственности в эксперименте; Н. Колевич. Соотношение эссенции и экзистенции в трагедии Шекспира «Отелло»; Л. Мифка. Белый цвет как функция предмета. В. Корман. Поэзия Милована Данойлича; Б. Пейович. Гражданская поэзия: стилисти-ко-тематические связи и отношения; Н. Петкович. Стихи без поэта.

ДОКЛАД ПОСЛА Я. ПТАСИНЬСКОГО

26 февраля 1969 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР выступил с докладом Чрезвычайный и Полномочный Посол Польской Народной Республики в Советском Союзе Ян Птасиньский на тему «Внутренняя и внешняя политика народной Польши». Докладчик обстоятельно охарактеризовал основные процессы социально-экономического и политического развития народной Польши и ее внешнюю политику. За годы народной власти, подчеркнул Посол, польский народ под руководством Польской объединенной рабочей партии добился больших успехов в строительстве социализма. Польша из отсталой аграрной страны превратилась в индустриально-аграрную страну с высоко развитой промышленностью. Суще-

ственные перемены произошли в области сельского хозяйства, где все большее значение приобретает социалистический сектор. Непрерывно повышается культурный уровень и материальное благосостояние народа. Большие задачи поставил перед польским народом V съезд Польской объединенной рабочей партии, состоявшийся в ноябре 1968 г. Осуществление этих задач явится важным шагом на пути к построению социализма в Польше. Внешняя политика ПНР исходит из коренных интересов народа, она направлена на обеспечение безопасности страны, упрочение социалистического содружества, ослабление международной напряженности. Доклад вызвал большой интерес у слушателей.

И. К.

IV СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

С 28 по 31 января 1969 г. проходил IV симпозиум по проблеме «Генезис капитализма, национально-освободительное движение и формирование национальной культуры славянских народов (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)», организованный Научным советом по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. В симпозиуме приняли участие сотрудники ряда научных учреждений и вузов страны.

На симпозиуме были рассмотрены вопросы первоначального накопления капитала в славянских землях, национального движения, межславянских связей и формирования национальной культуры.

В докладе А. С. Бейлиса (Львовский ун-т) «Болгарская марксистская историография о проблеме первоначального накопления капитала в Болгарии» рассматривались работы Д. Благоева, Г. Киркова, В. Коларова, Г. Димитро-

ва и др. по указанному вопросу. Докладчик отметил, что Благоев тесно связывал проблему капиталистического развития Болгарии с вопросом о первоначальном накоплении капитала и высказал мысль, что первоначальное накопление в Болгарии происходило в 80—90-е годы XIX в. главным образом за счет увеличения торгового и ростовщического капиталов. Далее докладчик подчеркнул, что интерес к социально-экономическим проблемам болгарской истории, и особенно к вопросам генезиса капитализма и первоначального накопления в Болгарии, значительно возрос после 9 сентября 1944 г. (Ж. Натан, Д. Косев, Хр. Гандев и др.). В заключение А. С. Бейлис отметил, что к началу XX в. Болгария вышла уже за рамки эпохи первоначального накопления.

Доклад С. С. Гринберга (Донецкий ун-т) был посвящен особенностям процесса первоначального накопления капитала в Болгарии. По его мнению, этот процесс начался еще до освобождения

Болгарии, наиболее интенсивно развивался в последние два десятилетия XIX в. и продолжался вплоть до Балканских войн. Его особенностями докладчик считает медленное накопление капиталов и сравнительно небольшие его масштабы, одновременность процесса накопления капитала и промышленного переворота. До конца XIX в. преобладали методы первоначального накопления, а с развитием фабричной промышленности и капиталистических форм сельского хозяйства увеличивался удельный вес капиталистического накопления. В целом процесс первоначального накопления не был ярко выраженным. Все это явилось одной из важнейших причин экономической отсталости Болгарии в конце XIX — начале XX в. В докладе В. А. Якубского (Ленинградский ун-т) «К вопросу об эволюции феодальной деревни и процессе первоначального накопления капитала в Польше» рассматривается в историографическом плане процесс отделения непосредственного производителя от средств производства в феодальной деревне и его связь с формированием капиталистических отношений и подчеркиваются качественные отличия, которые произошли в XIX в. в процессе экспроприации крестьянства. Существующие исследования, по мнению докладчика, позволяют сделать вывод о начале аккумуляционных процессов по меньшей мере в XVIII в., а возможно, и в эпоху польского Возрождения. Перспективной он считает гипотезу о прерывистости хода первоначального накопления в странах Восточной Европы.

А. С. Мыльников (Ленинград, Гос. Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина) в докладе «Эволюция социальной структуры чешского общества эпохи первоначального накопления. К проблеме социально-экономических предпосылок Просвещения в Чешских землях» проанализировал социально-экономические предпосылки чешского Просвещения, которые он рассматривает как триединую органическую сумму проблем экономического развития Чешских земель, эволюции их социальной структуры и классовой борьбы и, наконец, особенностей формирования буржуазных общественных отношений. Автор полагает, что исследование эволюции социальной структуры населения следует начинать с середины XVII в. и в рамках периода выделяет четыре этапа, каждому из которых присущи определенные черты. К концу XVIII в. в Чешских землях образуются новые социальные слои (предприниматели мещанско-бюргерского происхождения и мануфактурные рабочие), характерные для формирующегося в недрах феодализма буржуазного общества. Н. Ф. Филоненко-Алексеев (МИНХ им. Г. В. Плеханова) в докладе «Чехословацкая историография 60-х годов о

генезисе капитализма в Чешских землях и в Словакии» рассмотрел работы современных чешских и словацких историков, освещающие проблемы зарождения капиталистических отношений в городе и деревне. Докладчик отметил определенные результаты в изучении этой проблемы и обратил внимание на существенные различия в датировке начала генезиса капитализма в Чешских землях и Словакии.

С сообщением «Проблемы развития товарно-денежных отношений в Сербии после ликвидации турецкой феодальной системы (1830—1858 гг.)» выступил Е. П. Наумов (Ин-т славяноведения и балканистики). Автор считает, что вплоть до середины 50-х годов товарно-денежные отношения в Сербском княжестве развивались довольно медленно. Этот процесс ускорился во второй половине 50-х годов и сопровождался огромным ростом крестьянской задолженности, усилением процесса распада «задруг», начавшимся обезземеливанием сербского крестьянства, происходившими более интенсивно в северных округах. И. И. Лециловская (Ин-т славяноведения и балканистики) сделала доклад «О социальной сущности и периодизации хорватского национального Возрождения». По мнению автора, сущность периода национального Возрождения состояла в борьбе за решение назревших исторических задач. Главными движущими силами национального Возрождения были социальные слои, связанные с развитием буржуазных отношений. Главным критерием для хронологических рамок его должен быть сословно-классовый принцип. Исходя из этого, автор выделяет два периода: первый — конец XVIII в. — 1847 г. (с двумя подпериодами: а) вызревания национально-освободительной идеологии в конце XVIII в. — 1834 г.; б) национально-освободительного движения в 1835—1847 гг.) и второй — 1848—1849 гг.

В. Д. Конобеев (Ин-т славяноведения и балканистики) посвятил свой доклад формированию политической программы национально-освободительного движения в Болгарии во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Докладчик подробно остановился на политических взглядах Софрония Врачанского, его соратников и современников и на основе новых документов охарактеризовал Врачанского как выразителя идей просвещенного абсолютизма. В. П. Черный (Дрогобычский пед. ин-т) в своем сообщении, проанализировав материалы о восстаниях 1875 и 1876 гг. в Болгарии, пришел к выводу, что революционная ситуация в стране сложилась только на рубеже 1875—1876 гг. Именно в этот период в стране созрели объективные условия для буржуазно-демократической революции. И. В. Чуркина (Ин-т славяноведения и балканистики) рассмотрела

политические взгляды известного деятеля национально-освободительного движения в Словении Ф. Левстика, который решительно выступал за объединенную Словению и искал союзников в национальных движениях славянских народов. В идеологии Левстика сочетались либеральные и демократические воззрения с панславистской программой.

В. Г. Карасев (МГУ) осветил сотрудничество сербского демократа Живоина Жуевича в русской периодической печати 60-х годов XIX в. Докладчик уточнил выводы, касающиеся формирования взглядов Жуевича по славянскому вопросу во время пребывания его в России и отметил, что в острой идейной борьбе между демократами и славянофилами он всегда был вместе с русскими демократами, выступая за национальное и социальное освобождение славянских народов. Н. М. Пашаева (Москва, Гос. публ. истор. б-ка) сделала сообщение о деятельности Я. Ф. Головацкого, одного из крупных галицких будителей, писателя, историка и лингвиста в 1849—1867 гг., имевшей важное значение для национального Возрождения Галичины. С. М. Трусевич (Львовский ин-т обществ. наук) рассказал об участии женщин Галиции в польском национально-освободительном движении конца 50 — начала 60-х годов XIX в.

Общественно-политические взгляды В. Пелагича в 90-е годы XIX в. и его связи с Россией были рассмотрены Д. Ф. Поплыко (Ин-т славяноведения и балканистики). Она охарактеризовала критическое отношение Пелагича к существующей действительности, его представления о пути Сербии к социализму и о движущих силах социалистических преобразований. В. И. Фрейдзон (Ин-т славяноведения и балканистики) охарактеризовал межвоенную югославскую историографию хорватского национального движения периода учреждения австро-венгерского дуализма (60-е — начало 70-х годов XIX в.), в центре внимания которой стояли вопросы югославизма и панхорватизма, взаимоотношений между югославянскими нациями. Докладчик указал на появление первых марксистских исследований (А. Цесарец и др.), касавшихся социальных основ движения, идейного размежевания в нем и других проблем. Буржуазная же историография переживала кризис, отражавший состояние всего общественно-политического строя Югославии.

В сообщении «Польские современники о роли Иоахима Лелевеля в ноябрьском восстании 1830—1831 годов» Б. С. Попков (Петрозаводский ун-т), рассмотрев отношение к Лелевелю демократических и консервативных деятелей, отметил, что в польской историографии на долгие годы утвердилось мнение о неспособности Лелевеля к политической деятельности.

И. А. Воронков (МГУ) охарактеризовал «Социальный и национальный состав повстанцев Белоруссии в 1830—1831 гг.». В Минской губернии шляхта, дворяне и помещики составляли 50%, унтер-офицеры и солдаты польской армии, Литовского корпуса, чиновники, духовенство — свыше 25% повстанцев, крестьяне — около 16%. Автор подчеркнул, что одновременно с польско-шляхетским восстанием в Белоруссии усилилось крестьянское движение. В. М. Фоменкова (Кировский пед. ин-т) сделала сообщение о нелегальной польской газете «Стражница» (1861—1864). Газета провозглашала «братство и равенство крестьян», но обходила социальные вопросы, развивала националистические идеи, считала наиболее благоприятным условием для успеха восстания революцию в самой России. И. С. Достян (Ин-т славяноведения и балканистики) на основе анализа ряда источников показала несоответственность концепций некоторых современных европейских и американских историков, доказывавших, что уже в начале XIX в. в русской общественной мысли появилась панславистская идеология, и рассмотрела отношение дворянских кругов России к перспективе создания независимого сербского государства.

Сообщение М. Я. Гольберга (Дрогобычский пед. ин-т) было посвящено полемике вокруг славянофильского послания «К сербам». Докладчик остановился на полемике Н. Г. Чернышевского со славянофилами; по его мнению, статьи о Сербии, написанные Чернышевским в конце 50-х годов, заложили основы прочных связей революционной демократии славянских стран. Н. И. Хитрова, используя новые архивные документы, рассказала о позиции России и Австрии в связи с черногорско-турецкой войной 1852—1853 гг. Приведенные ею данные опровергают существующую в литературе точку зрения о том, что дипломатическое посредничество Австрии в Константинополе приостановило турецкую агрессию. В. М. Хевролина (ВНИИ документоведения и архивного дела) показала активное участие революционной молодежи России в национально-освободительной борьбе на Балканах. Отметив неодинаковое отношение к движению южных славян со стороны националистических групп, она обратила внимание на факты прямого протеста против готовящейся войны (Казанская демонстрация 6 декабря 1876 г.). И. В. Козьменко (Московский ин-т международных отношений) охарактеризовала деятельность русской делегации в Европейской международной комиссии по Восточной Румелии (1878—1879 гг.). Русская делегация в Комиссии всячески содействовала либерализации Органического регламента и решению финансового вопроса в пользу Болгарии.

С сообщением на тему «Национально-освободительная борьба польского народа XIX в. и Грузия» выступил Н. Г. Николайшвили (Тбилиси, Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГрузССР). Он показал отношение прогрессивной грузинской общественности к восстанию 1830—1831 гг., связи грузинских и польских студентов с Н. Г. Чернышевским. С. В. Овнянц (Ереван, Ин-т истории АН АрмССР) сделал сообщение о влиянии Апрельского восстания в Болгарии на подъем национально-освободительного движения армянского народа. Н. Д. Ратнер (Ин-т славяноведения и балканистики) рассмотрела отношение царской дипломатии к событиям в Австро-Венгрии в конце XIX в.

С докладом на тему «Век Просвещения и формирование музыкальной классики западнославянских народов» выступил И. Ф. Бэлза (Ин-т славяноведения и балканистики). Рассмотрев основные черты музыкальной культуры конца XVIII — начала XIX в., И. Ф. Бэлза указал на ее самобытность и народность, отметил воздействие будительского движения в Чехии и Словакии на музыкальное творчество и становление чешской музыкальной классики, показал связь русской музыкальной культуры с западнославянской. Ю. И. Смирнов (Ин-т славяноведения и балканистики), проанализировав «Отношение народной

культуры к этническим общностям», пришел к выводу, что народная культура по мере формирования нации утрачивает свою роль признака этнической общности. Л. П. Лаптева (МГУ) охарактеризовала особенности серболужицкого национального движения конца XVIII — начала XIX в., борьбу сербов-лужицан за национальную и культурную автономию. М. Н. Кузьмин (Ин-т славяноведения и балканистики) рассмотрел факторы, определяющие характер эволюции культурного уровня населения Чешских земель в годы распространения капиталистической мануфактуры и в период промышленной революции, и школьную систему этой поры. Сообщение И. И. Свириды (Ин-т славяноведения и балканистики) было посвящено роли культурных связей в формировании польского изобразительного искусства нового времени.

По докладам и сообщениям развернулись оживленные прения. Подводя итоги работы симпозиума, С. А. Никитин отметил высокий научный уровень докладов и сообщений, разнообразие тематики и обратил внимание на необходимость более глубокой разработки проблем, обсуждавшихся на симпозиуме, в частности культурного развития славянских стран.

Н. В. Зуева, Е. М. Шатогина

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

12 февраля 1968 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук И. В. Михутиной на тему «Советско-польские отношения в 1932—1935 годах». Официальные оппоненты — д-р ист. наук И. И. Костюшко и канд. ист. наук Д. Г. Томашевский, а также выступившие затем д-р ист. наук В. Д. Королюк и канд. ист. наук В. К. Волков отметили, что диссертантка выбрала важную в научном и политическом отношении тему, использовала широкий круг источников, в том числе архивных, ввела в научный оборот ряд ранее не известных документов и материалов. Все это позволило ей воссоздать историю развития советско-польских отношений в сложный и трудный период, когда после захвата фашистами власти в Германии в центре Европы образовался очаг военной опасности.

Диссертантка на основе анализа конкретных фактов показала классовую враждебность польской буржуазии к Советскому государству, ее крайний национализм и авантюризм и сделала правильный вывод, что после временно-

го улучшения советско-польских отношений в конце 1932 — начале 1933 г. отношения между СССР и Польшей развивались неблагоприятно. Польская политика равновесия, опасные последствия польско-германского сближения на антисоветской почве противоречили коренным национальным интересам Польши и облегчали гитлеровцам проведение удобной им политики. Отказ польских правящих кругов от участия в системе коллективной безопасности, предательство ими коренных национальных интересов страны, курс на сближение с гитлеровской Германией, их антисоветская политика логически привели к сентябрьской катастрофе.

Оппоненты отметили, что в работе следовало бы осветить вопрос о Западной Украине и Западной Белоруссии и о влиянии этой проблемы на развитие советско-польских отношений, а также вопрос о развитии советско-польских экономических отношений.

Ученый совет института единодушно присудил И. В. Михутиной ученую степень кандидата исторических наук.

В. П.

ИРИНА ГРИГОРЬЕВНА СЕНКЕВИЧ

24 декабря 1968 г. безвременно скончалась Ирина Григорьевна Сенкевич, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, видный специалист по истории балканских стран.

И. Г. Сенкевич родилась в 1930 г. в г. Куйбышеве в семье врача. В 1953 г. она окончила исторический факультет Московского государственного университета и поступила в аспирантуру Института истории АН СССР, где в 1957 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию.

Перу И. Г. Сенкевич принадлежит около 30 научных работ, из них три монографии: «Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг.» (1959), «Албания в период Восточного кризиса 1875—1881 гг.» (1965) и «Россия и Критское восстание 1866—1869 гг.» (находится в печати).

Книги и статьи Ирины Григорьевны получили признание в нашей стране и за рубежом, рецензии на них были помещены в советских научных журналах, а также в румынской, югославской и болгарской печати. Ряд ее работ переведен и издан за рубежом.

И. Г. Сенкевич проявляла живой интерес к разнообразной проблематике истории народов Балканского полуострова преимущественно второй половины XIX в. Помимо работ по истории Албании, ею написаны статьи о борьбе греческого народа в середине XIX в., о русско-греческих связях этого же периода и ряд других.

Товарищи по работе и все, кто знал Ирину Григорьевну, сохранят о ней добрую память.

Э. А. Джапаридзе

ЯРОСЛАВ БАУЭР

(1924—1969)

Не стало профессора Ярослава Бауэра, известного чешского слависта-языковеда. Он умер в 44-летнем возрасте 4 января 1969 г. после продолжительной и тяжелой болезни.

За неполные 20 лет своей научной и научно-педагогической деятельности Я. Бауэр сделал много ценного для развития чешского и общеславянского языкознания, для укрепления творческих связей между языковедами Советского Союза и Чехословакии.

В центре научных интересов Я. Бауэра — все время вопросы синтаксиса чешского и других славянских языков. Монография Я. Бауэра «Развитие чешского сложного предложения» (*Vývoj českého souvětí*, Praha, 1960), в основу которой была положена его кандидатская диссертация «Сложное предложение в старочешском языке» (*Staročeské souvětí*), защищенная в 1955 г., является самым обстоятельным исследованием такого характера во всем славянском языкознании. Вопросы истории сложносочиненных и сложноподчиненных предложений чешского языка рассматриваются в этой работе на обширном, тщательно собранном материале в сопоставлении с параллельными явлениями других славянских языков. Важные теоретические проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских языков освещаются и в ряде статей Я. Бауэра: «Основные проблемы сравнительно-исторического синтаксиса славянских языков» («Вопросы языкознания», 1963, № 4), «К вопросу о возникновении и развитии типов сложного предложения» («Вопросы славянского языкознания», 1962, 6), «Проблема реконструкции праславянского сложного предложения» (*Sborník prací Filos. fak. Brn. un-tu*, 1958, A 6), «К вопросу о происхождении союзов» (там же, 1960, A 8), «К развитию польских изъяснительных предложений» (*K vývoji polských obsahových vět*, там же, 1961, A 9), «К развитию относительных предложений в славянских языках» («Вопросы языкознания», 1967, № 5), «О характере влияния церковнославянского языка на древне-

русский синтаксис» (*K povaze vlivu církevní slovanštiny na staroruskou syntax*, «Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury», X, Praha, 1966), «Беспредложный локатив в старославянском языке» (сб. «Исследования по синтаксису старославянского языка», Praha, 1963), «Старославянский язык и язык жителей Великой Моравии — сопоставление синтаксического строя» (сб. «Magna Moravia», Praha, 1965), доклад на IV Международном съезде славистов (Москва) о влиянии греческого и латинского языков на развитие синтаксического строя славянских языков (1958), доклад на V Международном съезде славистов (София) о задачах и методах реконструкции праславянского синтаксиса (1963) и др.

Несколько основательных трудов Я. Бауэра посвящено вопросам теоретического и описательного синтаксиса, в частности синтаксиса современного чешского и русского языков. К ним принадлежит написанный совместно с Р. Мразеком и С. Жажей том 2 (синтаксический) «Грамматики русского языка для чехов» (*Příruční mluvnice ruštiny pro čechy*, Praha, 1960), подготовленная совместно с М. Греллем монография «Синтаксис чешского литературного языка» (*Skladba spisovné češtiny*, Praha, 1961), а также статьи «Сложносочиненное предложение» в сб. «Главы из сравнительной грамматики русского и чешского языков», т. II (*Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české*, Praha, 1961), «Русские союзы в сопоставлении с чешскими» (*Sborník prací Filos. fak. Brn. un-tu*, 1957, A 5), «Многочленное сложное предложение и его классификация» (*Složité souvětí a jeho klasifikace*, «Slovo a slovesnost», XXVII, Praha, 1966) и др. Продолжая лучшие традиции классического языкознания, Бауэр рассматривал эти проблемы на уровне современной мировой науки.

Много внимания уделял Я. Бауэр популяризации в Чехословакии достижений современного советского языкознания. Он является автором многочисленных рецензий и сообщений о новых ра-

ботах советских ученых. Немало сил отдал он редактированию различных лингвистических работ, в том числе и переводов с русских изданий. Я. Бауэр принимал самое активное участие в работе трех международных съездов славистов (1958, 1963, 1968 гг.) и многих международных конференций и совещаний по языкознанию.

Трудно учесть ту большую научно-организационную работу, которую со свойственной ему четкостью, аккуратностью и скромностью осуществлял Я. Бауэр в качестве члена различных международных и чехословацких научных комиссий и редколлегий периодических изданий. Он был ученым секретарем Международной комиссии по изучению грамматического строя славянских языков, членом редколлегий журналов «Sovětská věda — Jazykověda» (1951—1955), «Listy filologické» (с

1962 г.) и ежегодной языковедческой серии «Сборник трудов философского факультета Брненского университета» («Sborník prací Filos. fak. Brn. un-ty»), заместителем декана философского факультета Брненского университета, заботливым воспитателем молодых языковедческих кадров.

Все, кто знал Я. Бауэра, кому приходилось встречаться с ним в рабочей обстановке или в неофициальной дружеской беседе, неизменно видели в его лице высокий образец научной целеустремленности и трудолюбия, сочетающийся с обаятельными чертами сердечного, дружелюбного человека и внимательного товарища. Именно таким навсегда остался образ Ярослава Бауэра в памяти его многочисленных коллег — советских славистов.

А. С. Мельничук

CONTENTS

<i>Jan Ptasiński</i> . (Poland). Twenty-five years of the People's Republic of Poland. <i>A. Klevanskij</i> . V. I. Lenin and the struggle for the creation of the revolutionary party of the Czechoslovak proletariat. <i>R. P. Grišina</i> . From the history of the ideological struggle of the CP of Bulgaria in 1929—1934. <i>T. P. Blinova, G. M. Slavín, M. M. Sumarokova</i> . On the history of the creation of the CP of Yugoslavia. <i>I. N. Kiselev</i> . Scientific contacts of the Soviet Academy of Sciences with the Polish Academy of Sciences. <i>V. I. Frejdzon</i> . On the peculiarities of nationhood in the Croatian lands. <i>A. A. Iljušin</i> . An essay in typological comparison. <i>T. A. Ivanova</i> . Move about «the Russian letters». <i>S. B. Bernštejn</i> . From the Bulgarian lexicology and lexicography.	3
---	---

MONUMENTS OF THE SLAV CULTURE

<i>Je. Ljvova</i> . From the history of the Bulgarian art in the late XVIII — early XIX centuries	81
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>P. O' šanskij</i> . The USSR and the Slav countries in the «Dokumenty vnešnej politiki SSSR». <i>Albin Koprýkowniak</i> (Poland). «Rocznik Lubelski», t. I—X. <i>V. V. Zazarov</i> . The latest works of the Croatian and Soviet historians about the agrarian relations in the Zadar district in the X—XIV centuries. <i>V. K. Volkov</i> . New works by the Ural Balkanologists. <i>A. Mylnikov</i> . W. Zeil. Bolzano und die Sorben. <i>E. P. Naumov</i> . A new edition of the «Chronicle of Priest Dukljanin». <i>L. K. Andrej Cerveňak</i> . Vajanský a Turgenev. <i>I. K. Gorskij</i> . «Sadružnasc' literatur». <i>L. Kalnyn</i> . Studien zur sprachlichen Interferenz. <i>A. E. Suprun</i> . R. Olesch. Bibliographie zum Dravänapolabischen	86
--	----

Bibliography

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1968 (continued). The contents of foreign periodicals	115
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>I. K.</i> Referate of the Ambassador Ja. Ptasiński. <i>N. V. Zueva, E. M. Satoci-na</i> . The IV Symposium on the national development of the Slav peoples. <i>V. P.</i> The defence of a dissertation thesis	121
<i>E. A. Džaparidze</i> . Irina Grigorjevna Senkevič	125
<i>A. S. Mel'ničuk</i> . Jaroslav Bauer	126

Технический редактор *Т. А. Михеева*

Сдано в набор 16/IV—1969 г.	Т. 09620	Подписано к печати 27/VI—1969 г. Тираж 1425 экз.
Зак. 2141	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. л. 12,6

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

№ 17

В ОРДНКА

Д 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ И И

70891

1-12

Р

Цена 1 руб.

Индекс 70891